

ISSN 2409-7136   www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 06-04-2024

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Даниленко Денис Васильевич, доктор права (Франция),
danilenko_d@mail.ru

ISSN: 2409-7136

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 06-04-2024

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Danilenko Denis Vasil'evich, doktor prava (Frantsiya), danilenko_d@mail.ru

ISSN: 2409-7136

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редсовет

Главный редактор

Даниленко Денис Васильевич - доктор права (Франция), главный редактор журналов «Право и политика» и "Юридические исследования", исполнительный директор академической издательской группы «NOTA BENE» (ООО «НБ-МЕДИА»). 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Редсовет

Сыченко Елена Вячеславовна – PhD (университет Катании, Италия) , доцент кафедры трудового права Санкт-Петербургского государственного университета, 199034, Санкт-Петербург, 22 линия В.О., 7. e.sychenko@mail.ru

Нарутто Светлана Васильевна – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 125993. Москва, ул. Садовая-Кудринская 9, svetanarutto@yandex.ru

Кравец Игорь Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории истории государства и права, конституционного права Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 630090, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, kravigor@gmail.com

Гомонов Николай Дмитриевич – доктор юридических наук, профессор, Северо-Западный институт (филиал) Московского гуманитарно-экономического университета, декан юридического факультета, 183052, г. Мурманск, просп. Кольский, 51, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Беляева Галина Серафимовна – доктор юридических наук, профессор, Юго-Западный государственный университет кафедра теории и истории государства и права, 308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85,

Костенко Николай Иванович – доктор юридических наук, профессор Кубанский государственный университет, кафедра международного права, 350915, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Восточно-Кругликовская, 76/4, кв. 133

Боярский Марек - доктор права, профессор, ректор Университета Вроцлав, Польша; Poland, Pl. Uniwersytecki 1 50-137 Wroclaw, rooms 109 and 120, 1st floor

Графский Владимир Георгиевич - доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий сектором права, государства и политических учений, заведующий Центром теории и истории Института государства и права Российской академии наук. 119019. Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д.10.

Герд Винтер - доктор права, профессор, директор Научно-исследовательского Центра Европейского права окружающей среды Бременского университета (г. Бремен, Германия). Universität Bremen, Universitätsallee, GW I D 28359 Bremen gwinter@uni-bremen.de

Гузик-Макарук Эва Моника - доктор права, профессор Университета в Белостоке, Польша Poland, Room 109, ul. Mickiewicza 1, 15-213 Bialystok, Email: ewa.guzik@uwb.edu.pl

Гуляихин Вячеслав Николаевич – доктор философских наук, заведующий кафедрой социальной работы и педагогики Волгоградского государственного университета

Даниленко Василий Иванович - кандидат политических наук, председатель совета директоров академической издательской группы «NOTA BENE» (ООО «НБ-МЕДИА») 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Даниленко Денис Васильевич - доктор права (Франция), главный редактор журналов «Право и политика» и "Юридические исследования", исполнительный директор академической издательской группы «NOTA BENE» (ООО «НБ-МЕДИА»). 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Добрынин Николай Михайлович - доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета. 625000. Россия, г. Тюмень, ул. Ленина, 38.

Желински Мартин - доктор права, профессор, Конституционный трибунал Республики Польша (Constitutional Tribunal (Poland)) Poland, 00-918 Warsaw, Al. J. Ch. Szucha 12a

Ковлер Анатолий Иванович - доктор юридических наук, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. Большая Черемушkinsкая ул., 34, Москва, 117218

Курбанов Рашад Афатович - доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова: 117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., 36

Марочкин Сергей Юрьевич - профессор, доктор юридических наук, Заслуженный юрист РФ, директор Института государства и права Тюменского государственного университета. 625003, Россия, г. Тюмень, ул. Семакова, дом 10, Институт государства и права

Наган Винстон Персиваль - доктор права, профессор права Университета Флориды (школа права имени Левина), директор Института прав человека, мира и развития, профессор антропологии Брейзноуз Колледжа (Оксфорд), член Королевского общества искусств (Royal Society of the Arts, Лондон), член Комиссии по конституционным вопросам ЮАР (США). Brasenose College, Oxford, OX1, 4AJ. United Kingdom

Рерихт Алла Альфредовна - кандидат юридических наук, научный сотрудник юридического факультета Университета г. Гамбурга. Universitat Hamburg Mittelweg 177 20148 Hamburg Germany

Тихомиров Юрий Александрович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; 117218, Россия, Москва, ул. Б. Черемушkinsкая, 34

Хаммер Крег Саймон - доктор философии, консультант по вопросам международного права Всемирного банка реконструкции и развития, отдел развития новых банковских практик в сфере вовлеченности в гражданское общество, усиления и уважения разнообразия — CEERD, (г. Вашингтон, США). The World Bank Institute at the World Bank. 1818 H Street, NW, Washington, DC, United States of America, 20433

Коробеев Александр Иванович - доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедра уголовного права и криминологии, Дальневосточный федеральный университет. 690992, г. Владивосток, пос. Аякс, кампус ДВФУ,

Пешкова Христина Вячеславовна – доктор юридических наук, доцент заведующая

кафедрой гражданского, процессуального права, Центральный филиал Российского государственного университета правосудия, 394006, ул. 20-летия Октября, 95, Воронеж Peshkova1@yandex.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса ИГП РАН, профессор кафедры УДПОП ЦКШУ Академии управления МВД России. 119019 Москва, ул. Знаменка, д.10, E-mail: rwmms@rambler.ru

Чернядзева Наталья Алексеевна - доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Крымский филиал Российского государственного университета правосудия. chernyadnatalya@yandex.ru

Альбов Алексей Павлович - доктор юридических наук, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА), профессор, 107078, Россия, г. Москва, ул. Новая Басманная, 4-6, строение 3, кв. 348, aap62@yandex.ru

Аюпова Зауре Каримовна - доктор юридических наук, Казахский национальный университет, профессор, 050020, Казахстан, г. Алматы, ул. ул.Тайманова, 222, кв. 16, zaure567@yandex.ru

Беляева Галина Серафимовна - доктор юридических наук, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, заведующий кафедрой административного права и процесса, 308503, Россия, Белгородская область, пос. Майский, ул. Агрономическая, 5, gala.belyaeva2014@yandex.ru

Бидова Бэла Бертовна - доктор юридических наук, ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», зав.кафедрой уголовного права, криминологии и национальной безопасности, 364060, Россия, Чеченская республика область, г. Грозный, ул. Субры Кишиевой, 7, кв. 63, bela_007@bk.ru

Васильев Алексей Михайлович - доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Кубанский государственный университет" (ФГБОУ ВО «КубГУ»), профессор кафедры уголовного права и криминологии, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Кубанский государственный университет" (ФГБОУ ВО «КубГУ»), профессор кафедры уголовного права и криминологии, 350072, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. 2-й кадетский переулок, 12, 12, alexey771977@mail.ru

Володина Людмила Мильтоновна - доктор юридических наук, Тюменский государственный университет, профессор, 111402, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Вешняковская, 5 корпус 1, кв. 195, lm.volodina@yandex.ru

Галяшина Елена Игоревна - доктор юридических наук, ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», Директор Центра правовой экспертизы в сфере противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма, 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудриснская, 9, оф. 721, eigaljashina@msal.ru

Гомонов Николай Дмитриевич - доктор юридических наук, федеральное государственное

бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мурманский арктический государственный университет», профессор кафедры юриспруденции, 183010, Россия, Мурманская область, г. Мурманск, ул. Халтурина, 7, оф. 10, Gomonov.Nikolay@mail.ru

Калужина Марина Анатольевна - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «КубГУ»), профессор кафедры криминалистики и правовой информатики, Федеральное казенное учреждение «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний» (ФКУ НИИ ФСИН России), ведущий научный сотрудник, 350047, Россия, г. Краснодар, ул. 1 Линия, 140, kaluzhina.marishka@yandex.ru

Кобец Петр Николаевич - доктор юридических наук, Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», главный научный сотрудник отдела научной информации, подготовки научных кадров и обеспечения деятельности научных советов Центра организационного обеспечения научной деятельности, 121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1, pkobets37@rambler.ru

Кротов Андрей Владиславович - доктор юридических наук, 603054, Россия, г. Нижний Новгород, ул. а/я 33, 33, pravonnov@yandex.ru

Кудратов Некруз Абдунабиевич - доктор юридических наук, Таджикский государственный университет коммерции, Декан факультета, 734061, Таджикистан, г. Душанбе, ул. Дехоти, 1/2, каб. 309, nek-kudratov@mail.ru

Матвеев Антон Геннадьевич - доктор юридических наук, ФГАОУВО "Пермский государственный национальный исследовательский университет", профессор кафедры гражданского права, la-musica@yandex.ru

Новиков Алексей Валерьевич - доктор педагогических наук, Федеральное казенное учреждение "Научно-исследовательский институт ФСИН России", Главный научный сотрудник, Астраханский государственный университет, Профессор кафедры уголовного права, 140072, Россия, Московская область, пос. Томилино, ул. Пушкина, 59В, - , novikov.pravo@mail.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской академии наук, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», Профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений, 117628, Россия, г. Москва, ул. Знаменские сады, 1 корпус 1, кв. 12, rwmmos@rambler.ru

Рогова Евгения Викторовна - доктор юридических наук, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, профессор кафедры уголовного процесса, 664081, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, мкр. Крылатый, 24/3, кв. 20, rev-80@yandex.ru

Рыжов Валерий Борисович - Doctor of Juridical Science (S. J. D. or J. S. D.), Московский институт юриспруденции, заведующий криминалистической лабораторией, 125057, Россия, г. Москва, Ленинградский проспект, 75, корп. 1 А, кв. 291, valeriy_ryzhov@mail.ru

Сайфутдинов Тахир Исмаилджанович - доктор юридических наук, Кыргызско-Казахский университет, проректор по научной работе, Ошский государственный юридический институт, профессор кафедры уголовного права и процесса, 720072, Киргизия, г. Бишкек, ул. Тулебердиева, 80, saifutdinovt@bk.ru

Council of editors

Editor-in-Chief

Denis Vasilyevich Danilenko - Doctor of Law (France), editor-in-chief of the journals "Law and Politics" and "Legal Studies", Executive Director of the academic publishing group "NOTA BENE" (NB-MEDIA LLC). 115114, Moscow, Paveletskaya Embankment, 6A, office 211.

Editorial Board

Sychenko Elena Vyacheslavovna – PhD (University of Catania, Italy), Associate Professor of the Department of Labor Law of St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, 22 line V.O., 7. e.sychenko@mail.ru

Narutto Svetlana Vasilyevna – Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MGUA), 125993. Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str. 9, svetanarutto@yandex.ru

Igor Kravets – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of the History of State and Law, Constitutional Law Novosibirsk National Research State University, 630090, Novosibirsk Region, Novosibirsk, Pirogova str., 1, kravigor@gmail.com

Nikolay Dmitrievich Gomonov – Doctor of Law, Professor, North-Western Institute (branch) Moscow University of Humanities and Economics, Dean of the Faculty of Law, 183052, Murmansk, ave. Kola, 51, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Belyaeva Galina Serafimovna – Doctor of Law, Professor, Southwest State University, Department of Theory and History of State and Law, 85 Pobedy Str., Belgorod, 308015, Russia,

Kostenko Nikolay Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Kuban State University, Department of International Law, 350915, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Vostochno-Kruglikovskaya str., 76/4, sq. 133

Boyarski Marek - Doctor of Law, Professor, Rector of the University of Wroclaw, Poland, Pl. Uniwersytecki 1 50-137 Wroclaw, rooms 109 and 120, 1st floor

Grafsky Vladimir Georgievich - Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Head of the Sector of Law, State and Political Studies, Head of the Center for Theory and History of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 119019. Russia, Moscow, Znamenska str., 10.

Gerd Winter is a Doctor of Law, Professor, Director of the Research Center for European Environmental Law at the University of Bremen (Bremen, Germany). Universität Bremen, Universitätsallee, GW I D 28359 Bremen gwinter@uni-bremen.de

Guzik-Makaruk Eva Monica - Doctor of Law, Professor at the University of Bialystok, Poland Poland, Room 109, ul. Mickiewicza 1, 15-213 Bialystok, Email: ewa.guzik@uwb.edu.pl

Vyacheslav N. Gulyikhin – Doctor of Philosophy, Head of the Department of Social Work and Pedagogy of Volgograd State University

Danilenko Vasily Ivanovich - Candidate of Political Sciences, Chairman of the Board of Directors of the academic publishing group "NOTA BENE" (LLC "NB-MEDIA) 115114, Moscow,

Paveletskaya Embankment, house 6A, office 211.

Denis Vasilyevich Danilenko - Doctor of Law (France), editor-in-chief of the journals "Law and Politics" and "Legal Studies", Executive Director of the academic publishing group "NOTA BENE" (NB-MEDIA LLC). 115114, Moscow, Paveletskaya Embankment, 6A, office 211.

Dobrynin Nikolay Mikhailovich - Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Institute of State and Law of Tyumen State University. 625000. Russia, Tyumen, Lenin str., 38.

Martin Zelinsky - Doctor of Law, Professor, Constitutional Tribunal of the Republic of Poland (Constitutional Tribunal (Poland))Poland, 00-918 Warsaw, Al. J. Ch. Szucha 12a

Kovler Anatoly Ivanovich - Doctor of Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. Bolshaya Cheremushkinskaya str., 34, Moscow, 117218

Rashad Afatovich Kurbanov - Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Plekhanov Russian University of Economics: 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation

Sergey Yuryevich Marochkin - Professor, Doctor of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, Director of the Institute of State and Law of Tyumen State University. 10 Semakova str., Tyumen, 625003, Russia, Institute of State and Law

Nagan Winston Percival - Doctor of Law, Professor of Law at the University of Florida (Levin School of Law), Director of the Institute of Human Rights, Peace and Development, Professor of Anthropology at Brasenose College (Oxford), Member of the Royal Society of the Arts (London), member of the Commission on Constitutional Issues of South Africa (USA). Brasenose College, Oxford, OX1, 4AJ. United Kingdom

Roerich Alla Alfredovna - Candidate of Law, Researcher at the Faculty of Law of the University of Hamburg. Universitat Hamburg Mittelweg 177 20148 Hamburg Germany

Tikhomirov Yuri Alexandrovich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 34 B. Cheremushkinskaya str., Moscow, 117218, Russia

Hammer Craig Simon - PhD, Consultant on International Law of the World Bank for Reconstruction and Development, Department for the Development of New banking practices in the field of involvement in civil society, strengthening and respect for diversity — CEERD, (Washington, USA). The World Bank Institute at the World Bank. 1818 H Street, NW, Washington, DC, United States of America, 20433

Korobeev Alexander Ivanovich - Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Federal University. 690992, Vladivostok, village Ajax, FEPU campus,

Hristina V. Peshkova – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil and Procedural Law, Central Branch of the Russian State University of Justice, 95 20th Anniversary of October Str., Voronezh, 394006 Peshkova1@yandex.ru

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Professor, leading researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process of the IGP RAS, Professor of the Department of UDPOP of the CCSHU Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 10

Znamenka str., Moscow, 119019, E-mail: rwmms@rambler.ru

Natalia A. Chernyadyeva - Doctor of Law, Professor of the Department of State and Legal Disciplines, Crimean Branch of the Russian State University of Justice.

chernyadnatalya@yandex.ru

Alexey Pavlovich Albov - Doctor of Law, All-Russian State University of Justice (RPA), Professor, 4-6 Novaya Basmannaya str., building 3, sq. 348, Moscow, 107078, Russia,

aap62@yandex.ru

Ayupova Zaure Karimovna - Doctor of Law, Kazakh National University, Professor, 050020, Kazakhstan, Almaty, ul. Taimanova, 222, sq. 16, zaure567@yandex.ru

Belyaeva Galina Serafimovna - Doctor of Law, Belgorod State National Research University, Head of the Department of Administrative Law and Procedure, 308503, Russia, Belgorod region, village Maysky, Agronomic str., 5, gala.belyaeva2014@yandex.ru

Bidova Bela Bertovna - Doctor of Law, Kadyrov Chechen State University, Head of the Department of Criminal Law, Criminology and National Security, 364060, Russia, Chechen Republic region, Grozny, ul. Subry Kishieva, 7, sq. 63, bela_007@bk.ru

Vasiliev Alexey Mikhailovich - Doctor of Historical Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KubGU"), Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KubGU"), Professor of the Department of Criminal Law and Criminology criminology, 350072, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, ul. 2nd kadetskiy lane, 12, 12, alexey771977@mail.ru

Volodina Lyudmila Miltonovna - Doctor of Law, Tyumen State University, Professor, 111402, Russia, Moscow region, Moscow, Veshnyakovskaya str., 5 building 1, sq. 195, lm.volodina@yandex.ru

Elena Igorevna Galyashina - Doctor of Law, O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSLA), Director of the Center for Legal Expertise in Countering the Ideology of Terrorism and Preventing Extremism, 9 Sadovaya-Kudrinskaya str., office 721, Moscow, 123995, Russia, eigaljashina@msal.ru

Nikolay Dmitrievich Gomonov - Doctor of Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Murmansk Arctic State University", Professor of the Department of Jurisprudence, 7 Khalturina str., office 10, Murmansk, Murmansk Region, 183010, Russia, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Kaluzhina Marina Anatolyevna - Doctor of Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KubGU"), Professor of the Department of Criminalistics and Legal Informatics, Federal state Institution "Research Institute of the Federal Penitentiary Service" (FKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia), leading researcher, 350047, Russia, Krasnodar, 1 Liniya str., 140, kaluzhina.marishka@yandex.ru

Kobets Pyotr Nikolaevich - Doctor of Law, All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Chief Researcher of the Department of Scientific

Information, Training of Scientific Personnel and Ensuring the activities of Scientific Councils of the Center for Organizational Support of Scientific Activity, 121069, Russia, Moscow, Povarskaya str., 25, p. 1, pkobets37@rambler.ru

Andrey Vladislavovich Krotov - Doctor of Law, 603054, Russia, Nizhny Novgorod, 33 a/ya str., 33, pravonnov@yandex.ru

Kudratov Nekruz Abdunabievich - Doctor of Law, Tajik State University of Commerce, Dean of the Faculty, 734061, Tajikistan, Dushanbe, 1/2 Dekhoti str., room 309, nek-kudratov@mail.ru

Matveev Anton Gennadievich - Doctor of Law, Perm State National Research University, Professor of the Department of Civil Law, 614051, Russia, Perm Krai, Perm, ul. Uinskaya, 13, sq. 124, la-musica@yandex.ru

Alexey V. Novikov - Doctor of Pedagogical Sciences, Federal State Institution "Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia", Chief Researcher, Astrakhan State University, Professor of the Department of Criminal Law, 140072, Russia, Moscow region, village. Tomilino, Pushkin str., 59B, -, novikov.pravo@mail.ru

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process, Federal State State Educational Institution of Higher Education "Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation", Professor of the Department of Management of Public Order Units of the Center for Command and Controlstaff exercises, 117628, Russia, Moscow, Znamenskiye sadki str., 1 building 1, sq. 12, rwmMos@rambler.ru

Rogova Evgeniya Viktorovna - Doctor of Law, Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Procedure, 664081, Russia, Irkutsk region, Irkutsk, md. Winged, 24/3, sq. 20, rev-80@yandex.ru

Ryzhov Valery Borisovich - Doctor of Judicial Science (S. J. D. or J. S. D.), Moscow Institute of Jurisprudence, Head of the Forensic Laboratory, 125057, Russia, Moscow, Leningradsky Prospekt, 75, building 1 A, sq. 291, valeriy_ryzhov@mail.ru

Sayfutdinov Tahir Ismaildzhonovich - Doctor of Law, Kyrgyz-Kazakh University, Vice-Rector for Research, Osh State Law Institute, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, 80 Tuleberdieva Str., Bishkek, 720072, Kyrgyzstan, saifutdinovt@bk.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору
Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

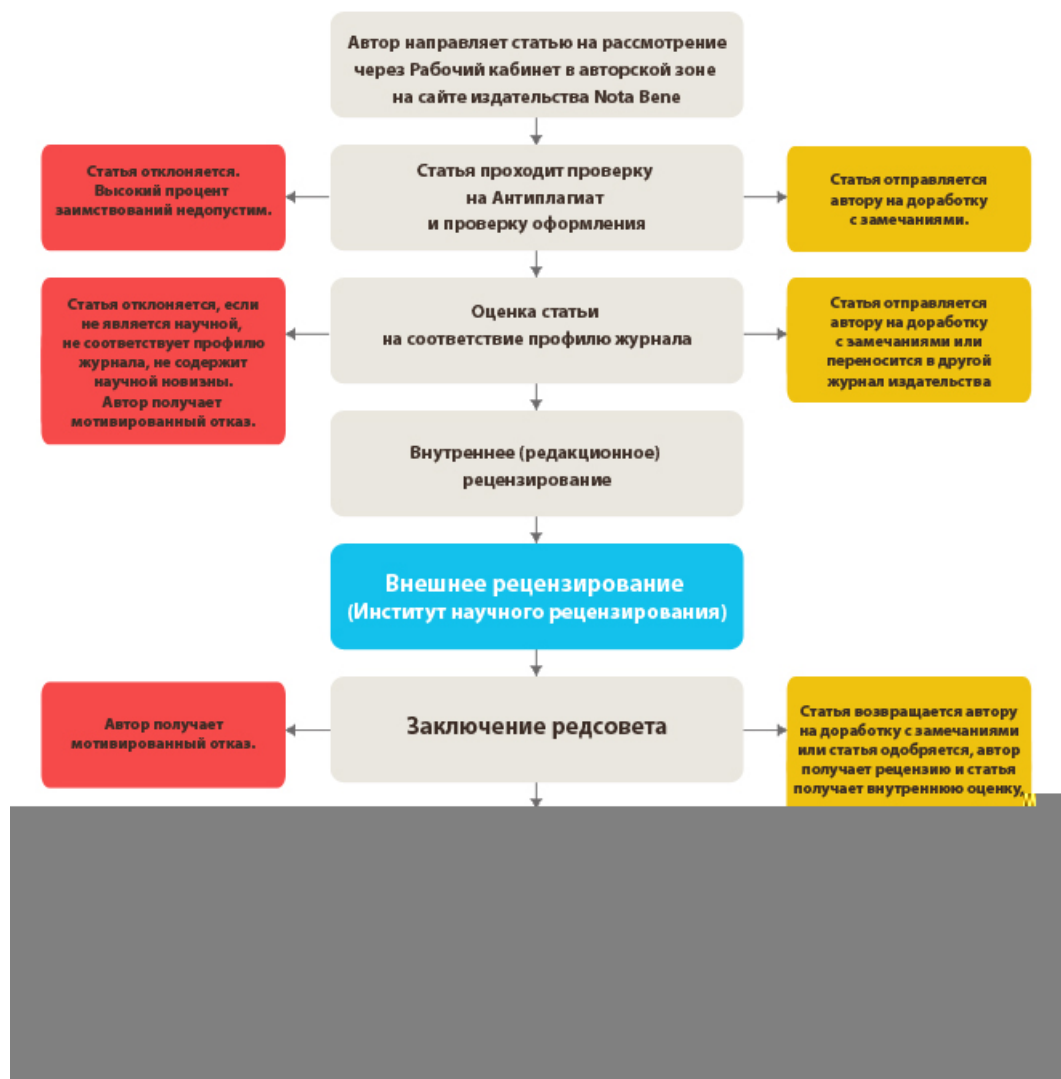
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Лыков А.Ю. Некоторые проблемы конструирования и понимания политико-правового идеала	1
Китаева В.Е. Формы организации населения как первичная ступень во взаимоотношениях с государством	22
Пурге А.Р. К вопросу о необходимости применения бэби-боксов в России и иных странах	35
Эрте Д.А. Специфика субъектов преступлений с административной преюдицией в сфере безопасности дорожного движения	51
Ильин И.Ю. Корысть как квалифицирующий признак преступлений в сфере предпринимательской деятельности.	62
Чакиев М.А. Личность преступника, совершающего преступления в отношении инвалидов, и виктимологическая характеристика жертвы-инвалида	80
Остроушко А.В., Чукреев В.А., Букалеров С.А. Уголовная ответственность за сексуальные преступления против несовершеннолетних в США, Канаде и Великобритании	98
Колесниченко О.В. Вред здоровью, причиненный в результате неблагоприятного экологического воздействия: цивилистические механизмы компенсации	115
Сухарева К.С. Актуальные вопросы досрочного прекращения полномочий депутатов представительных органов муниципальных образований за несоблюдение антикоррупционного законодательства	127
Англоязычные метаданные	142

Contents

Lykov A.Y. The Construction and Definition Problems Surrounding the Political and Legal Ideal	1
Kitaeva V. Forms of organization of people as a primary stage in relations with the state	22
Purge A.R. On the need to use baby boxes in Russia and other countries	35
Erte D. The specifics of the subjects of crimes with administrative prejudice in the field of road safety	51
Ilin I.Y. Self-interest as a qualifying sign of crimes in the field of entrepreneurial activity	62
Chakiev M.A. The personality of the offender who commits crimes against people with disabilities and the victimological characteristics of the disabled victim	80
Ostroushko A.V., Chukreev V.A., Bukalero S.A. Criminal liability for sexual offences against minors in the United States, Canada and the United Kingdom	98
Kolesnichenko O.V. Health damage caused as a result of adverse environmental impacts: civil compensation mechanisms	115
Sukhareva K.S. Topical issues of early termination of powers of deputies of representative bodies of municipalities for non-compliance with anti-corruption legislation	127
Metadata in english	142

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Лыков А.Ю. Некоторые проблемы конструирования и понимания политико-правового идеала // Юридические исследования. 2024. № 3. DOI: 10.25136/2409-7136.2024.3.69861 EDN: GCQSGR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69861

Некоторые проблемы конструирования и понимания политико-правового идеала

Лыков Андрей Юрьевич

ORCID: 0009-0003-3305-753X

Аспирант кафедры теории и истории государства и права Сибирского Федерального Университета

660065, Россия, Красноярский край, г. Красноярск, ул. Мверчака, 6

✉ lykov.science@gmail.com

[Статья из рубрики "Теория и философия права"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2024.3.69861

EDN:

GCQSGR

Дата направления статьи в редакцию:

15-02-2024

Дата публикации:

22-03-2024

Аннотация: Предметом исследования данной статьи является понятие «политико-правового идеала». Руководствуясь актуальными статистическими данными и результатами международно-правовых исследований, авторами постулируется тезис о том, что применяемые в мире модели развития государств оказались отчасти несостоятельными. Логическим следствием указанного обстоятельства предстает необходимость в разработке теоретико-юридической наукой новых подходов к совершенствованию общественных отношений. Этой цели может служить концепт политико-правового идеала. Переконструирование такого образца явилось бы необходимой предпосылкой для обеспечения прогресса государства и права в мире. Понимание политико-правового идеала в различных трудах сильно различается, равно как и существуют противоречивые позиции о том, как требуется формировать его

содержание. В исследовании на основе изучения юридической доктрины и современных научных работ предпринята попытка анализа понятия «политико-правовой идеал» и его свойств, а также предложен возможный способ его конструирования. Методологическую основу работы составляют системный подход, анализ, синтез, формально юридический метод и метод государственно-правового моделирования. При учете разработок из различных научных областей, наряду с применением диалектического метода, частично используется эклектический метод и синергетический подход. Для использования фактических данных об обществе в целом также применены статистический и социологический методы. Особым вкладом в исследование темы авторы считают формирование нового подхода к пониманию политико-правового идеала и его конструированию. При формировании теоретических положений, составляющих содержание политико-правового идеала, было предложено учитывать три группы обязательных закономерностей. Первая и основная группа свойственна для любого государства, вторая – только для группы государств, объединённых единой целью, третья – это закономерности, которые характерны для конкретного государства. Кроме того, в содержании проектируемой модели была предпринята попытка отразить необходимость и даже желательность существования противоречий в обществе и исходя из этого формировать механизм их разрешения. Представленный в работе подход может служить основой для дальнейшего совершенствования теории политико-правового идеала, а также способствовать выработке наиболее эффективных правовых решений со стороны государств.

Ключевые слова:

политико-правовой идеал, правовой идеал, противоречия, закономерности развития, универсальные нормы, государственный прогресс, социальный идеал, право, модель, общество

Усложнение общественных отношений, обострение глобальных проблем [\[1, с. 6\]](#) и развитие научного знания в сфере естественных и технических наук в условиях современности неизбежно ставят новые задачи перед правовой наукой. Начиная с древних греков лучшие умы человечества на протяжении тысячелетий бились над вопросом о самой справедливой форме общественно-государственного устройства. Сейчас решение этого вопроса начали отдавать на откуп всемогущего искусственного интеллекта.

Вместе с тем технологический прогресс и его производные являются не единственным показателем необходимости новых исследований. События первой четверти XXI века поставили перед Россией новые вызовы. Среди последних можно назвать пандемию Covid-19, усиливающиеся в мире геополитические противоречия, а также кризис ООН, выразившийся в неспособности нахождения консенсуса и в низкой эффективности международно-правовых институтов в регулировании отношений между различными организациями и государствами.

Дополнительным бременем для отечественного государства стало и то обстоятельство, что значительное время Россия проводила рецепцию западных ценностей, правовых норм и системы государственного управления. Вместе с тем акселерация противоречий в мире проиллюстрировала, что многие модели западного общественного устройства, к которым стремилась Россия, имеют существенные недостатки.

Евросоюз, несмотря на долгую историю развития гражданского общества, показал невозможность осуществления самостоятельной внешней политики, а также выраженную меркантильность в заключении международных соглашений отдельными странами. В свою очередь США продолжают снижение в индексе демократии [\[2; 3, с. 74\]](#), что демонстрируют кризисы в Сенате от противостояния между демократической и республиканской партиями, а монополизация финансовых потоков и политической системы в действительности не сильно отличается от достаточно молодых по заданному критерию постсоветских стран. Фактически международное сообщество оказалось в ситуации, когда старые модели развития исчерпали себя, а новые так и не были созданы.

Причем подобный вакуум проявляется не только в международных отношениях и праве, но и в различных аспектах внутренних социальных процессов. Например, даже в развитых странах семимильными шагами растут материальная поляризация [\[4, с. 13-14; 5\]](#), централизация управления и дезинформация [\[6, с. 4-5\]](#), разобщение по этническим и культурным ценностям [\[7, с. 91\]](#), риски политической нетерпимости ультраправого толка [\[8, с. 1, 6\]](#), стагнация социальных лифтов [\[9, с. 1, 71-72\]](#) и др.

Для указанных и многих других появляющихся общественных феноменов требуется выработка новых правовых институтов, основанных на достижениях современной юридической науки. Конструирование последних затрагивает не только вопросы юридической техники, но и фундаментальные вопросы теории государства и права. Достижению указанной цели может способствовать новый проект политико-правового идеала. Исследование последнего позволяет сформировать критерии, с помощью которых создается наиболее оптимальная и эффективная государственно-правовая модель.

Понимание феномена политико-правового идеала и подходы к его определению отличаются в различных научных трудах. При этом используются такие категории, как политико-правовой идеал [\[10, с. 29-36\]](#), правовой идеал [\[11, с. 13-14; 12, с. 146; 13, с. 42-45; 14, с. 30-33\]](#), государственно-правовой идеал [\[15, с. 121-125\]](#), общественный идеал [\[16, с. 93-101; 17, с. 70\]](#), социальный идеал [\[18, с. 16; 19, с. 26-31\]](#), идеал политически организованного общества [\[20, с. 40-42\]](#), идеальное государство [\[21, с. 7-11\]](#) и многие другие [\[22, с. 11\]](#), в том числе отраслевые идеалы [\[23, с. 73\]](#). В связи с этим Л.В. Карнаушенко справедливо замечает, что «несмотря на глубокую общетеоретическую разработку, наука не пришла к консенсусу по поводу семантического содержания правового идеала», а «дуалистический характер права (как идеи и государственно-управленческой стратегии одновременно) осложняет построение концептуальных объяснений правового идеала» [\[24, с. 108\]](#).

Принимая во внимание значительный объем научных работ по теме исследования, представляется эффективным осуществление анализа имеющихся представлений о политико-правовом идеале, а также синтез идей, которые в лучшей степени способствуют цели конструирования модели наилучших государства и права. В целях учета разработок из различных научных областей, наряду с применением диалектического метода, эффективным оказывается и частичное использование эклектического метода и синергетического подхода. Кроме того, методологическая основа исследования требует использования и ряда специальных приемов.

Во-первых, все имеющиеся труды по предмету исследования можно разделить на две

категории. Первую категорию составляют специальные разработки политико-правового идеала. В них непосредственно используется терминология, прямо связанная с предметом исследования, предлагается комплексная модель политико-правового идеала, или изучаются его отдельные проблемы. Например, к последним возможно отнести вопросы понимания политико-правового идеала, его функций и свойств, а также установления идей, которые следует отражать в содержании такого образца. Вторую категорию составляют наиболее общие труды по теории и истории государства и права, а также других наук об обществе. В них не применяется специальная терминология, относящаяся к предмету исследования, но затрагиваются различные вопросы создания наилучшей модели общества, государства и права. В этой связи в той или иной степени любые труды в области юриспруденции затрагивают теорию политико-правового идеала, так как служат цели совершенствования и развития государства и права.

Во-вторых, при анализе работ из указанных двух категорий следует учитывать контекст использования понятия политико-правового идеала. В определенных случаях применяемая терминология относится к стилю научного изложения или используется в методологических целях. Например, последнее обстоятельство можно выявить при отождествлении рядом специалистов понятий общественного и правового идеала, что позволяет сосредоточить внимание на основных предлагаемых идеях, а не на споре об используемых трактовках. По этой причине при рассмотрении некоторых проблем понимания политико-правового идеала представляется полезным применение и дивинаторного метода.

При анализе идей авторов также необходимо учитывать исторические обстоятельства, в которых публикуются те или иные труды. Нередко ученые ограничены в полном изложении своих позиций по причине проводимой государственной политики. В этой связи нельзя не согласиться с аргументацией Т.Ф. Ящук, приведенной при исследовании понимания формы государства в советский период, что «демократизация общественных отношений <...> благотворно сказалась на состоянии историко-правовых исследований. Постоянно увеличивалось число ученых, активизировалась издательская деятельность; смягчение идеологического диктата позволило расширить научную проблематику, открыло доступ к историческим источникам, давало определенную свободу в методологии, теоретических оценках и выводах» [\[25, с. 22\]](#).

В-третьих, при исследовании проблем политико-правового идеала содержание последнего предлагается распределить на два уровня. Первый уровень состоит из основополагающих идей, которые должны быть отражены в формируемой модели. Здесь, в первую очередь, необходимо обращаться к работам специалистов в области теории и истории государства и права, философии права и политологии. Второй уровень содержания политико-правового идеала состоит из положений, конкретизирующих указанные идеи применительно к конкретным отношениям в обществе, в том числе с помощью отраслевых юридических наук. Такое распределение позволяет, с одной стороны, изучить политико-правовой идеал во взаимосвязи с различными общественными феноменами, с другой стороны – применить специальные юридические методы для разрешения конкретной научной проблемы.

Категория политико-правового идеала была предметом анализа многих классических и современных авторов. Например, Р. Штаммлер, рассуждая о правовом идеале, указывал, что в социуме невозможно установить универсальные закономерности, которые бы отражались во всех таких моделях, поэтому поиск абсолютного права является заблуждением [\[26, с. 195-196\]](#). По этой причине для каждого общества конструирование

правового идеала необходимо осуществлять независимо от других социальных организмов, так как естественное право изменяется в конкретный исторический период в конкретных обстоятельствах [\[26, с. 197\]](#). Смежных взглядов, но в более антагонистических красках, придерживались Р. Иеринг и И.В. Гессен. Согласно Р. Иерингу, «идея о том, что право в сущности должно быть всюду одно и то же, ничуть не лучше идеи о том, что лечение всех больных должно быть одинаково» [\[27, с. 319\]](#). Автор обращает внимание на необходимость для права «сообразоваться с состоянием народа, степенью его культуры и потребностями времени» [\[27, с. 319\]](#), отрицая возможность формирования универсального права для всех народов [\[27, с. 319\]](#). И.В. Гессен, в свою очередь, отмечал, что «каждый народ в каждую эпоху имеет <...> общественный идеал, <...> владеющий в данную минуту ... человеческими умами с тем, чтобы через некоторое время бесславно быть поверженным и уступить <...> место новому <...>, которому в свое время будет приготовлена такая же участь» [\[28, с. 15\]](#).

Противоположные выводы обосновываются Д. Финнисом, который придерживается позиции, что в содержании политико-правового идеала для любого государства существуют базовые естественно-правовые нормы, которые строятся на принципах практической разумности [\[29, с. 163\]](#). Например, указывает ученый, человек должен способствовать общему благу своего социума [\[29, с. 163\]](#), обеспечивать эффективность используемых средств для достижения целей, минимизируя при этом негативные последствия [\[29, с. 165\]](#), соблюдать запрет на действия, которые только вредят или препятствуют реализации любым человеческим благам [\[29, с. 156\]](#), а также не нарушать ряд других правил. Частично рассматриваемые идеи фигурировали и в работах представителей другой правовой школы – П.И. Новгородцева и Н.Н. Алексеева. П.И. Новгородцев, рассуждая об общественном идеале, акцентировал внимание на солидарности всех членов этого общества на основе свободы и равенства [\[30, с. 109-110; 31, с. 232-233\]](#), игнорируя при этом установление закономерностей развития самого общества. Н.Н. Алексеев, в свою очередь, исходил из позиции, что «достижение совершенного состояния права возможно только при правильном познании ценностей, их взаимных отношений, их порядка и иерархии. С этой точки зрения вопрос о правовом идеале в его конкретной и опытной постановке требует прежде всего серьезной и глубокой познавательной работы» [\[32, с. 204\]](#). Иными словами, Н.Н. Алексеев не отрицает возможность постижения универсальных норм и, как следствие, включение их в содержание политико-правового идеала.

В рассматриваемом вопросе следует согласиться с позицией, что при формировании содержания политико-правового идеала возможно установить правила, которые будут применимы для любого государства. Исследуя антропологические отчеты, Д. Финнис наглядно констатирует, что каждому обществу свойственны ряд одинаковых черт, в том числе понимание ценности человеческой жизни, необходимость в воспроизводстве населения, организация сотрудничества между его членами [\[29, с. 115-116\]](#). Такого рода черты обусловлены природой человека [\[33, с. 317\]](#). Если же такие существенные и необходимые взаимосвязи перестанут существовать, перестанет существовать и общество. По этим причинам тезис Р. Штамллера о возможности нахождения только «естественного права, которое имело бы сменяющееся содержание» [\[26, с. 196\]](#), едва ли является оправданным.

Различные подходы к исследованию понятия и свойств политико-правового идеала

содержатся и в современных юридических исследованиях. П.А. Оль, говоря о государственно-правовом идеале, указывает, что он есть «обусловленное морально-этическими нормами общественное (личностное) представление о наиболее совершенной (соответствующей идеям справедливости) государственно-правовой организации общества, являющееся конечной целью общественных (личностных) стремлений и деятельности» [\[34, с. 158\]](#). Категорию государственно-правового идеала используют также А.В. Величко [\[35, с. 41\]](#) и У.Ш. Таймасханов. Последний автор выделяет правовой идеал, который «составляет совокупность правовых ценностей, идей, принципов, установок на правомерное поведение, правовых знаний, определяющих смысловое значение правомерности в исторически конкретном контексте юридической практики» [\[36, с. 9\]](#). Е. А. Фролова, рассматривая проблему соотношения общественного идеала и личностного идеала, отмечает, что «если в абсолютном идеале ориентиром служит сознание отдельного лица, то для общественного – важен количественный элемент (наибольшее счастье наибольшего количества лиц по Бентаму)» [\[37, с. 459\]](#). Согласно Е.А. Фроловой, «общественный (правовой) идеал должен иметь ориентиром личность, – таким образом будет учтена нравственная ценность индивида в условиях общественности» [\[37, с. 462-463\]](#).

Теоретический анализ приведенных суждений, а также научных работ других авторов, позволяет выявить проблему установления базовых свойств политико-правового идеала. Это связано с тем фактом, что в исследованиях отсутствует единая позиция о перечне свойств политико-правового идеала, а также отсутствует единство в понимании их содержания. С учетом изложенного, предлагаем в качестве таких свойств рассматривать критичность, перспективность, проективность, рациональность и регулятивность. Причем следует обратить внимание на то обстоятельство, что степень проявления указанных свойств в конкретно взятом политико-правовом идеале может различаться, что также позволяет применить их в качестве критериев оценки такого рода образцов. Кроме того, некоторые другие свойства остаются предметом научной дискуссии, в том числе связанной с вопросом формирования правильного содержания политико-правового идеала.

Критичность подразумевает, что политико-правовые идеалы формируются по причине недовольства состоянием существующих отношений в обществе. В связи с этим, констатирует Д.Ю. Шапсугов, основная политико-правовая идея, являющаяся одним из компонентов политико-правового идеала, отражает «неудовлетворенные социальные потребности» [\[38, с. 12-13\]](#). Г.С. Працко, как и Д.Ю. Шапсугов, оправданно замечает, что при любом характере существующих нормативно-правовых актов, правовой идеал «предоставляет личности как субъекту права возможность соразмерять сложившуюся правовую действительность с возможными, более позитивными ее достижениями» [\[39, с. 52\]](#). Приведенные выводы фигурируют и в других научных работах [\[40, с. 64-68\]](#).

Вместе с тем, не всякая модель совершенных государства и права предполагает высокую степень проявления критичности. Например, указывает В.С. Нерсисянц, «основная мысль, развиваемая Гегелем в различных вариациях, состоит в том, что уже достигнут уровень достаточно развитого строя свободы, права, разума и сформировался соответствующий этому уровню развития государственно-правовой принцип функционирования современного ему (т.е. буржуазного) строя, весь дальнейший прогресс которого должен происходить на собственной основе – не только без насилия и революций, но даже без видимых изменений» [\[41, с. 281\]](#). По этой причине критичность стоит понимать не только с точки зрения содержания, но и с точки зрения самого

процесса оценки сложившихся общественных отношений.

Свойство перспективности выражается в том, что политико-правовой идеал направлен на будущее состояние общественных отношений. Как указывается А.Ш. Будаговой в контексте рассмотрения проблемы конституционного идеала, основное назначение последнего состоит в «оформлении баланса "между прошлым и будущим"» [\[23, с. 73\]](#). Другими словами, модели совершенных государства и права формируются для обеспечения дальнейшего развития социального организма.

Проективность подразумевает создание проекта, который предназначен для воплощения на практике посредством изменения существующих социальных явлений, или предполагает наличие общих идей об осуществлении такого преобразования. Очевидно, что свойство проективности может быть выражено в разной степени. Некоторые политико-правовые идеалы представлены в форме комплексных моделей, включающих в себя не только основные идеи, но и конкретные изменения и проекты нормативно-правовых актов. Другие, напротив, могут ограничиваться только небольшой сферой социальной действительности, или не иметь четко сформулированных положений. Например, многие политико-правовые идеалы, описываемые в политических программах, не содержат конкретных политико-правовых преобразований и концентрируют внимание только на существующих проблемах общества, а также могут иметь основной целью исключительно перераспределение власти в обществе [\[42, с. 124\]](#).

Научные работы содержат и другие подходы, иначе объясняющие рассматриваемое свойство. Д.Ю. Шапсугов, наряду с основной политико-правовой идеей и образом политико-правовой действительности, выделяет в качестве третьего главного компонента политико-правового идеала «практические политико-правовые преобразования, которые должны быть осуществлены для воплощения идеала в действительности» [\[38, с. 12-13\]](#). Напротив, Н.Х. Биглова указывает, что «концепция идеального государства» не содержит в себе ее воплощение в действительности [\[43, с. 8\]](#). В рассматриваемом случае, представляется, что политико-правовой идеал не во всех случаях содержит явные политико-правовые преобразования. Это подтверждается уже обозначенной оценкой В.С. Нерсисянца основной идеи Гегеля, а также вытекает из более общего представления о социальном идеале, изложенного Е.В. Осиповой. По ее словам, «общественный идеал всегда включает в себя представление о совершенном, наиболее развитом, без изъянов и недостатков, состоянии общества» [\[44, с. 9\]](#). При этом «выделение в качестве конститутивных признаков идеала представлений о совершенном и должном состоянии общества, противостоящем существующей действительности, а также его способность выступать в качестве цели, являются достаточными для выделения того или иного духовного образования в качестве идеала» [\[44, с. 12\]](#).

Рациональность в качестве свойства политико-правового идеала означает, что при конструировании такой модели предпринимается попытка использования рациональных методов. Предлагаемая формулировка обусловлена необходимостью учитывать два важных обстоятельства.

Во-первых, применяемые для моделирования политико-правового идеала способы познания не идентичны на различных этапах исторического развития. Например, утопический способ, использованный в работах Т. Кампанеллы [\[45\]](#), Т. Мора [\[46\]](#), а также частично в трудах представителей других теоретических направлений (Платона [\[47\]](#), И.Г. Фихте [\[48\]](#) и др.), характеризуется высокой степенью детализации идеала общественной

жизни, значительной разницей между предлагаемой моделью и фактической жизнью людей, неадекватностью средств достижения политико-правового идеала, а также существованием нереализуемых идей [\[49; 50; 19\]](#). Это позволяет говорить о низкой степени рациональности предлагаемых политико-правовых идеалов или элементов их содержания. Напротив, способ сохранения в политико-правовом идеале поля неопределенности и типологизации, использованный, например, в работах Г. Спенсера [\[51, с. 348, 373\]](#), Г. Еллинека [\[52, с. 26-27\]](#) и М. Вебера [\[53, с. 589-657\]](#), а также способ конструирования естественного права, использованный, в том числе Т. Гоббсом [\[54\]](#), Д. Локком [\[55\]](#), Ж-Ж. Руссо [\[56\]](#) и другими учеными, позволяет достичь большей степени рациональности предлагаемых моделей.

Во-вторых, так как политико-правовой идеал существует не только в форме специальных разработок авторов, но также присутствует и в форме обычных представлений членов общества о наиболее совершенных моделях государства и права, сам факт попытки логического сопоставления существующей и возможной реальности может свидетельствовать о минимальном уровне рационального мышления. Другое дело, что не всегда результат такого сопоставления воплощается в правильных представлениях. В этой связи следует согласиться с выводами, изложенными Е.В. Усковой, что «рациональное мышление полагается возможным без обязательного осознания предмета мышления <...>, рациональность в таком случае становится внутренней характеристикой человеческого мышления, а осознанность выступает как дополнительная характеристика» [\[57, с. 61\]](#). Как указывает исследователь, рациональность следует рассматривать с учетом особенностей, которые накладываются на нее конкретным человеком, что выражается в ее ограниченности «историческими рамками, конкретной ситуацией, эмоциями» и ее взаимосвязанности с содержанием «мыслей, желаний и поступков» [\[57, с. 61\]](#). По этой причине многие политико-правовые идеалы могут обладать высокой степенью рациональности, отличаясь при этом по своему содержанию.

Свойство регулятивности означает, что политико-правовой идеал воздействует на существующую политико-юридическую практику. Причем политико-правовой идеал способен оказывать воздействие на поведение людей независимо от его закрепления в системе юридических норм, в том числе в конституции государства. Это следует из того факта, что в структуре правосознания он относим к правовой идеологии. Г.С. Працко по этому поводу обоснованно констатировал, что «правовой идеал незримо присутствует в сферах правотворчества, процессах реализации правовых законов и соответствующих правовых норм. Он определенным образом преломляется в правовом мышлении, правосознании и содержании правовой культуры субъектов права. Внедрение правовой законности, укрепление должного правового порядка также не могут протекать вне естественной ориентации к высотам правового идеала» [\[39, с. 52\]](#). Указанный тезис подтверждает в своих работах и Р. Паунд, указывая на факт возможного применения юристами идеалов для выбора применимых правовых норм и способа их толкования [\[58, с. 78\]](#). Поэтому тезис о том, что стремление внедрить идеалы в существующую социальную практику несет исключительно негативные последствия [\[59, с. 121\]](#), как минимум, требует уточнения.

При характеристике политико-правового идеала исследователями также делаются различные суждения относительно взаимосвязи такой модели с существующими противоречиями в обществе. Например, согласно теоретической позиции П.А. Рачкова, идеал предполагает такой образец будущего, в котором происходит «абсолютное

преодоление противоречий между индивидом и обществом» [60, с. 24-25]. Напротив, по мнению С.Н. Булгакова, в идеале не может не присутствовать «борьба личности с обществом» [61, с. 307], так как «абсолютное совершенство <...> недостижимо в условиях эмпирического бытия» [61, с. 307]. Как следствие, политико-правовой идеал не выступает в качестве «рая на земле» [61, с. 307]. П.А. Оль также обращает внимание на то обстоятельство, что «люди создают для себя образы такой юридической действительности, в рамках которой наличные, гнетущие их социальные противоречия представляются преодоленными, "снятыми", действительность предстает "очищенной" от противоречий» [34, с. 160]. Подобное суждение делается и А.В. Бутаковым: «общество, осознав существование социального противоречия, целенаправленно формирует соответствующие способы (правила) их преодоления для обеспечения своего поступательного развития» [62, с. 12].

В рассматриваемом вопросе следует исходить из следующей позиции. Действительно, как верно замечают П.А. Оль и А.В. Бутаков, существующие противоречия можно рассматривать в качестве одного из источников формирования политико-правового идеала. Это прямо следует из упомянутого свойства критичности политико-правового идеала. При этом в правильно сконструированных политико-правовых идеалах должна присутствовать идея о неизменном возникновении противоречий в обществе. В особенности это касается комплексных моделей, которые предлагаются специалистами в области теории государства и права, философии права, социологии и других наук, где осуществляется моделирование общественных отношений. Ведь без противоречий социальное взаимодействие станет монолитным, а их наблюдатель и участник фактически будут представлены в качестве одного субъекта. В целом это вытекает и из базового закона диалектики о единстве и борьбе противоположностей. Как указывает С.В. Мурашева, «бесконфликтное общество является недостижимым, поскольку полное исчезновение конфликтов приведет к его стагнации <...>, противоречия являются источником социального развития, поскольку их любое разрешение ведет к изменениям в обществе» [63, с. 158]. Поэтому включение идеи об имманентности существования противоречий в обществе является одной из важных предпосылок для правильного формирования содержания политико-правового идеала.

Принимая во внимание многочисленные и многоаспектные, в том числе упомянутые научные труды, нам представляется возможным предложить подход к исследованию категории политико-правового идеала, основывающийся на следующих выводах и положениях.

Во-первых, такой образец является моделью всего общества, то есть всей действительности людей, на которую распространяется суверенная власть. Речь идет об одновременном учете позиций Д. Остина и Д. Истона, что любое общество политически организуется, в том числе путем выработки его руководством императивных норм и их реализации [64, с. 148; 65, с. 89-90; 66].

Во-вторых, политико-правовой идеал в исторической призме является родовым понятием, включающим в себя идеал локальных групп охотников-собирателей и самостоятельных деревень земледельцев и скотоводов, идеал вожеств, и идеал государства – как современной формы политической организации.

В-третьих, правовой идеал является частью политико-правового идеала. Это обуславливается тем обстоятельством, что право мыслится как часть общества [67, с. 9-]

[101](#). Обоснованной с этой стороны является позиция И.А. Треушникова и Е.В. Грязновой о том, что «право есть элемент управленческой сферы. Поэтому и структуру правового идеала следует рассматривать исходя из структуры самой этой сферы» [\[68, с. 34\]](#). В свою очередь, сам политико-правовой идеал является частью действующего права, а в структуре правосознания политико-правовой идеал относим к правовой идеологии. Принимая во внимание, что правосознание можно определить в качестве «идеологического источника права», как указывает В.А. Рыбаков [\[69, с. 6\]](#), политико-правовой идеал также возможно отнести и к «идеологическим источникам права».

В-четвертых, корректное конструирование политико-правового идеала включает в его содержание идею о неизбежности противоречий в обществе. Последние естественным образом не только всегда присутствуют в обществе, но и являются необходимыми предпосылками для его совершенствования и развития. Поэтому следует согласиться с исследователями, поддерживающих указанную позицию.

В-пятых, содержание политико-правового идеала включает в себя учет трех групп необходимых закономерностей. Первая и основная группа свойственна для любого государства, вторая – только для группы государств, объединённых единой целью, третья – это закономерности, которые исключительны для конкретного государства. Например, к первой группе возможно отнести следующие: наличие единства интересов всех лиц, входящих в социум, для которого формируется политико-правовой идеал; обеспечение трудовой деятельности; реализация коммуникации, достаточной для выживания и совершенствования; поддержание мира, включая механизмы нахождения социальных балансов и компромиссов; познание людьми самих себя и окружающей среды, применение научных знаний для самосохранения и прогресса.

Разумеется, выделенные группы в каждом указанном обществе существуют во взаимосвязанном единстве. Их отделение друг от друга возможно лишь абстрактно теоретически. Кроме того, важно понимать, что закономерности, устанавливаемые наукой для любого государства, имеют фундаментальный и неизменный характер и ограничены только возможностью человеческого познания. Напротив, установление закономерностей для групп государств или для одного конкретного государственного образования имеет в большей степени прикладной характер, что позволяет обеспечить более совершенное правовое регулирование на конкретном этапе развития для конкретного социального организма. Иными словами, эти закономерности в своей природе допускают возможность своего исчезновения с течением времени в связи с исчезновением оснований для их критеризации.

Наконец, формулируя понятие политико-правового идеала, под последним предлагается понимать образец политически организованного общества и права, который обеспечивает выживание, совершенствование и развитие социального организма с помощью юридических норм и служащий, кроме этого, целью, осуществляемой при правовом регулировании. При этом конкретные политико-правовые идеалы характеризуется различной степенью проявления таких свойств, как критичность, перспективность, проективность, рациональность и регулятивность.

На современном этапе содержание политико-правового идеала помимо прочих идей подразумевает формирование модели общества как самого передового и обеспеченного в мире, превосходящего остальные по уровню профессионализма, здоровья, образованности и общей культуры, а также обогащение системы удовлетворяемых потребностей всех его членов. Достижение такого положения становится возможным

если во все увеличивающихся масштабах государство станет использовать выгоды всемирной кооперации. Это обуславливается непосредственно закономерностями развития общества, включающими в себя необходимость в распределении труда, социальной коммуникации и обеспечении всеобщей безопасности. Е.А. Фролова справедливо обращает внимание на «необходимость конструирования общечеловеческого правового идеала» [\[37, с. 452, 449\]](#), так как это позволит объединить многие группы населения независимо от их политической ориентации и культурной принадлежности.

Именно по этой причине проведение ограничительных мер или отказ от международного сотрудничества в конечном счете приводят к снижению уровня жизни людей не только для граждан государства, в отношении которого такие меры вводятся, но и для граждан стран, которые применяют такую политику. Например, после введения санкций в отношении России в 2022-2023-е гг. в сравнении с предыдущими периодами, совокупные реальные доходы и потребление в странах Евросоюза показали отрицательную динамику [\[70, с. 6\]](#). Причем подобные меры несут и другие негативные последствия, выражающиеся, в том числе в увеличении бремени риска для инвестиций [\[71, с. 155\]](#), прекращении научного и культурного обмена, сокращении участия в решении глобальных проблем.

Напротив, правильный учет универсальных закономерностей развития общества в политико-правовом идеале, в частности необходимости во всеобщей кооперации, предполагает осуществление государственной политики иного рода. Такая политика строится на привлечении максимально возможного количества иностранных инвестиций и трудовых ресурсов. Применительно к отечественному законодательству, в качестве примера, следует рассмотреть возможность внесения следующих изменений в нормативно-правовые акты.

Во-первых, расширить перечень лиц, для которых предусмотрен упрощенный порядок получения гражданства согласно требованиям ст. 16 Федерального закона от 28.04.2023 № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации». Сократить необходимый срок проживания иностранных граждан и лиц без гражданства с 5 лет до 6 месяцев в случае, если заявители обладают подтвержденной квалификацией в наиболее востребованных профессиях, в том числе для ученых, инженеров, программистов и др. В настоящий момент порядок приема таких лиц осуществляется в исключительном порядке, который регулируется ст. 17 указанного нормативно-правового акта.

Во-вторых, внести изменения в Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и ввести общее правило безвизового режима для всех стран независимо от наличия международных соглашений. В свою очередь, визовый режим следует вводить в качестве исключения для некоторых государств. Например, при наличии неконтролируемых миграционных рисков и рисков национальной безопасности. Кроме того, следует внести поправки в ст. 6 указанного нормативно-правового акта и исключить квотирование разрешений на временное проживание иностранных граждан.

В-третьих, предоставить право выбора дополнительного правового режима для иностранных инвесторов, который регулируется, в том числе, Федеральным законом от 09.07.1999 № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации». Частью 1 ст. 4 указанного федерального закона предусмотрено, что правовой режим деятельности иностранных инвесторов и использования полученной от инвестиций прибыли не может

быть менее благоприятным, чем правовой режим деятельности и использования полученной от инвестиций прибыли, предоставленный российским инвесторам, за изъятиями, устанавливаемыми федеральными законами. Напротив, предлагается внести возможность полного освобождения от прямых налогов для иностранных инвесторов, при условии введения для них запрета на вывод денежных средств за пределы финансовой системы Российской Федерации в течение 15 лет. Отчасти такие идеи реализованы согласно ч. 6 ст. 38.1 Федерального закона от 22.07.2005 № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» и, например, в соответствии с ч. 1 ст. 284 НК РФ. В особенности такие нововведения будут полезными для инвестиций, которые осуществляются в реальный сектор экономики. Последние по своей природе невозможно будет перенести в другие юрисдикции, когда завершится льготный налоговый период.

Указанные изменения нормативно-правовых актов представлены в качестве одного из примеров, когда закономерности развития общества учитываются при построении политико-правового идеала. Разумеется, расширение кооперации и коммуникации является не единственной из обозначенных закономерностей, которые характерны для любого государства. Поэтому применение предлагаемого подхода охватывает и многие другие социальные сферы.

Безусловно, для участников международных отношений всегда существует потребность в защите культурной идентичности населения и сохранении технологической независимости, потребность в умеренной политике протекционизма и защите национальных интересов своего государства. Поэтому применение политико-правового идеала должно осуществляться с должным уровнем проработки конкретных государственных и правовых решений. В таких случаях, как минимум, необходимо анализировать последствия принимаемых решений с точки зрения дальнейшего улучшения или ухудшения жизни людей.

Исследованию политико-правового идеала сопутствуют и множество других проблем, требующих подробного изложения и анализа. При этом, по нашему мнению, составляющие его содержание положения не должны вступать в противоречие с обозначенными обязательными закономерностями функционирования общества. Предложенный подход к пониманию и конструированию политико-правового идеала позволит обеспечить самосохранение и прогресс государства и права.

Библиография

1. Global Risks Report 2023 // World Economic Forum. 11.01.2023. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_Risks_Report_2023.pdf (дата обращения: 19.01.2024).
2. The world's most, and least, democratic countries in 2022 // The Economist. 01.02.2023. URL: <https://www.economist.com/graphic-detail/2023/02/01/the-worlds-most-and-least-democratic-countries-in-2022> (дата обращения: 24.01.2024).
3. The Global State of Democracy 2023. The New Checks and Balances // International Institute for Democracy and Electoral Assistance. 02.11.2023. URL: <https://www.idea.int/gsod/2023> (дата обращения: 19.01.2024).
4. Fabiani, M. Unraveling the Roots of Income Polarization in Europe: A Divided Continent // *Economies*. 2023. № 8. Article 217.
5. Rising Economic Polarization in the United States: Truth and Facts // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 24.02.2023. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/wjbxw/202302/t20230224_11030978.html (дата

обращения: 24.01.2024).

6. Gonzalez M. Case Study: United States of America. Global State of Democracy 2023 Report // International Institute for Democracy and Electoral Assistance. 02.11.2023. URL: <https://www.idea.int/sites/default/files/2023-11/case-study-usa-gsod-2023-report.pdf> (дата обращения: 01.02.2024).
7. Fundamental Rights Report – 2023 // European Union Agency for Fundamental Rights, Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2023. URL: https://fra.europa.eu/sites/default/files/fra_uploads/fra-2023-fundamental-rights-report-2023_en_1.pdf (дата обращения: 01.02.2024).
8. Macy M.W, Ma M., Tabin D.R., Gao J., Szymanski B.K. Polarization and tipping points // Proceedings of the National Academy Sciences. 2021. № 50. URL: <https://www.pnas.org/doi/full/10.1073/pnas.2102144118> (дата обращения: 01.02.2024).
9. Ludwinek A., Anderson R., Ahrendt D., Jungblut J-M., Leoncikas T. Social mobility in the EU // Publications Office of the European Union, Eurofound, Luxembourg. 2017. URL: <https://www.eurofound.europa.eu/system/files/2017-04/ef1664en.pdf> (дата обращения: 01.02.2024).
10. Бабурин, С. Н. Союзное Государство как политико-правовой идеал русской нации // Образование и право. 2017. № 2. С. 29-36.
11. Глушкова С.И. Проблема правового идеала в русском либерализме: автореф. дис. ... докт. полит. наук. Екатеринбург, 2002. 66 с.
12. Шавеко Н.А. Неокантианский подход к проблеме правового идеала (Рудольф Штаммлер) // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика. 2016. № 5. С. 141-149.
13. Бондаренко Н.Г., Васильева И.А., Крюкова Л.В., Бондаренко С.И. Правовой идеал в историко-правовом дискурсе // Концепция устойчивого развития науки в современных условиях. Сборник статей Международной научно-практической конференции. В 2-х частях. Уфа, 2022. С. 42-45.
14. Багрянцева В.Ю. Стремление к правовым идеалам // Научное обеспечение агропромышленного комплекса. Сборник статей по материалам 78-й научно-практической конференции студентов по итогам НИР за 2022 год. Краснодар, 2023. С. 30-33.
15. Кивилев, П. С. Государственно-правовой идеал в представлениях современной российской молодежи // Право и государство: проблемы методологии, теории и истории: Материалы XI Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 2022. С. 121-125.
16. Сиземская И.Н. Место общественного идеала в системе нелинейных концепций истории // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 3. С. 93-101.
17. Ронжина Н.В. Государственное управление процессами поисков общественного идеала: случайность или закономерность? // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире: материалы XXI российской научно-практической конференции (с международным участием). Екатеринбург, 2019. С. 70-74.
18. Ненина И.М. Социальный идеал и утопия в культурно-исторических ситуациях общественного развития: дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2004. 150 с.
19. Kalney M. S. Social Ideal and Social Reality Contradiction as Basic Feature of Utopian Projects // Scientific Research and Development. Socio-Humanitarian Research and Technology. 2023. № 1. P. 26-31.

20. Дробышевский, С. А. Идеалы политически организованного общества: некоторые спорные вопросы // Научные труды. Российская академия юридических наук. 2017. № 17. С. 40-42.
21. Каранина, Н. С. Теории идеального государства: практическое применение теоретических разработок при построении современных государств // Государственная власть и местное самоуправление. 2010. № 1. С. 7-11.
22. Контарев А.А. Идеал правды в аксиосфере Российской правовой культуры // Философия права. 2022. № 4. С. 7-12.
23. Будагова А.Ш. К вопросу о функциях конституционного идеала // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 6. С. 70-79.
24. Карнаушенко Л.В. Правовой идеал в процессе формирования правовой культуры российского общества XXI века // Общество и право. 2021. № 3. С. 108-111.
25. Ящук Т.Ф. Форма государства в историко-правовых исследованиях советского периода // Правоприменение. 2021. № 3. С. 22-33.
26. Штаммлер Р. Хозяйство и право: с точки зрения материалистического понимания истории. В 2 т. Т.1. СПб.: Начало, 1907. 408 с.
27. Иеринг Р. Цель в праве. Т. 1. СПб.: Изд. Н.В. Муравьева, 1881. 412 с.
28. Гессен И.В. Искания общественного идеала. Берлин: Слово, 1922. 60 с.
29. Финнис Дж. Естественное право и естественные права. М.: Мысль, 2012. 554 с.
30. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М.: Пресса, 1991. 640 с.
31. Пристенский В.Н. Право и общественный идеал: философский аспект проблемы // Вестник Воронежского института МВД России. 2015. № 1. С. 229-237.
32. Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб.: Изд-во С, 1998. 216 с.
33. Проблемы теории государства и права. Учебное пособие. М.: «ПРОСПЕКТ», 1999. 504 с.
34. Оль П.А. К вопросу о понятии государственно-правового идеала // Вестник Нижегородского гос. ун-та им. Лобачевского. Сер. Право. 2001. № 1. С. 158-160.
35. Величко А.В. Государственно-правовые идеалы России и Запада: соотношение правовых культур: дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2000. 355 с.
36. Таймасханов У.Ш. Государственно-правовой идеал: теоретико-правовой анализ: дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д., 2014. 197 с.
37. Фролова Е.А. Правовой идеал // Философия права. Курс лекций: учеб. пособие в 2 т. Т.1. М.: Проспект, 2011. 512 с.
38. Шапсугов. Д.Ю. Политико-правовой идеал в современном российском законодательстве. Материалы научно-практической конференции. Сочи-Ростов-на-Дону, 2005. 239 с.
39. Працко Г.С. Правовой идеал как ценностная категория // Философия права. 2020. № 1. С. 49-53.
40. Лазарева Л.Н., Яценко О.Ю., Беспятова Е.Б. Трансформация общественного идеала в исторической ретроспективе // Природа. Человек. Культура. Материалы Третьего Международного научно-просветительского форума. Хабаровск, 2022. С. 64-68.
41. Нерсесянц В.С. Философия права Гегеля. М.: Юрист, 1998. 352 с.
42. Попов Д.И. Политический идеал правового популизма на Западе в начале XXI века // Омские социально-гуманитарные чтения. Материалы XV Международной научно-практической конференции. Омск, 2022. С. 124-129.
43. Биглова Н.Х. Концепция идеального государства и ее реализация: историко-

- теоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 18 с.
44. Осипова Е.В. Мировоззрение и общественный идеал. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2002. 61 с.
45. Кампанелла Т. Город Солнца. URL: <http://lib.ru/INOOLD/KAMPANELLA/suntown.txt> (дата обращения: 21.02.2024).
46. Мор Т. Утопия. М.: Издательство Академии наук СССР, 1953. 302 с.
47. Платон. Государство. Сочинения: в 3 т. Т. 3. Ч. 1. М., 1971. URL: <https://grani.roerich.com/plato/txt/republic03.htm> (дата обращения: 21.02.2024).
48. Фихте И.Г. Замкнутое торговое государство. Сочинения: в 2 т. Т. 2. СПб.: Мифрил, 1993. С. 225-358.
49. Levitas R. The concept of Utopia. London: Philip Allan, 1990. 224 p.
50. Занин С.В. «Утопия» или «Общественный идеал»? // Диалог со временем. 2009. № 28. С. 81-88.
51. Спенсер Г. Сочинения. Т. 1. Основания социологии. СПб.: Тип. А. Пороховщикова, 1898. 432 с.
52. Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб.: Изд. Н.К. Мартынова, 1908. 600 с.
53. Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994. 702 с.
54. Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. 621 с.
55. Локк Д. Сочинения: в 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. 668 с.
56. Руссо Ж-Ж. Об общественном договоре: Трактаты. М.: Канон-Пресс-Ц: Кучково поле, 1998. 416 с.
57. Ускова Е.В. О рациональности человеческого мышления // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. № 1. С. 57-61.
58. Pound R. Ideal Element in Law. Indianapolis: Liberty Fund, 2002. 326 p.
59. Пригожин А.И. Качество целей // Общественные науки и современность. 2010. № 1. С. 114 - 125.
60. Рачков П.А. Слово об общественном идеале, его понятии и ценности // Вестник Московского ун-та. Сер. Философия. 1995. № 2. С. 19-36.
61. Булгаков С. От Марксизма к идеализму: сб. статей (1896 – 1903). СПб.: Изд. тов-во «Общественная польза», 1903. 347 с.
62. Бутаков А.В. От социального противоречия к социальной конкуренции – базовому правовому режиму (способу) жизнедеятельности государства (Часть I) // Правоприменение. 2023. № 2. С. 5-15.
63. Мурашева С.В. Социальные конфликты как причины и следствия противоречий в российском обществе // Society and Security Insights. 2021. № 2. С. 151-163.
64. Easton D. Categories for the Systems Analysis of Politics // Varieties of Political Theory. N.J.: Englewood Cliffs, 1966. P. 143-154.
65. Austin J. Lectures on Jurisprudence or, The Philosophy of Positive Law. London: J. Murray, 1869. 504 p.
66. Дробышевский С.А. Политическая организация общества и право как явления социальной эволюции. Красноярск: КрасГУ, 1995. 296 с.
67. Дробышевский С.А. Функциональная и генетическая связь государства и права. Красноярск: КрасГУ, 1982. 103 с.
68. Треушников И. А., Грязнова Е. В. К вопросу о структуре правового идеала в современных условиях // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 3. С. 33-38.

69. Рыбаков В.А. Правосознание – источник права: критические замечания // Аграрное и земельное право. 2023. № 8. С. 4-6.
70. Household real consumption per capita decreases in both euro area and EU // Eurostat. 27.10.2023 (121/2023). URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/17753796/2-27102023-AP-EN.pdf> (дата обращения: 25.01.2024).
71. Евстратов А.Э. Гученков И.Ю. Национализация (экспроприация) собственности иностранных инвесторов: актуальные проблемы // Правоприменение. 2022. № 2. С. 147-158.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье являются, как это следует из ее наименования, некоторые проблемы конструирования и понимания политико-правового идеала. Заявленные границы исследования соблюдены автором.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования не подлежит сомнению и обосновывается им следующим образом: "Фактически, международное сообщество оказалось в ситуации, когда старые модели развития исчерпали себя, а новые так и не были созданы. Причем подобный вакуум проявляется не только в международных отношениях и праве, но и в различных аспектах внутренних социальных процессов. Например, даже в развитых странах семимильными шагами растут материальная поляризация [4, с. 13-14; 5], централизация управления и дезинформация [6, с. 4-5], разобщение по этническим и культурным ценностям [7, с. 91], риски политической нетерпимости [8, с. 1, 6], стагнация социальных лифтов [9, с. 1, 71-72]. Для указанных и многих других появляющихся общественных феноменов требуется выработка новых правовых институтов, основанных на достижениях современной юридической науки. Конструирование последних затрагивает не только вопросы юридической техники, но и фундаментальные вопросы теории государства и права. Достижению указанной цели может способствовать политико-правовой идеал. Исследование последнего позволяет сформировать критерии, с помощью которых создается модель наиболее эффективных государства и права". Раскрывая вопрос о степени изученности поднимаемых в работе проблем, автор отмечает: "Понятие политико-правового идеала и подходы к его определению отличаются в различных научных трудах. При этом используются такие категории как политико-правовой идеал [10, с. 29-36], правовой идеал [11, с. 13-14; 12, с. 146; 13, с. 42-45; 14, с. 30-33], государственно-правовой идеал [15, с. 121-125], общественный идеал [16, с. 93-101; 17, с. 70], социальный идеал [18, с. 16; 19, с. 26-31], идеал политически организованного общества [20, с. 40-42], идеальное государство [21, с. 7-11] и многие другие [22, с. 11], в том числе отраслевые идеалы [23, с. 73]. В связи с этим Л.В. Карнаушенко справедливо замечает, что «несмотря на глубокую общетеоретическую разработку, наука не пришла к консенсусу по поводу семантического содержания правового идеала», а «дуалистический характер права (как идеи и государственно-управленческой стратегии одновременно) осложняет построение концептуальных объяснений правового идеала» [24, с. 108].

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений ученого: "... формулируя понятие политико-правового идеала, под последним предлагается понимать образец политически организованного общества и права, который обеспечивает выживание и

совершенствование социального организма с помощью юридических норм и служащий в качестве цели, осуществляемой при правовом регулировании"; "Принимая во внимание многочисленные и многогранные научные труды представляется возможным использовать подход к исследованию категории политико-правового идеала, основывающийся на следующих положениях. Во-первых, такой образец является моделью всего общества, то есть всей действительности людей, на которую распространяется суверенная власть. ... Во-вторых, политико-правовой идеал в исторической призма является родовым понятием, включающим в себя идеал локальных групп охотников собирателей и самостоятельных деревень земледельцев и скотоводов, идеал вождеств, и идеал государства - как современной формы политической организации. В-третьих, правовой идеал является частью политико-правового идеала. В-четвертых, корректное конструирование политико-правового идеала включает в его содержание идею о неизбежности противоречий в обществе. Последние естественным образом всегда существуют в обществе и являются необходимыми предпосылками для его развития. ... В-пятых, содержание политико-правового идеала включает в себя учет трех групп необходимых закономерностей. Первая и основная группа свойственна для любого государства, вторая - только для группы государств, объединённых единой целью, третья - это закономерности, которые исключительны для конкретного государства" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей, хотя некоторые положения работы нуждаются в уточнении и углублении.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы в целом логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор перечисляет существующие в юридической литературе подходы к пониманию понятия "политико-правовой идеал" и его аналогов, после чего формулирует свою концепцию понимания данного феномена и предлагает дефиницию данного понятия. В заключительной части статьи содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено ряда недостатков.

Так, автор пишет: "Среди последних возможно назвать Covid-19, усиливающиеся в мире геополитические противоречия, а также кризис ООН, выразившийся в неспособности нахождения консенсуса и неадекватности международно-правовых институтов регулировать отношения между различными организациями и государствами". Есть "неадекватность регулировать", но нет "неадекватности регулировать".

Ученый отмечает: "В свою очередь США продолжают падение в индексе демократии [2; 3, с. 74], а монополизация финансовых потоков и политической системы в действительности не сильно отличается от достаточно молодых по заданному критерию постсоветских стран" - "падение".

Автор указывает: "Фактически, международное сообщество оказалось в ситуации, когда старые модели развития исчерпали себя, а новые так и не были созданы" - первая запятая является лишней.

Ученый отмечает: "Е.А. Фролова в свою очередь исследуя правовой идеал подчеркивает «необходимость конструирования общечеловеческого правового идеала» [32, с. 452, 449], так как это позволит объединить многие группы населения независимо от их политической ориентации и культурной принадлежности" - "Е.А. Фролова, в свою очередь, исследуя правовой идеал, подчеркивает «необходимость конструирования общечеловеческого правового идеала» [32, с. 452, 449], так как это позволит объединить многие группы населения независимо от их политической ориентации и культурной принадлежности".

Таким образом, статья нуждается в тщательном вычитывании - в ней встречаются опечатки, пунктуационные и стилистические ошибки (приведенный в рецензии перечень опечаток и ошибок не является исчерпывающим!).

Автору следует избегать сплошного цитирования. Ученый перечисляет множество предлагаемых в юридической (и не только) литературе подходов к пониманию понятия "политико-правовой идеал" или его аналогов, но не осуществляет их критического анализа, не выделяет их достоинств и недостатков. В результате непонятно, почему одни выделяемые тем или иным автором признаки исследуемого феномена отвергаются, а другие, напротив, находят отражение в концепции исследователя.

Автор справедливо отмечает, что "Исследуемая категория была предметом анализа и многих классических авторов". Однако с точки зрения логики изложения материалов было бы правильнее начать статью с освещения позиций по данному вопросу именно классических авторов, а затем перейти к трудам современных специалистов.

Ученый пишет: "... корректное конструирование политико-правового идеала включает в его содержание идею о неизбежности противоречий в обществе. Последние естественным образом всегда существуют в обществе и являются необходимыми предпосылками для его развития". Стоит ли, по мнению автора, стремиться к сглаживанию (минимизации) противоречий в обществе? Всегда ли противоречия являются предпосылками для развития общества? Могут ли они способствовать деградации такового?

Ученый предлагает следующую дефиницию понятия "политико-правовой идеал": это "... образец политически организованного общества и права, который обеспечивает выживание и совершенствование социального организма с помощью юридических норм и служащий в качестве цели, осуществляемой при правовом регулировании". Во-первых, почему речь идет именно о выживании социального организма, а не о его качественной жизни? Во-вторых, какими неотъемлемыми свойствами должен обладать политико-правовой идеал и почему автор не отразил эти свойства в своем определении? Библиография исследования представлена 46 источниками (диссертационными работами, монографиями, научными статьями, учебным пособием, аналитическими материалами), в том числе на английском языке. С формальной точки зрения этого вполне достаточно; фактически некоторые положения статьи нуждаются в уточнении и углублении.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (Р. Штаммлер, Р. Иеринг и др.), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы не всегда обосновываются в должной степени.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("На современном этапе содержание политико-правового идеала помимо прочих идей подразумевает формирование модели общества как самого передового в мире, превосходящего остальные по уровню профессионализма, здоровья, образованности и общей культуры, а также обогащение системы удовлетворяемых потребностей всех его членов. Достижение такого положения становится возможным если во все увеличивающихся масштабах государство станет использовать выгоды всемирной кооперации. Это обуславливается непосредственно закономерностями развития общества, включающими в себя необходимость в распределении труда, социальной коммуникации и обеспечении всеобщей безопасности"; "Безусловно, для участников международных отношений всегда существует потребность в защите культурной идентичности населения и сохранении технологической независимости, потребность в умеренной политике протекционизма и защите национальных интересов. Поэтому применение политико-правового идеала должно осуществляться с должным уровнем проработки конкретных государственных и правовых решений. В таких случаях, как минимум, необходимо

анализировать последствия принимаемых решений на предмет дальнейшего улучшения жизни людей.

Исследование политико-правового идеала имеет и множество других проблем, требующих подробного изложения и анализа. При этом составляющие его содержание положения не должны вступать в противоречие с обозначенными обязательными закономерностями функционирования общества. Предложенный подход к пониманию и конструированию политико-правового идеала позволит обеспечить самосохранение и прогресс государства и права"), однако заключительную часть статьи невозможно четко отделить от основной. Кроме того, итоговые выводы не отражают всех научных достижений автора статьи, и потому нуждаются в конкретизации.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере теории государства и права, философии права при условии ее доработки: раскрытии методологии исследования, уточнении и углублении отдельных положений статьи, формулировании четких и конкретных выводов по результатам проведенного исследования, устранении нарушений в оформлении работы.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. В рецензируемой статье «Некоторые проблемы конструирования и понимания политико-правового идеала» предметом исследования являются модели «справедливой формы общественно-государственного устройства», разработанные в трудах отечественных и зарубежных ученых.

Методология исследования. В ходе написания статьи использовались современные методы исследования: общенаучные и частные. Методологический аппарат составили следующие диалектические приемы научного познания: абстрагирование, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия, синтез, исторический, теоретико-прогностический, формально-юридический, системно-структурный, правового моделирования, а также, можно отметить применение типологии, классификации, систематизации и обобщения.

Актуальность исследования. Актуальность темы статьи не вызывает сомнения. В юриспруденции неоднократно поднимались и поднимаются вопросы о необходимости совершенствования форм общественно-государственного устройства с учетом собственного исторического опыта и зарубежных прогрессивных положений в этой политико-правовой сфере. На важность и значимость темы исследования указывает внушительный список доктринальных источников, на которые ссылается автор данной статьи.

Научная новизна. Не подвергая сомнению важность проведенных ранее научных исследований, послуживших теоретической базой для данной работы, тем не менее, можно отметить, что в этой статье не сформулированы новые положения, которые можно было бы расценить как вклад в юридическую науку. Рецензент считает, что, при всей проведенной скрупулезной работе, статья содержит ряд недостатков. Текст статьи выдержан в повествовательном стиле, поэтому не совсем ясно, какие научные проблемы с практической точки зрения автор поставил и должен решать. Материал подобен учебнику: автор представленного материала описывает различные точки зрения по заявленной им проблематике, никаких предложений или идей по реформированию законодательства не внесено. Таким образом, ценность публикации в качестве научной статьи по юриспруденции, к сожалению, минимальна.

Стиль, структура, содержание. В целом статья написана научным стилем с использованием специальной терминологии. Статья логически структурирована, хотя формально на части не разделена. Содержание статьи соответствует ее названию. Соблюдены требования по объему статьи.

Библиография. Автором использовано достаточное количество доктринальных источников, даже можно отметить как избыточное. Автору следовало изучить эти публикации, а ссылки сделать на самые важные и значимые публикации. В целом ссылки на источники оформлены с соблюдением требований библиографического ГОСТа, с одним замечанием, что ссылки на иностранные публикации (или публикации на иностранных языках) указываются после публикаций на русском языке.

Апелляция к оппонентам. В статье представлена научная полемика. Есть ссылки на мнения других авторов, но позиция самого автора статьи по спорным вопросам не везде прослеживается.

Выводы, интерес читательской аудитории. Представленная на рецензирование статья «Некоторые проблемы конструирования и понимания политико-правового идеала» может быть рекомендована к опубликованию с условием ее доработки, поскольку, отвечает не всем требованиям, предъявляемым к научным статьям журнала «Юридические исследования». Публикация по данной теме могла бы представлять интерес для читательской аудитории, прежде всего, специалистов в области общей теории права и философии права, а также, могла бы быть полезна для преподавателей и обучающихся юридических вузов и факультетов.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия

на статью «Некоторые проблемы конструирования и понимания политико-правового идеала»

Представленная на рецензирование научная работа посвящена анализу проблемных вопросов конструирования и понимания политико-правового идеала, безусловно носит научный характер.

Предметом исследования выступает феномен политико-правового идеала. Автор справедливо отмечает, то факт, что для многих появляющихся общественных феноменов требуется выработка новых правовых институтов, основанных на достижениях современной юридической науки, конструирование которых затрагивает вопросы, как юридической техники, так и инфе фундаментальные вопросы теории государства и права. Достижению поставленной цели может способствовать новый проект политико-правового идеала, исследование которого позволяет сформировать критерии обеспечивающие создание наиболее оптимальной и эффективной государственно-правовой модели.

В своем исследовании автор широко использует различные приемы и методы научного подхода, такие как диалектический метод, эклектический метод и метод синергетического подхода. Кроме того, методологическая основа исследования основана на использовании специальных приемов и научной литературы, включающей в себя изучение семидесяти восьми источников, указанных в библиографическом списке. Особую значимость данной работе придает тот факт, что автору точно удалось

обозначить проблему установления базовых свойств политико-правового идеала это связано с тем, что в других научных исследованиях отсутствует единая позиция о перечне свойств политико-правового идеала, а также отсутствует единство в понимании их содержания. С учетом изложенного, исследователь предлагает в качестве таких свойств обозначить и рассмотреть критичность, перспективность, проективность, рациональность и регулятивность, и при этом обращает внимание на то, что степень проявления указанных свойств в конкретно взятом политико-правовом идеале может различаться, что также позволяет применить их в качестве критериев оценки такого рода образцов. Кроме того, некоторые другие свойства остаются предметом научной дискуссии, в том числе связанной с вопросом формирования правильного содержания политико-правового идеала, то есть, другими словами автор призывает к диалогу и научной дискуссии по обозначенному направлению исследования. Очевиден научный подход.

Научная статья имеет ярко выраженную авторскую линию, так как в ней не просто анализируются различные научные подходы, с учетом мнений ведущих ученых, но и высказаны обоснованные предложения и авторская концепция в понимании сути политико-правового идеала.

Автор аргументированно высказывает предложение о том, что на современном этапе содержание политико-правового идеала помимо прочих идей подразумевает формирование модели общества как самого передового и обеспеченного в мире, превосходящего остальные по уровню профессионализма, здоровья, образованности и общей культуры, а также обогащение системы удовлетворяемых потребностей всех его членов. Достижение такого положения становится возможным, если во все увеличивающихся масштабах государство станет использовать выгоды всемирной кооперации, с данным мнением трудно не согласиться.

Исследование хорошо структурировано, написано понятным русским языком, выводы автора логичны, хотя и в некоторых случаях носят дискуссионный характер.

На наш взгляд, данная работа имеет определенную научную значимость, может быть полезна студентам, слушателям, аспирантам и докторантам, изучающим проблемы конструирования и понимания политико-правового идеала, соответствует всем предъявляемым требованиям к работам такого рода и может быть рекомендована к опубликованию.

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Китаева В.Е. Формы организации населения как первичная ступень во взаимоотношениях с государством // Юридические исследования. 2024. № 3. DOI: 10.25136/2409-7136.2024.3.70130 EDN: BASMAA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70130

Формы организации населения как первичная ступень во взаимоотношениях с государством

Китаева Виктория Евгеньевна

преподаватель кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета
Воронежского государственного университета

394018, Россия, Воронежская область, г. Воронеж, ул. Площадь Ленина, 10А

✉ kitaevave@mail.ru

[Статья из рубрики "Человек и государство"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2024.3.70130

EDN:

BASMAA

Дата направления статьи в редакцию:

14-03-2024

Дата публикации:

22-03-2024

Аннотация: В статье анализируются правовые и организационные основы взаимодействия органов публичной власти с населением. Местное самоуправление рассматривается как современная и важная форма организации деятельности населения, поскольку именно оно является наиболее приближенным к населению видом публичной власти и призвано решать вопросы местного значения на конкретной территории. Предметом исследования являются проблемы взаимодействия органов публичной власти с населением ввиду того, что на современном этапе в нашей стране существует острый запрос на непосредственное участие населения в решении вопросов местного значения, так как для решения общегосударственных задач необходимо активное участие населения на местах. Объектом исследования является обширный законодательно закрепленный перечень форм осуществления населением местного

самоуправления, который является открытым, что дает широкие возможности для постоянного совершенствования качества жизни, развития и благоустройства территорий, делая акцент на этой значимости путем принятия различных государственных программ развития, в том числе национальных проектов. Методологической основой послужили общенаучные и специальные методы исследования: формально-юридический, системный, сравнительно-правовой анализ. Так, например, формально-юридический метод позволил проанализировать основные формы осуществления местного самоуправления, а сравнительно-правовой метод помог провести сравнительный анализ форм непосредственного осуществления местного самоуправления и форм участия населения в осуществлении местного самоуправления. Цель работы достигается посредством выявления и анализа актуальных проблем взаимодействия органов публичной власти и населения, которые помогут сформировать предложения, способствующие их нивелированию. В результате проведенного исследования установлено, что далеко не все формы взаимодействия органов публичной власти и населения являются одинаково эффективными. Некоторые из них откровенно устарели. В статье делается вывод о необходимости приоритетного взаимодействия органов публичной власти с населением для решения вопросов местного значения, а также о том, что именно формы организации населения являются первичным звеном во взаимоотношениях с государством. Органам власти необходимо вовлекать население к участию в развитии территорий и решению задач, взаимодействуя в различных формах и реализуя самые успешные практики регионов повсеместно.

Ключевые слова:

местное самоуправление, органы государственной власти, органы публичной власти, формы организации населения, взаимодействие, непосредственные формы, единая система власти, государство, электронное правительство, практика регионов

Конституция Российской Федерации, после принятия поправки 2020 года, закрепляет необходимость взаимодействия органов местного самоуправления и органов государственной власти для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на конкретной территории. Авторы статьи «Исторические корни местного самоуправления в России» справедливо отмечают, что «принципиальным новшеством, осуществившим перенос уровня органов местного самоуправления в сферу самого тесного взаимодействия с государственной властью, явилось установление системы «публичной власти», которая не существовала в предыдущей редакции действующей Конституции России. Появление единой системы публично-властных органов в государстве было вызвано необходимостью создания механизма эффективного взаимодействия между органами государственной и муниципальной власти с условием расширения и укрепления сферы компетенции и властных полномочий органов местного самоуправления» [\[1\]](#). Поскольку местное самоуправление – это форма организации населения, созданная для решения вопросов местного значения, невозможно представить себе взаимодействие органов публичной власти без активного участия населения. Данной точки зрения придерживается Т. М. Бялкина, которая в своей статье «О принципах местного самоуправления в единой системе публичной власти» [\[2\]](#), дает характеристику понятию «система публичной власти» и говорит о том, что данное понятие не исчерпывает всего многообразия содержания категории «публичная власть», включая в него также единый многонациональный народ Российской Федерации,

властные полномочия народа в целом и иных коллективных субъектов, объединений граждан, а также субъективное право гражданина на участие в управлении делами государства (ст.32 Конституции РФ). Обосновывая данную позицию, Т.М. Бялкина ссылается на выступление Н. С. Бондаря, в котором Конституционная модель местного самоуправления рассматривается как триединство следующих его сущностей:

- 1) местное самоуправление – это институт правового статуса личности. Право граждан на местное самоуправление есть субъективное право личности;
- 2) местное самоуправление – это институт гражданского общества. Местное сообщество есть коллективный субъект местного самоуправления и представляет собой одну из основных ячеек гражданского общества;
- 3) местное самоуправление – это институт публичной власти. Местное самоуправление является институтом государственности, но органы местного самоуправления при этом не являются органами государственной власти [\[3\]](#).

Изучением данной проблематики занимались такие ученые как С. А. Авакьян, Т. М. Бялкина, Е. С. Шугрина, С. В. Нарутто, А.С. Лолаева и др.

Авторы обращают внимание, прежде всего, на проблемы, связанные с поддержанием доверия граждан к государству в целом, институтам публичной власти [\[4\]](#), когда как данное исследование фокусируется на формах взаимодействия, с помощью которых можно выработать такие инструменты, при которых общество и власть смогут функционировать слаженно, как единый механизм.

В данной связи невозможно не согласиться с утверждением С. А. Авакьяна о конституционной основе политической системы России, которая строится на том, что вся публичная власть в стране принадлежит народу и в ряде направлений действительно осуществляется самим народом. При этом публичная власть реализует свои задачи в той среде, которую традиционно называют гражданским обществом [\[5\]](#). Единственное, с чем мы не согласны, так это с нивелированием роли органов местного самоуправления, которое прослеживается в тезисе о том, что «органы местного самоуправления по своей природе являются лишь нижним, локальным звеном публичной власти в Российской Федерации» [\[6\]](#). С нашей точки зрения, местное самоуправление следует считать не нижним звеном публичной власти, а наиболее приближенным к населению уровнем публичной власти, что предопределяет важность и действительность осуществления власти народом.

Поскольку основная цель настоящего исследования заключается в обосновании важности взаимодействия органов публичной власти (в большей степени органов местного самоуправления) с населением, невозможно не согласиться с мнениями Т.М. Бялкиной и Н.С. Бондаря и можно заключить, что и сам законодатель постепенно пришел к выводу о высокой важности участия населения в данной сфере. Важно понимать, что существующие формы участия населения в осуществлении публичной власти недостаточны или не всегда эффективны и их необходимо совершенствовать. Это имеет значение не только для органов местного самоуправления, но и для всех органов, входящих в единую систему публичной власти и является следствием того, что единая система публичной власти осуществляет свою деятельность в целях соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, создания условий для социально-экономического развития государства.

Д.А. Отузян выделил наиболее распространенные модели взаимодействия органов

публичной власти и населения:

1. Консультативная модель, включающая форматы постоянного (текущего, оперативного) взаимодействия (общественные советы, советы старейшин, органы общественного контроля) власти и населения, публичное обсуждение проблем, совместный поиск наиболее приемлемых путей их разрешения, публичные отчеты представителей публичной власти о проделанной работе. Сюда же относятся опросы граждан, консультативные референдумы, публичные слушания, общественные обсуждения.

2. Программная модель, включающая разработку и внедрение программ развития, стимулирующих гражданские инициативы или с опорой на создаваемые населением или по его инициативе структуры (например, территориальное общественное самоуправление)» [\[7\]](#).

Автор выделил самые эффективные формы взаимодействия, поэтому нам остается дополнить мысль тем, что данный перечень является открытым и органам власти необходимо собирать положительный опыт такого взаимодействия в регионах и внедрять лучшие практики повсеместно. Например, в Воронеже одной из положительных практик взаимодействия органов публичной власти с населением является вовлечение в решение вопросов местного значения старших домов и уличкомов, а также проактивных жителей муниципалитетов в форме встреч, проведения круглых столов с депутатами различных уровней. Необходимо предоставить населению больше инструментов влияния в случае бездействия органов местного самоуправления. Например, такой институт, как отзыв депутата представительного органа муниципального образования в нашей стране не работает и никогда не применялся в силу сложности процедуры. В данном случае необходимо процедуру либо упростить, либо видоизменить. Также считаем необходимым законодательно закрепить обязанность глав муниципальных образований и депутатов представительных органов муниципальных образований проводить встречи с жителями муниципалитетов не реже одного раза в квартал. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», перечисляя случаи досрочного прекращения полномочий депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления, закрепляет возможность прекращения полномочий решением представительного органа муниципального образования в случае отсутствия депутата без уважительных причин на всех заседаниях представительного органа муниципального образования в течение шести месяцев подряд (ч. 10.3 ст. 40). При этом у депутатов фактически отсутствует какая-либо ответственность перед населением за невыполнение своих функций как народных избранников, которые должны быть первым звеном во взаимодействии с населением по решению проблем конкретной территории. В связи с этим видится логичным внести изменения в Федеральный закон от 6 октября 2003 г. №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», дополнив ст. 40 частью 10.4, которая закрепит досрочное прекращение полномочий депутата представительного органа муниципального образования решением представительного органа муниципального образования в случае, если депутат не проводит встречи с избирателями своего избирательного округа в течение шести месяцев подряд.

Федеральный закон от 6 октября 2003 г. №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в главе 5 говорит нам, что существуют формы непосредственного осуществления населением местного самоуправления, а также формы участия населения в осуществлении местного

самоуправления.

К первым закон относит местный референдум, муниципальные выборы, сход граждан, голосование по отзыву и голосование по вопросам изменения границ или преобразования муниципального образования. Решения, которые принимаются в рамках указанных форм, обладают высшей юридической силой и являются обязательными для исполнения органами местного самоуправления.

К формам участия населения в осуществлении местного самоуправления принято относить публичные слушания и общественные обсуждения, собрания и конференции граждан, опросы граждан, институт старосты сельского населенного пункта, правотворческую инициативу граждан, инициативный проект, территориальное общественное самоуправление, обращения граждан в органы местного самоуправления и т.д. То есть принципиальное отличие одних форм от других заключается в том, что решения, принятые населением в рамках форм участия населения в осуществлении местного самоуправления, не носят обязательного характера для органов местного самоуправления, а являются консультативными.

Наряду с уже известными формами непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участия населения в осуществлении местного самоуправления граждане вправе участвовать и в иных формах, которые не противоречат законодательству.

Традиционно, основной формой взаимодействия граждан с органами публичной власти принято считать прямое волеизъявление граждан (муниципальные выборы и местный референдум). Причина кроется, конечно, в юридической силе решений, принятых таким способом. Но, на наш взгляд, данная форма является не самой эффективной. Такие формы волеизъявления граждан используются крайне редко, поскольку процедуры дорогостоящие и достаточно сложные в реализации, а проанализировав тематику состоявшихся референдумов на местном уровне, можно сделать вывод, что проводятся они в основном по вопросам самообложения граждан.

«Староста сельского населенного пункта, как указывает Е.С. Шугрина, к настоящему времени получил большее распространение в тех субъектах Федерации, где сельские поселения являются чаще крупными, но при этом расположенными достаточно далеко от мест нахождения органов местного самоуправления. В этом смысле показателен пример Ставропольского края, где после нескольких этапов трансформации местного самоуправления достаточно крупные административно-территориальные единицы - села и станицы - теперь расположены в укрупненных городских округах. Подобного рода трансформации послужили толчком к развитию института сельского старосты, где их совершенствованию в рамках программной модели уделяется внимание и на региональном, и на муниципальном уровне (например, муниципальная программа «Малое село Ипатовского городского округа Ставропольского края» и др.) [\[8\]](#).

Территориальное общественное самоуправление «имеет большое значение в создании первичных основ общественной и политической активности граждан, а также создает один из каналов обратной связи с местными органами власти» [\[9\]](#). В рамках территориального самоуправления следует говорить об общественном участии в управлении делами, к основным функциям которого относится обмен информацией, выявление существующих проблем и иных вопросов важных для общественности. Е.И. Колюшин, который, анализируя местное самоуправление, обозначил ТОС как его своеобразный «нулевой этаж» - максимально приближенный к населению [\[10\]](#). Кроме

того, посредством ТОС на уровне субъектов Федерации могут реализовываться социальные, в том числе социально-просветительские проекты.

Мы не будем подробно останавливаться на других известных формах в рамках данной научной работы, вместе с тем предлагается рассмотреть иные формы участия населения в осуществлении местного самоуправления, которые приобретают наибольшую популярность у населения и поддержку органов государственной власти, обладая зачастую большей эффективностью и быстротой в решении вопросов местного значения.

Сложно отрицать заинтересованность государства и прогрессивного населения страны в цифровизации управленческих процессов. Мир очень динамичен и наше государство не отстает в своем развитии, а значит все сферы жизни общества нуждаются в трансформации, особенно в сфере оказания государственных и муниципальных услуг. Этот процесс предполагает в том числе внесение изменений в нормативные правовые акты, которые регулируют взаимоотношения органов публичной власти на всех уровнях с населением. Современная информационная система должна давать возможности различных форм взаимодействия, а также реальную способность влиять на общественные процессы.

Концепция государственного управления претерпевает значительные изменения все больше совершенствуя механизмы коммуникации между органами публичной власти и населением. В первую очередь это означает, что гражданин является потребителем услуг (Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»; Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»; Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»; Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»; Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 гг.» и т.п.). Уже сегодня существуют цифровые платформы, с помощью которых практически все государственные и муниципальные процедуры и предоставляемые услуги доступны в электронном виде. При этом нет необходимости посещать различные ведомства и предоставлять документы на бумажных носителях. В качестве примера можно привести портал государственных услуг Российской Федерации. Помимо государственных услуг на портале предоставляется широкий перечень муниципальных услуг для населения. В Воронежской области функционирует сразу несколько государственных информационных систем, которые помогают решать проблемы домовладений. Для их использования необходимо зарегистрироваться на портале государственных услуг и добавить событие на сайте госуслуг или скачать мобильное приложение и добавить событие в мобильном приложении, что позволяет, увидев какую-либо проблему, оперативно уведомить о ней органы власти. Так, государственная информационная система «Дом» помогает собственникам найти информацию о своей управляющей компании, планам по капитальному и текущему ремонту, внести показания приборов учета и оплатить счета. Государственная информационная система «Решаем вместе» позволяет сообщить о любой проблеме в городе и области в режиме реального времени, как например о ямах, мусоре, плохом освещении и т.д. Сообщение попадает в ведомство, которое решает эту проблему и дает официальный ответ на обращение. Также в приложении есть вкладка «общественное голосование», где каждый может принять участие в различных опросах и обсуждениях. Считаем необходимым развитие и популяризацию таких платформ на территории каждого муниципального образования.

Показателен пример эффективного взаимодействия населения с органами государственной власти и местного самоуправления в Республике Татарстан по аналогии с Воронежской областью, где осуществляется государственная информационная система «Народный контроль», суть которой заключается в подаче уведомлений гражданами по различным проблемам города. «Следует также подчеркнуть, что электронное правительство необходимо рассматривать не как вспомогательное средство или же аналог традиционного правительства, а, напротив, как новый способ взаимодействия, построенный на использовании информационных и коммуникационных технологий для совершенствования государственного и муниципального управления за счет прозрачности, доступности и скорости проводимых процедур. Внедрение новых технологий в систему публичного управления, с одной стороны, снижает затраты, а с другой - облегчает получение услуг, сводя к минимуму непосредственный контакт населения с органами власти» [\[11\]](#).

Самообложение граждан и инициативное бюджетирование, на наш взгляд, можно рассматривать как формы взаимодействия органов публичной власти и населения, особенно в контексте введения в конце 2021 года нового принципа бюджетной системы Российской Федерации - участие граждан в бюджетном процессе. Суть данных институтов заключается в обеспечении учета мнения граждан при принятии решений о расходовании бюджетных средств. Практики инициативного бюджетирования в ряде субъектов Российской Федерации были распространены задолго до принятия изменений в федеральное законодательство. К их числу относились программы поддержки местных инициатив и практики «народного» бюджета [\[12\]](#). Стоит отметить, что на законодательном уровне закреплена только одна из практик инициативного бюджетирования - инициативные проекты. Ежегодно публикуется доклад о лучших практиках развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях, содержащий результаты мониторинга развития инициативного бюджетирования в регионах, а также ведется разработка стратегии развития инициативного бюджетирования на федеральном уровне. Популяризация и широкое освещение реализованных инициативных проектов будет способствовать активизации вовлечения населения в такую работу, что благотворно скажется на взаимоотношениях населения с органами публичной власти.

Если говорить о самообложении граждан, то особенностью является необходимость проведения местного референдума, что делает процедуру достаточно сложной и дорогостоящей в сравнении с инициативным проектом. Исходя из этого можно сделать вывод, что инициативное бюджетирование в этой связи более перспективная форма вовлечения населения в решение вопросов местного значения. Также считает О.В. Болтинова, которая говорит, что «инициативное бюджетирование является наилучшей областью, в которой возможно дальнейшее развитие взаимодействия населения с органами публичной власти» [\[13\]](#).

Традиционно органы публичной власти сотрудничают с институтами гражданского общества. Это та часть местного сообщества, которая заинтересована в развитии территорий и готова принимать участие в решении вопросов местного значения. Одной из форм такого взаимодействия можно считать общественный контроль. В вовлечении населения к участию в развитии территорий и решении различных задач во взаимодействии с органами публичной власти могут участвовать Общественные палаты регионов и муниципалитетов. Существует огромное количество положительных примеров такого взаимодействия, когда население через общественные палаты указывало власти на проблемные аспекты жизни общества путем участия в различных мониторингах,

круглых столах.

Резюмируя, хочется сказать, что в настоящее время в нашей стране существует острый запрос на эффективное взаимодействие органов публичной власти с населением, поскольку жители хотят активно участвовать в развитии своих территорий и всей страны в целом. Именно поэтому эффективность форм взаимодействия населения с органами публичной власти на местном уровне значительно выше. Это связано, прежде всего, с тем, что взаимодействие происходит по поводу вопросов местного значения, которые волнуют жителей. Органам публичной власти стоит обращать больше внимания на мнение населения и предоставить больше возможностей для взаимовыгодного взаимодействия на благо конкретных территорий и всего государства.

В результате проведенного исследования форм организации населения как первичной ступени во взаимоотношениях с государством можно сделать следующие выводы.

1. Местное самоуправление – это форма организации населения, созданная для решения вопросов местного значения. В этой связи невозможно представить себе взаимодействие органов публичной власти без активного участия населения.

2. Оценивая законодательство на предмет взаимодействия органов публичной власти и населения, включая различные формы участия населения в осуществлении местного самоуправления, стоит сделать вывод, что законодатель не дает исчерпывающий перечень такого взаимодействия. Это положительно сказывается на возможности взаимодействия власти и населения в тех формах, которые будут наиболее эффективны в конкретный период времени и в соответствии с потребностями жителей.

3. Известно, что основной формой взаимодействия граждан с органами публичной власти является прямое волеизъявление граждан (референдум и выборы). На наш взгляд, данная форма является не самой эффективной ввиду сложности и дороговизны процедуры.

4. Формы взаимодействия органов публичной власти с населением, которые отличаются наибольшей эффективностью и популярностью у жителей конкретных территорий, а также быстротой в решении вопросов местного значения на основании проведенного в данном исследовании анализа, включают в себя следующие: взаимодействие власти с населением через современные информационные системы, территориальное общественное самоуправление, инициативное бюджетирование, сотрудничество с институтами гражданского общества, встречи, конференции, круглые столы и т.д.

5. Поскольку депутат представительного органа муниципального образования, в силу поправки к Конституции 2020 года, приобретает статус не просто должностного лица органов местного самоуправления, а должностного лица органов публичной власти, то, на наш взгляд, это обстоятельство должно порождать определенную ответственность перед населением. В связи с этим считаем необходимым внести изменения в ст. 40 Федерального закона от 6 октября 2003 г. №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», дополнив ее частью 10.4, изложив в следующей редакции: «Полномочия депутата представительного органа муниципального образования прекращаются досрочно решением представительного органа муниципального образования в случае, если депутат не проводит встречи с избирателями своего избирательного округа в течение шести месяцев подряд».

Библиография

1. Багдасарян С.Д., Гришина Т.М. Исторические корни местного самоуправления в России // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2022. № 1. 94 с.
2. Бялкина Т.М. О принципах местного самоуправления в единой системе публичной власти // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. No 3(54). С. 8–17.
3. Бондарь Н. С. Конституционная модель организации местного самоуправления в России: проблемы и перспективы тридцать лет спустя // URL: [https://www.youtube.com/watch?v= JOYXVDm7VsM](https://www.youtube.com/watch?v=JOYXVDm7VsM).
4. Нарутто С.В., Никитина А.В. Конституционный принцип доверия в современном российском обществе // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 7. С. 13-18.
5. Авакьян С.А. Модернизация публично-политических отношений и конституционное реформирование: проблемы и перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 9. С. 3-6.
6. Авакьян С.А. Проекты законов о поправках к Конституции Российской Федерации: грядет раунд четвертый? // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 1. С. 31-44.
7. Отузян Д.А. Современные тенденции взаимодействия органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления с населением // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 8. С. 28-31.
8. Нарутто С.В., Шугрина Е.С. Муниципальная демократия: от теории к практике. М.: Юрлитинформ, 2020. 216 с.
9. Реуф В.М., Паулов П.А., Смирнов Д.С. Актуальные проблемы и перспективы развития института территориального общественного самоуправления в России как особой формы социальной организации местного населения // Юридическая наука. 2019. № 4. 29 с.
10. Колюшин Е.И. Муниципальное право России. М.: Норма, 2008. 112 с.
11. Лолаева А.С. Правовые основы информационного взаимодействия органов публичной власти с населением в электронной форме // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 7. С. 24-28.
12. Замаратский Л.А. Участие граждан в бюджетном процессе: опыт самообложения и инициативного бюджетирования // Финансовое право. 2023. № 12. С. 17-21.
13. Болтинова О.В. Принцип участия граждан в бюджетном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 7. С. 54-61.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье являются, как это следует из ее наименования, формы организации населения как первичная ступень во взаимоотношениях с государством. Заявленные границы исследования соблюдены автором.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной ученым темы исследования не подлежит сомнению и

обосновывается им следующим образом: "Конституция Российской Федерации, после принятия поправки 2020 года, закрепляет необходимость взаимодействия органов местного самоуправления и органов государственной власти для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на конкретной территории. Авторы статьи «Исторические корни местного самоуправления в России» справедливо отмечают, что «принципиальным новшеством, осуществившим перенос уровня органов местного самоуправления в сферу самого тесного взаимодействия с государственной властью, явилось установление системы «публичной власти», не существовавшей в предыдущей редакции действующей Конституции России. Появление единой системы публично-властных органов в государстве было вызвано необходимостью создания механизма эффективного взаимодействия между органами государственной и муниципальной власти с условием расширения и укрепления сферы компетенции и властных полномочий органов местного самоуправления» [1]. Поскольку местное самоуправление – это форма организации населения, созданная для решения вопросов местного значения, невозможно представить себе взаимодействие органов публичной власти без активного участия населения"; "... существующие формы участия населения в осуществлении публичной власти недостаточны или не всегда эффективны и их необходимо совершенствовать". Дополнительно автору необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений ученого: "Автор выделил самые эффективные формы взаимодействия, поэтому нам остается дополнить мысль тем, что данный перечень является открытым и органам власти необходимо собирать положительный опыт такого взаимодействия в регионах и внедрять лучшие практики повсеместно"; "На наш взгляд необходимо предоставить населению больше инструментов влияния в случае бездействия органов местного самоуправления. Например, такой институт, как отзыв депутата представительного органа местного самоуправления в нашей стране не работает и никогда не применялся в силу сложности процедуры. В данном случае необходимо данную процедуру либо упростить, либо видоизменить"; "Традиционно, основной формой взаимодействия граждан с органами публичной власти принято считать прямое волеизъявление граждан (муниципальные выборы и местный референдум). Причина кроется, конечно, в юридической силе решений, принятых таким способом. Но, на наш взгляд, данная форма является не самой эффективной. Такие формы волеизъявления граждан используются крайне редко, поскольку процедуры достаточно сложные и дорогие в реализации, а проанализировав тематику состоявшихся референдумов на местном уровне, можно сделать вывод, что проводятся они в основном по вопросам самообложения граждан"; "Самообложение граждан и инициативное бюджетирование, на наш взгляд, можно рассматривать как формы взаимодействия органов публичной власти и населения, особенно в контексте введения в конце 2021 года нового принципа бюджетной системы Российской Федерации - участие граждан в бюджетном процессе. Суть данных институтов заключается в обеспечении учета мнения граждан при принятии решений о расходовании бюджетных средств. Практики инициативного бюджетирования в ряде субъектов Российской Федерации были распространены задолго до принятия изменений в федеральное законодательство" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы вполне логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор

перечисляет выделяемые в научной литературе модели взаимодействия органов публичной власти и населения, обзорно рассматривает некоторые формы непосредственного осуществления населением местного самоуправления, а также формы участия населения в осуществлении местного самоуправления и приводит соответствующие примеры. В заключительной части статьи содержатся общие выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено некоторых недостатков.

Так, в заголовке статьи "Формы организации населения, как первичная ступень во взаимоотношениях с государством" запятая не нужна.

Автор пишет: "Обосновывая данную позицию Т.М. Бялкина ссылается на выступление Н. С. Бондаря, в котором Конституционная модель местного самоуправления рассматривается им как триединство следующих его сущностей..." - "Обосновывая данную позицию, Т.М. Бялкина ссылается на выступление Н. С. Бондаря, в котором Конституционная модель местного самоуправления рассматривается им как триединство следующих его сущностей..." - пропущена запятая.

Ученый пишет: "Отузян Д.А выделил наиболее распространенные модели взаимодействия органов публичной власти и населения..." - инициалы ставятся перед фамилией автора.

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании, поскольку в ней встречаются опечатки и пунктуационные ошибки (приведенный в рецензии перечень опечаток и ошибок не является исчерпывающим!).

Автор выявляет ряд проблем правового регулирования форм организации населения как первичной ступени во взаимоотношениях с государством, но не дает конкретных рекомендаций по совершенствованию действующего российского законодательства, что было бы вполне логично.

Библиография исследования представлена 10 источниками (монографией, научными статьями, учебником). С формальной точки зрения этого достаточно; с фактической - некоторые положения работы нуждаются в углублении.

Апелляция к оппонентам имеется, но носит общий характер. В научную дискуссию с конкретными учеными автор не вступает. Положения работы не всегда обосновываются в достаточной степени.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Резюмируя, хочется сказать, что в настоящее время в нашей стране существует острый запрос на эффективное взаимодействие органов публичной власти с населением, поскольку жители хотят активно участвовать в развитии своих территорий и всей страны в целом, поэтому эффективность форм взаимодействия населения с органами публичной власти, именно на местном уровне, значительно выше, что связано, прежде всего, с тем, что взаимодействие происходит по поводу вопросов местного значения, волнующих жителей. Органам публичной власти стоит обращать больше внимания на мнение населения и предоставить больше возможностей для взаимовыгодного взаимодействия на благо конкретных территорий и всего государства"), обладают свойствами достоверности, обоснованности, но носят общий характер и не отражают всех научных достижений автора. Таким образом, они нуждаются в уточнении и конкретизации.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере конституционного права, муниципального права при условии ее доработки: раскрытии методологии исследования, дополнительном обосновании актуальности его темы, углублении отдельных положений работы, введении дополнительных элементов дискуссионности, конкретизации выводов по результатам проведенного исследования, устранении нарушений в оформлении

статьи.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия

на статью «Формы организации населения как первичная ступень во взаимоотношениях с государством»

Представленная на рецензирование научная статья посвящена исследованию форм организации населения как первичной ступени во взаимоотношениях с государством. Актуальность научной статьи определяется с позиции научного анализа правового обеспечения местного самоуправления. Теми принципиальными изменениями, которые в качестве поправки были внесены в Конституцию Российской Федерации. В результате чего был осуществлен новаторский перенос уровня органов местного самоуправления в сферу самого тесного взаимодействия с государственной властью, что послужило установлению системы «публичной власти», не существовавшей в предыдущей редакции действующей Конституции Российской Федерации.

Появление единой системы публично-властных органов в государстве было вызвано необходимостью создания механизма эффективного взаимодействия между органами государственной и муниципальной власти с условием расширения и укрепления сферы компетенции и властных полномочий органов местного самоуправления. Такой подход можно считать оправданным и сопоставимым с современной теорией управления, самоуправления, народовластия и представительства.

Методологической основой исследования послужили общенаучные методы исследования, такие как историко-логический метод, метод логической обработки материалов теории и практики, метод системно-структурного подхода, который нашел отражение в работе для выявления внутренней организации, формы организации населения, как системы, характера, направления, силы системообразующих связей, а также связи системы со средой функционирования, описания системно-формальным языком и создания логических предпосылок в сфере научного поиска формы организации населения, как первичной ступени во взаимоотношениях с государством.

Автор аргументированно высказывает позиции, касающиеся основной цели исследования, которая заключается в обосновании важности взаимодействия органов публичной власти, в большей степени органов местного самоуправления с населением, свои выводы подкрепляя диспозицией известных российских ученых-правоведов исследовавших ранее формы организации населения во взаимоотношениях с государством.

Исследование хорошо структурировано, написано понятным, живым русским языком, выводы автора логичны, хотя с определенной научной стороны носят дискуссионный характер, от этого работа становится наиболее интересной, так как наводит читателя на продолжение дискуссии по рассматриваемой проблеме, вызывая читательский интерес.

Особое внимание автор уделяет тому обстоятельству, что уже с известными формами взаимодействия граждан с органами публичной власти в современном мире, приобретают новые формы, которые продиктованы развитием цифровых технологий, внедрением и использованием новейших теле-коммуникационных технологий в повседневную жизнь общества и государства. Данное обстоятельство и авторская

позиция может считаться как определенного рода новаторским предложением, что заставляет исследователя глубже погружаться в проблемные вопросы связанные с формой организации населения как первичной ступени во взаимоотношениях с государством.

В работе автор использует порядка тринадцати источников, обозначенных в библиографическом списке, а также в тексте исследования нормативные правовые акты, регламентирующие отдельные вопросы взаимодействия населения и государственных органов, что является достаточным для подготовки работ подобного рода.

На наш взгляд, данная работа имеет определенную научную значимость, может быть полезна студентам, слушателям, аспирантам изучающим проблемы взаимодействия общества и государства. Научная статья соответствует всем предъявляемым требованиям к работам такого рода и может быть рекомендована к опубликованию.

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Пурге А.Р. К вопросу о необходимости применения бэби-боксов в России и иных странах // Юридические исследования. 2024. № 3. DOI: 10.25136/2409-7136.2024.3.69809 EDN: HMQAFA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69809

К вопросу о необходимости применения бэби-боксов в России и иных странах

Пурге Анна Роландовна

кандидат юридических наук

доцент, Владивостокский государственный университет

690014, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41, оф. 5502

✉ a.purge@mail.ru

[Статья из рубрики "Человек и государство"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2024.3.69809

EDN:

HMQAFA

Дата направления статьи в редакцию:

10-02-2024

Аннотация: Предметом настоящего исследования являются нормативные правовые положения применения и функционирования бэби-боксов на территории различных государств. Объектом является социальное и юридическое обоснования потребности в современном мире применения на территории государств бэби-боксов в контексте реализации конституционного принципа права ребенка на жизнь. В статье 3 Всеобщей декларации прав человека закреплено неотчуждаемое и неотъемлемое право каждого человека на жизнь, и, безусловно, это предписание в полной мере распространяется и на каждого ребенка. Более того, на международно-правовом уровне провозглашен принцип, в соответствии с которым ребёнок является исключительным объектом защиты со стороны любого государства мира и социума: так, в ч. 2 ст. 25 Всеобщей декларации прав человека закреплено, что младенчество и детство дают право на особое попечение и заботу. Методологическая основа настоящего исследования представлена совокупностью таких методов научного познания объективной правовой действительности, примененных в ходе подготовки и написания, как: всеобщий диалектический, логический, статистический, сравнительно-правовой, формально-

юридический методы исследования. Автором проанализированы основные социальные и правовые причины, обуславливающие появление и распространение практики использования бэби-боксов в ряде зарубежных стран и в отдельных регионах России. Неоднозначные точки зрения по вопросу необходимости правового регулирования и практики применения бэби-боксов в России представлены сегодня и на доктринальном уровне: некоторые авторы говорят о целесообразности и эффективности их использования, другие отмечают их бесполезность и небезопасность, указывая на существование иных механизмов добровольного отказа родителей от новорожденных детей, установленных законом. В ходе проведенного анализа автором представлены причины и потребности необходимости внедрения практики применения и использования бэби-боксов как в Российской Федерации, так и в иных странах, и как следствие это влечет необходимость законодательной регламентации рассматриваемых отношений.

Ключевые слова:

ребенок, родители, право на жизнь, бэби-бокс, объект защиты, государство, защита прав, усыновитель, приемная семья, дети-сироты

Функционирование бэби-боксов широко используется на сегодняшний день на территории ряда зарубежных стран (в частности, в Австрии, Бельгии, Германии, Италии, США, Швейцарии, Чехии, Японии, Польше), а также на территории отдельных регионов России (в частности, в Пермском крае, Московской области, Владимирской области, Краснодарском крае, Курской области, Ленинградской области, Псковской области, Камчатского края, Калининградской области, Свердловской области). Проблема отсутствия правового регулирования практики использования бэби-боксов в России и в зарубежных странах неоднократно становилась самостоятельным объектом научного осмысления ряда отечественных правоведов. Об этом, в частности, свидетельствуют собой научные статьи следующих авторов: Н.В. Вараксина (2020), И.С. Данилова (2023), Е.М. Карелина (2017), М.А. Кондрашова (2016), А.В. Ролдугин (2017), а также некоторых других, однако следует отметить отсутствие на сегодняшний день диссертаций на соискание степени кандидата либо доктора юридических наук, посвященных разработке выбранной темы исследования, что свидетельствует о низкой степени ее научной разработанности в доктрине и подчеркивает ее актуальность.

Среди основных юридико-социальных причин, обуславливающих появление и распространение практики использования бэби-боксов в ряде зарубежных стран и в отдельных регионах России можно выделить и проанализировать следующие:

1 Необходимость исполнения взятых международно-правовых обязательств со стороны государств мира.

Так, ст. 3 Всеобщей Декларации прав человека 1948 г. провозгласила право каждого человека, в том числе и каждого ребенка, на жизнь. Жизнь детей при этом подлежит, в соответствии с международно-правовыми предписаниями, особой защите и охране со стороны государства (ч. 2 ст. 25 Всеобщей декларации прав человека 1948 г., ч. 1 ст. 24 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., ст. 10 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1996 г., преамбуле Декларации о защите прав ребенка 1959 г.). В ч. 2 ст. 6 Конвенции о правах ребенка 1989 г. также закрепляется обязанность государств по обеспечению максимально возможной степени выживания каждого ребенка, родившегося и/или

проживающего на их территории.

Те государства, которые являются участниками названных выше международно-правовых актов, приняли на себя обязательства по приведению своего действующего национального законодательства в соответствие с международно-правовыми принципами и предписаниями в сфере защиты прав и интересов детей, в том числе и в части обеспечения и охраны их права на жизнь и здоровье. В этой связи в Конституциях ряда зарубежных стран, на территории которых в текущий момент распространена практика использования таких конструкций как бэби-бокс, было провозглашено право каждого человека, включая в том числе и каждого ребенка, на жизнь в качестве наивысшей ценности государства.

В частности, например, в положениях поправок IV и V Конституции США 1787 г. (с учетом поправок, внесенных Биллем о правах 1789 г.) закреплено право каждого человека на охрану личности и охрану жизни при различных обстоятельствах, в том числе и при реализации государством в отношении него уголовного преследования.

В ч. 1 ст. 6 Конституции Чешской Республики 1992 г. также закреплено право каждого человека, в том числе и каждого ребенка, на жизнь. При этом подчеркивается, что человеческая жизнь заслуживает охраны со стороны государства еще до рождения самого человека. А в ч. 1 ст. 32 Конституции Чешской Республики дополнительно указывается, что дети подлежат особой охране и защите со стороны государства. Аналогичные положения о праве на жизнь человека, а также об особо усиленной охране детей закреплены в ч. 1 ст. 15, ч. 1 ст. 41 Конституции Словацкой Республики 1992 г. В соответствии со ст. 93 Конституции Латвийской Республики 1922 г. право на жизнь человека, в том числе и ребенка, защищается законом.

В свою очередь, согласно ст. 2 Конституции РФ права человека и гражданина (в том числе и ребенка) признаются высшей ценностью на территории российского государства, а их соблюдение и защита является главной обязанностью последнего. В ч.1 ст. 20 Конституции РФ право на жизнь признается в качестве неотъемлемого и неотчуждаемого личного права каждого человека, в том числе и ребенка, а в ч. 1 ст. 38 Конституции РФ провозглашена обязанность государства по защите материнства и детства, и потому Россия обязана обеспечивать максимально возможную степень выживания детей на ее территории за счет введения различных социально-экономических мер.

Использование бэби-боксов на территории указанных стран стало своего рода дополнительным способом защиты и охраны права каждого ребенка на жизнь, во исполнение конституционно провозглашенных положений и принципов международного права в сфере защиты и охраны прав человека, института детства. Однако, Комитет ООН по правам детей еще в 2014 году в заключительных замечаниях по объединенным четвертому и пятому периодическим докладам Российской Федерации, CRC/C/RUS/CO/4-5, отметил, что Россия, равно как и ряд стран Европы, ошибочно истолковав предписания Конвенции по правам ребенка 1989 г., ввела практику использования бэби-боксов на своей территории, не учитывая то, что анонимный отказ родителей от воспитания ребенка нарушает ряд других положений указанного международного правового акта. Так, в частности, использование бэби-боксов, в которых матери могут анонимно оставить своих новорожденных детей, нарушает ч. 1 ст. 7 Конвенции по правам ребенка 1989 г., в соответствии с которой за каждым ребенком закрепляется право знать своих родителей, а также ч. 1 ст. 9, согласно которой ребенок не должен быть разлучен со своими родителями, за исключением случаев, прямо предусмотренных национальным законодательством в целях обеспечения безопасности жизни и здоровья

самого ребенка [\[11\]](#). Ранее, в 2011 году аналогичные рекомендации по прекращению практики использования бэби-боксов Комитет ООН по правам ребенка давал и в отношении иных стран Западной Европы, например, в отношении Чехии [\[21\]](#).

К слову, позиция Комитета ООН по правам ребенка нашла свое признание и среди представителей отечественной и зарубежной правовой доктрины. Так, S. Evans, являясь противником применения бэби-боксов, отмечал, что это приводит к нарушению не только конвенционно провозглашенного права самого ребенка на знание собственного происхождения, но и прав его отца, бабушек, дедушек на его воспитание и общение с ним, поскольку последние могут даже никогда не узнать о рождении ребенка, с которым у них имеется биологическое родство [\[3, с. 1\]](#). Е.А. Елина также указывает, что практика использования бэби-боксов не только противоречит международно-правовым предписаниям в сфере охраны и защиты прав ребенка, но и нарушает права отцов на воспитание их детей, помещенных анонимно их матерями в бэби-боксы без их ведома и согласия [\[4, с. 137-138\]](#). В.И. Ковалевский, в свою очередь, пишет, что практика применения бэби-боксов в России и ряде стран Западной Европы носит не только аморальный, но и антиправовой характер, нарушая предписания ст. 7, ст. 9 Конвенции по правам ребенка 1989 г., а также аналогичные предписания ч. 2 ст. 54 Семейного кодекса РФ [\[5, с. 1\]](#). Аналогичные доводы приводят в обоснование своей позиции и Н.В. Вараксина, О.Ю. Маслова [\[6, с. 5\]](#).

И все же, по нашему мнению, с таким категоричным взглядом вряд ли можно согласиться в полной мере. Полагаем вполне справедливым довод Н.В. Устиновой о том, что право ребенка на жизнь, безусловно, является приоритетным по отношению к праву знать свое происхождение, и значительно важнее создать гарантии и механизмы, обеспечивающие его охрану и защиту [\[7, с. 59\]](#). Кроме того, довод о нарушении права ребенка знать свое происхождение при использовании бэби-бокса закономерным и логичным образом предопределяет возникновение другого вопроса: а разве тайна усыновления, действующая на законодательном уровне в ряде стран Западной Европы и в России (ст. 139 Семейного кодекса РФ, исключающая доступ ребенка к информации о его биологических родителях), не нарушает предписания ст. 7 и ст. 9 Конвенции о правах ребенка 1989 г.? Ведь применительно к российской правовой действительности, Конституционный Суд РФ дал разъяснения в 2015 г., что усыновленному ребенку может быть предоставлен доступ к информации о его биологических родителях, только при условии наличия у него на то существенного интереса, который обязательно должен быть установлен в судебном порядке [\[8\]](#) (например, наличие такого интереса было установлено в 2018 году Верховным Судом РФ в силу риска развития у усыновленного ребенка и его детей в будущем тяжелых генетических заболеваний, поскольку сохранение тайны усыновления в таком случае нарушало его право на оказание качественной, высококвалифицированной медицинской помощи [\[9\]](#)). В свою очередь, говоря о странах Западной Европы, на территории которых действует установленная законом тайна усыновления, отметим, что Европейский суд по правам человека неоднократно в своих решениях подчеркивал то, что вопрос по обеспечению доступа усыновленных детей к информации о его биологических родителях должен разрешаться по усмотрению национального законодателя, поскольку при любом из избранных подходов будут нарушаться права либо ребенка (право знать свое происхождение), либо женщины, отказавшейся от него (право на неприкосновенность частной жизни), и потому баланс интересов тут призвано найти само государство. Получается, использование бэби-боксов – это не первый такой прецедент, когда в целях обеспечения баланса

интересов родителей и детей, одновременной защиты их прав, провозглашенных на международно-правовом уровне, фактически допускается отклонение от положений Конвенции по правам ребенка 1989 г. И тем не менее, по сей день, тайна усыновления на законодательном уровне не отменена, а доступ усыновленного ребенка к информации о его биологическом происхождении строго ограничен, что говорит и о возможности обеспечения законодательной регламентации использования бэби-боксов даже при условии сохранения анонимности матерей, поместивших в него ребенка. Ведь в последнем случае законодатель будет исходить исключительно из баланса интересов как его биологической матери, так и самого ребенка: во-первых, мать не лишена возможности вернуть себе ребенка, но если этого не произошло, то вряд ли общение с такой матерью будет благоприятно влиять на ребенка, так как принуждение женщины карательными методами со стороны государства заботиться о своем ребенке не вернет ей материнский инстинкт и не даст ребенку почувствовать себя любимым и желанным.

2 Потребность в сокращении числа убийств матерями своих новорожденных детей, оставления их в опасности, в связи с возникновением реактивной послеродовой депрессии у матерей или в силу иных тяжелых жизненных обстоятельств, препятствующих им осуществлять свои родительские права и самостоятельно воспитывать и содержать детей.

Первый бэби-бокс в России появился и стал фактически функционировать в 2011 году на территории г. Пермь [\[10\]](#): внедрение практики его использования было предопределено ростом числа убийств новорожденных детей, совершенных матерями в предшествующие этому событию годы. Так, по отчетным статистическим данным, опубликованным на официальном сайте Министерства внутренних дел РФ, в 2010 году было зарегистрировано 103 преступления, предусмотренного ст. 106 Уголовного кодекса РФ [\[11\]](#), а в 2011 году – 108 [\[12\]](#). Именно в целях предотвращения числа детоубийств в отношении новорожденных, и, как следствие, спасения их жизни, отечественный законодатель разрешил внедрение и последующее использование бэби-боксов, опираясь на успешный опыт зарубежных стран. Об этом, в частности, несколько позднее указывалось в содержании пояснительной записки к Законопроекту № 345593-7 «О внесении изменений в статью 10 Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребенка Российской Федерации» и в статью 19 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» [\[13\]](#), внесенного на рассмотрение в Государственную Думу РФ в декабре 2017 года.

К тому моменту бэби-боксы уже широко использовались на территории различных зарубежных стран: так, например, в Германии они функционировали с 1999 года, в Венгрии – с 1997 года, в Латвии – с 2009 года, в Словакии – с 2004 года, в Японии – с 2011 года, в Чехии – с 2005 года, в США – с 1999 года [\[7, с. 57-58\]](#). Внедрение практики использования бэби-боксов в этих странах в тот период времени также было предопределено ростом числа убийств матерями новорожденных детей: например, в 2005 году Генеральной прокуратурой Чешской Республики был зафиксирован рост числа убийств новорожденных детей их матерями (в одном из случаев мать завернула новорожденного ребенка в полиэтиленовый пакет, чтобы он задохнулся, и оставила на берегу реки в кустах [\[14\]](#)). Необходимо отметить, что практика использования бэби-боксов свои положительные результаты все же дала: так, к примеру, к 2019 году в России было спасено 200 детей [\[15\]](#), а в Чехии – 260 младенцев [\[16\]](#).

Между тем, учитывая, что практика использования бэби-боксов в России и в ряде

зарубежных стран так и не стала повсеместной, в частности, из-за отсутствия ее комплексного и детализированного правового регулирования, проблема убийства матерями новорожденных детей, тем не менее, сохраняется по сей день. Так, согласно отчетным статистическим данным, опубликованным по результатам мониторинга судебной практики, только за минувший период 2022 года в России были осуждены за совершение преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ (убийство матерью новорожденного ребенка), 27 женщин [\[17\]](#).

Например, в июле 2020 года Лузским районным судом Кировской области была осуждена женщина, мать новорожденного ребенка, убившая его при следующих обстоятельствах: после рождения ребенка в своей квартире, она сдавила его шею, тем самым лишив доступ кислорода к органам дыхания младенца, и удерживала его в таком состоянии до момента, пока последний не перестал подавать признаки жизни. Как следует из материалов уголовного дела, решила мать на совершение преступления вследствие возникшей реактивной послеродовой депрессии, а также тяжелого финансового положения [\[18\]](#). В июле того же 2020 года была осуждена Ессентукским городским судом Ставропольского края за покушение на совершение убийства новорожденного ребенка, женщина-мать, которая, спонтанно родив ребенка, находясь в туалете магазина, действуя под развившейся реактивной послеродовой депрессии, приняла решение убить своего новорожденного ребенка в виду собственного тяжелого финансового положения и нежелания отца ребенка принимать участие и оказывать помощь в его воспитании. С этой целью женщина упаковала новорожденного ребенка в полиэтиленовый пакет, плотно его завязала, вынесла на улицу и оставила в кустах, однако, преступление не было окончено по независящим от нее причинам, так как новорожденного ребенка обнаружил и спас прохожий [\[19\]](#). Немало уголовных дел, возбужденных за последние годы по факту совершения преступлений, предусмотренных ст. 106 УК РФ в 2023 году пока что не были направлены в суд: так, например, в соответствии с материалами одного из возбужденных уголовных дел, 8 октября 2023 года жительница Кежемского района Красноярского края самостоятельно родила жизнеспособного ребенка, без обращения в медицинское учреждение, после чего сбросила новорожденную в выгребную яму уличного туалета, вследствие чего последняя погибла [\[20\]](#). При этом, обратим внимание, что число женщин, убивших своих новорожденных детей, все же сократилось с 2011 по 2022 годы практически в 5 раз (со 108 до 27, соответственно), что все же говорит о положительных результатах практики использования бэби-боксов на территории отдельных регионов РФ).

Кроме того, нельзя забывать и о том, что матери, родившие детей в тяжелой жизненной ситуации, находящиеся в состоянии послеродовой депрессии не всегда убивают новорожденных, нередко они попросту оставляют их в опасности, подкидывая их в дверям роддомов, детских поликлиник, детских домов, детских реабилитационных центров, не учитывая небезопасность погодных условий для жизни и здоровья младенцев, а также риск того, что их может «подобрать» психически больной человек, способный совершить в отношении них преступление (например, убийство, иное преступление против половой неприкосновенности малолетнего). Уголовно-правовая квалификация таких действий матерей на практике спорна: в ряде случаев их квалифицируют как оставление новорожденного в опасности, а в других случаях – как покушение на убийство. Так, в марте 2022 года Следственный комитет РФ возбудил уголовное дело по факту совершения преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30 п. в ч. 2 ст. 105 УК РФ (покушение на убийство малолетнего) в отношении женщины, оставившей преднамеренно на улице в мороз сумку со своим новорожденным ребенком

[21]. В другом же случае в июле 2019 года полицией было возбуждено уголовное дело в отношении матери новорожденного ребенка по факту совершения преступления, предусмотренного ст. 125 УК РФ (оставление в опасности), оставившей его на улице у подъезда [22]. И таких случаев в России, равно, как в Европе, ежегодно совершается немало, и потому внедрение практики использования бэби-боксов предопределено потребностью исключения (сокращения) числа случаев, при которых нежеланных, ненужных младенцев попросту подкидывают в подъезды, под двери различных органов, организаций и учреждений, а также в мусорные баки и мусопроводы (например, в январе 2022 года полиция обнаружила новорожденного ребенка в мусорном контейнере в Пардубице, Республика Чехия [23]).

3 Потребность в сокращении числа случаев жестокого обращения с нежеланными детьми со стороны их родителей, а также пребывания их в опасном положении в тяжелых жизненных ситуациях.

Матери и отцы, находящиеся в тяжелой жизненной ситуации к моменту рождения их детей, к счастью, не всегда принимают решение об их убийстве или оставлении в опасности. Нередки случаи, как в России, так и в ряде зарубежных стран, когда не отказываясь от своих родительских прав в отношении нежеланных и нелюбимых детей из-за возможного общественного порицания, не лишая их умышленно жизни, в последующем при их воспитании допускают жестокость, подвергая их систематическим побоям, истязаниям и унижениям. Так, по статистическим данным Комитета ООН по правам ребенка, опубликованным в отчетном докладе в 2020 году, ежегодно каждый второй ребенок в мире (то есть, приблизительно один миллиард детей) подвергается домашнему насилию [24]. В свою очередь, согласно статистическим данным, собранным на базе Следственного комитета РФ, только за минувший 2022 год в суды было направлено 10 745 уголовных дел о преступлениях насильственного характера, совершенных в отношении несовершеннолетних [25]. И это, как отмечает Н.В. Устинова, в условиях современных реалий, когда права детей особо охраняются и защищаются во всем мире, в частности, за счет бдительного контроля образовательных и медицинских учреждений: очевидно, что в 2000-х годах огромное число случаев домашнего насилия над детьми и вовсе оставались невыявленными, незафиксированными (впрочем, латентность жестокого обращения с детьми характерна и в сегодняшнем дне), что отчасти и предопределило внедрение практики использования бэби-боксов как в России, так и в ряде зарубежных стран [7, с. 56].

Между тем, учитывая, что практика использования бэби-боксов в мире по сей день не носит повсеместного характера, проблема жестокого обращения с детьми, рождение которых было нежеланным для их родителей в силу их моральной неготовности к этому или же тяжелых жизненных обстоятельств, сохраняется и в России, и в зарубежных странах. Так, в марте 2023 года в Хабаровском крае женщина, систематически издевавшаяся над своим годовалым сыном, в очередной раз избивала его причинив ему травмы, несовместимые с его жизнью, в результате чего ребенок скончался. В ходе допроса обвиняемая пояснила следователю, что невзлюбила ребенка с момента его рождения и мечтала от него избавиться, но опасалась общественного порицания [26]. В феврале 2024 года в Алтайском крае было возбуждено уголовное дело по факту истязания новорожденного ребенка со стороны его матери, совершенного в период их совместного пребывания в ноябре 2023 года в реабилитационном центре для женщин, попавших в трудную жизненную ситуацию: следствие установило, что мать ребенка неоднократно подвергала его побоям и иным насильственным действиям несексуального

характера [27]. В свою очередь, в Австрии в 2023 году было совершено преступление матерью ребенка в отношении последнего: женщина систематически избивала сына, морила его голодом, подвергала различным пыткам, сажала на цепь в клетку, выставляла на мороз, вследствие чего мальчик впал в кому [28]. И таких случаев в России, равно, как в Европе, ежегодно совершается немало, и потому внедрение практики использования бэби-боксов предопределено потребностью исключения (сокращения) числа случаев, при которых нежеланных, ненужных детей после рождения попросту подвергают истязаниям и жестокому обращению их собственные родители.

Резюмируя, сформулируем следующие выводы:

Внедрение практики использования бэби-боксов в России (локально, в 15-ти городах) и в ряде зарубежных стран (в частности, в Австрии, Бельгии, Германии, Италии, США, Швейцарии, Чехии, Японии Польше) носит социально обусловленный характер и предопределено комплексом причин, обозначенных ниже:

- необходимость исполнения взятых международно-правовых обязательств со стороны государств мира, являющихся членами (участниками) ряда соглашений, в частности, Всеобщей Декларации прав человека 1948 г., Декларации о защите прав ребенка 1959 г., Конвенции о правах ребенка 1989 г., по охране права ребенка на жизнь и обеспечению условий для максимальной выживаемости детей;

- потребность в сокращении числа убийств матерями своих новорожденных детей, оставления их в опасности, в связи с возникновением реактивной послеродовой депрессии у матерей или в силу иных тяжелых жизненных обстоятельств, препятствующих им осуществлять свои родительские права и самостоятельно воспитывать и содержать детей (так, статистические данные как прошлых лет (до момента внедрения практики использования бэби-боксов), так и предыдущего года, свидетельствуют собой о значительном числе случаев совершения убийств новорожденных детей их матерями, как в России, так и на территории ряда зарубежных стран (при этом, после внедрения практики использования бэби-боксов в России, количество таких убийств новорожденных детей сократилось почти в пять раз: с 108 в 2011 году до 27 в 2022 году);

- потребность в сокращении числа случаев жестокого обращения с нежеланными детьми со стороны их родителей, а также пребывания их в опасном положении в тяжелых жизненных ситуациях (так, статистические данные свидетельствуют собой о значительном числе случаев истязания младенцев, малолетних детей, как в России, так и на территории ряда зарубежных стран (по отчетным показателям Комитета ООН по правам ребенка – каждый второй ребенок в мире подвергается домашнему насилию со стороны своих родителей)).

Библиография

1. Как ООН рекомендует России отказаться от бэби-боксов // LiveJornal: [сайт]. – URL: <https://roman-n.livejournal.com/8939166.html?ysclid=ls9j38y2c3758676168> (дата обращения: 07.12.2023).
2. ООН осудила чешские «бэйби боксы» в которые можно анонимно сдать ребенка // Право.Ру. Информационно-правовой портал: [сайт]. URL: <https://pravo.ru/interpravo/news/view/56254/?ysclid=ls9kxl7t2r854636933> (дата обращения: 07.12.2023).
3. Evans S. The 'aby box returns to Europe // BBC News Magazine. 2012. № 6. P. 1-3.

4. Елина Е.А. Соблюдение прав ребенка в контексте функционирования института «бэби-боксов» // Вестник Самарского юридического института. 2016. № 1 (19). С. 134-137.
5. Ковалевский В.И. «Ящик для ребенка», или Некоторые аспекты реализации в России проекта «бэби-бокс» // Современное право. 2015. № 12. С. 1-7.
6. Вараксина Н.В. Ящик для ребенка, или некоторые аспекты реализации в России проекта «бэби-бокс» // Дневник наук. 2020. № 11. С. 1-8.
7. Устинова Н.В. Международный опыт профилактики жестокого обращения с новорожденными детьми // Российский педиатрический журнал. 2019. № 1. С. 55-60.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 2015 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» в связи с жалобой граждан Г.Ф. Грубич и Т.Г. Гузиной» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181188/?ysclid=ls9nawuef431129848 (дата обращения: 07.12.2023).
9. Определение Верховного Суда РФ от 23 августа 2018 г. по делу № 48-КГ18-16 // Верховный Суд Российской Федерации: [сайт]. URL: https://vsrf.ru/stor_pdf_ec.php?id=1692276&ysclid=ls9nv5orxb117800770 (дата обращения: 07.12.2023).
10. Коробка в жизнь. В России установлен первый бэби-бокс // Коммерсантъ. Периодическое издание: [сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1807532?ysclid=ls9oul8zmo489563808> (дата обращения: 07.12.2023).
11. Состояние преступности-январь-декабрь 2010 год // Министерство внутренних дел Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/209732/> (дата обращения: 07.12.2023).
12. Состояние преступности-январь-декабрь 2011 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/209743/> (дата обращения: 07.12.2023).
13. Пояснительная записка к Законопроекту № 345593-7 «О внесении изменений статью 10 Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребенка Российской Федерации» и в статью 19 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» // Система обеспечения законодательной деятельности: [сайт]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/345593-7?ysclid=ls9qitiyry124744936> (дата обращения: 07.12.2023).
14. Убийства детей в Чехии становятся всё более жестокими // Пражский экспресс. Периодическое издание: [сайт]. URL: <https://www.prague-express.cz/society/39-accident/10081-murder-of-children-in-the-czech-republic-are-becoming-more-violent> (дата обращения: 07.12.2023).
15. Оксана Пушкина рассказала, сколько детей были спасены благодаря бэби-боксам // Риа.Новости: [сайт]. URL: <https://ria.ru/20191107/1560683927.html?ysclid=ls8bt4rno342038665> (дата обращения: 07.12.2023).
16. Чехия: уже 260-й ребенок помещен в бэби-боксы для нежеланных детей // Voice of Europe. Периодическое издание: [сайт]. URL: <https://www.voiceofeurope.com/ru/%D1%87%D0%B5%> (дата обращения: 23.12.2023).
17. Данные о назначенном наказании за совершение преступлений, предусмотренных различными статьями Уголовного кодекса РФ // Судебная статистика РФ: [сайт]. URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17?>

ysclid=ls8bay9dnl739469512 (дата обращения: 07.12.2023).

18. Приговор Лузского районного суда Кировской области № 1-49/2020 от 17 июля 2020 г. по делу № 1-49/2020 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/uHWs38USxdZm/?regular-txt=&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo= (дата обращения: 23.12.2023).
19. Приговор Ессентукского городского суда Ставропольского края № 1-125/2020 от 15 июля 2020 г. по делу № 1-125/2020 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/DtJpF6mV5IX/?regular-txt=&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo= (дата обращения: 23.12.2023).
20. Председатель Следственного комитета России поручил доложить о ходе расследования уголовного дела об убийстве матерью новорожденного ребенка в Красноярском крае // Следственный комитет Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1830533/> (дата обращения: 23.12.2023).
21. Следственный комитет России опубликовал видео допроса матери, бросившей младенца на улице в Москве // Телевизионный канал «НТВ»: [сайт]. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2692259/?ysclid=ls9szgyiow20643410> (дата обращения: 23.12.2023).
22. Бросила у подъезда: как мать-кукушка избавилась от сына // Газета. Ру. Периодическое издание: [сайт]. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2019/06/28/12460615.shtml?ysclid=ls9t5zoaje558684370> (дата обращения: 23.12.2023).
23. Полиция в Чехии обнаружила новорожденного ребенка в мусорном контейнере // 420on. Информационно-новостной портал: [сайт]. URL: <https://420on.cz/news/people/61948-politsiya-v-chehii-obnaruzhila-novorozhdenного-rebenka-v-musornom-konteynere?ysclid=ls9tx8gbhq143492296> (дата обращения: 23.12.2023).
24. О положении дел в мире в сфере профилактики насилия в отношении детей за 2020 год: доклад Комитета ООН по правам ребенка от 25.06.2020 // World Health Organization: [сайт]. URL: <https://www.who.int/teams/social-determinants-of-health/violence-prevention/global-status-report-on-violence-against-children-2020> (дата обращения: 23.12.2023).
25. Следственный комитет РФ: в России выросло число преступлений против детей // Российская газета: [сайт]. URL: <https://rg.ru/2022/12/07/opasnaia-rodnia.html?ysclid=ls9uhtia2c3389276> (дата обращения: 23.12.2023).
26. Избила насмерть после года издевательств: мать расквиталась с годовалым сыном втайне ото всех в Хабаровском крае // Комсомольская правда. Периодическое издание: [сайт]. URL: <https://www.hab.kp.ru/daily/27480/4736315/?ysclid=ls9vlu6qly315314057> (дата обращения: 23.12.2023).
27. В Алтайском крае 24-летняя мать избила свою новорожденную дочь – ей грозит до десяти лет лишения свободы // SB. News. Информационно-новостной портал: [сайт]. URL: <https://www.sb.by/articles/v-altae-24-letnyaya-mat-izbila-svoyu-novorozhdenную-doch-ey-grozit-do-desyati-let-lisheniya-svobody.html?ysclid=ls9u2p6ktx568687471> (дата обращения: 06.05.2024).
28. Мать из Австрии, мучавшую сына, обвиняют в покушении на убийство – ребенок впал в кому из-за истязаний // Среда. Информационно-новостной портал: [сайт]. URL: <https://kurer-sreda.ru/2023/06/25/mat-iz-avstriei-muchavshuiu-12-letnego-syna-obviniaut-v-pokushenii-na-ubiistvo-rebenok-vpal-v-komu-iz-za-istiazanii?ysclid=ls9w0yq4zn114915992> (дата обращения: 06.02.2024)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, вопрос о необходимости применения бэби-боксов в России и иных странах. Заявленные границы исследования соблюдены автором.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается, но очевидно, что ученым использовались всеобщий диалектический, логический, статистический, сравнительно-правовой, формально-юридический методы исследования.

Актуальность избранной автором темы исследования не подлежит сомнению, но обосновывается им очень кратко: "Применение бэби-боксов широко используется на сегодняшний день на территории ряда зарубежных стран (в частности, в Австрии, Бельгии, Германии, Италии, США, Швейцарии, Чехии, Японии Польше), а также на территории отдельных регионов России (в частности, в Пермском крае, Московской области, Владимирской области, Краснодарском крае, Курской области, Ленинградской области, Псковской области, Камчатского края, Калининградской области, Свердловской области)". Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений ученого относительно комплекса основных причин, вызвавших внедрение в социальную практику бэби-боксов: "... необходимость исполнения взятых международно-правовых обязательств со стороны государств мира, являющихся членами (участниками) ряда соглашений, в частности, Всеобщей Декларации прав человека 1948 г., Декларации о защите прав ребенка 1959 г., Конвенции о правах ребенка 1989 г., по охране права ребенка на жизнь и обеспечению условий для максимальной выживаемости детей; потребность в сокращении числа убийств матерями своих новорождённых детей, оставления их в опасности, в связи с возникновением реактивной послеродовой депрессии у матерей или в силу иных тяжелых жизненных обстоятельств, препятствующих им осуществлять свои родительские права и самостоятельно воспитывать и содержать детей ... ; потребность в сокращении числа случаев жестокого обращения с нежеланными детьми со стороны их родителей, а также пребывания их в опасном положении в тяжелых жизненных ситуациях... ". Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы вполне логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор подробно рассматривает комплекс причин, вызвавших появление феномена бэби-боксов как в России, так и за рубежом. В заключительной части статьи содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи полностью соответствует ее наименованию, но не лишено некоторых недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "Применение бэби-боксов широко используется на сегодняшний день на территории ряда зарубежных стран (в частности, в Австрии, Бельгии, Германии, Италии, США, Швейцарии, Чехии, Японии Польше), а также на территории отдельных регионов России (в частности, в Пермском крае, Московской области, Владимирской области, Краснодарском крае, Курской области, Ленинградской области, Псковской

области, Камчатского края, Калининградской области, Свердловской области)" - выражение "применение ... используется" отчасти тавтологично и требует замены (стилистическая ошибка). Обычно используется словосочетание "применение находит место" и т.п.

Ученый отмечает: "Жизнь детей, при этом, подлежит, в соответствии с международно-правовыми предписаниями, особой защите и охране со стороны государства (ч. 2 ст. 25 Всеобщей декларации прав человека 1948 г., ч. 1 ст. 24 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., ст. 10 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1996 г., преамбуле Декларации о защите прав ребенка 1959 г.)" - первые две запятые являются лишними.

Автор указывает: "В этой связи в Конституциях ряда зарубежных стран, на территории которых в текущий момент распространена практика использования таких конструкций как бэби-боксов, было провозглашено право каждого человека, включая в том числе и каждого ребенка, на жизнь в качестве наивысшей ценности государства" - "как бэби-боксы".

Приведенный перечень опечаток и ошибок не является исчерпывающим!

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании.

Библиография исследования представлена 28 источниками (научными статьями, разъяснениями высших судебных инстанций, материалами судебной практики, статистическими и аналитическими материалами), в том числе на английском языке. С формальной и фактической точек зрения этого вполне достаточно. Характер и количество использованных при написании статьи источников позволили автору раскрыть тему исследования с необходимой глубиной и полнотой.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (S. Evans, Е.А. Елина, В. И. Ковалевский и др.), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в необходимой степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Внедрение практики использования бэби-боксов в России (локально, в 15-ти городах) и в ряде зарубежных стран (в частности, в Австрии, Бельгии, Германии, Италии, США, Швейцарии, Чехии, Японии Польше) носит социально обусловленный характер и предопределено комплексом причин, обозначенных ниже: - необходимость исполнения взятых международно-правовых обязательств со стороны государств мира, являющихся членами (участниками) ряда соглашений, в частности, Всеобщей Декларации прав человека 1948 г., Декларации о защите прав ребенка 1959 г., Конвенции о правах ребенка 1989 г., по охране права ребенка на жизнь и обеспечению условий для максимальной выживаемости детей; - потребность в сокращении числа убийств матерями своих новорождённых детей, оставления их в опасности, в связи с возникновением реактивной послеродовой депрессии у матерей или в силу иных тяжелых жизненных обстоятельств, препятствующих им осуществлять свои родительские права и самостоятельно воспитывать и содержать детей (так, статистические данные как прошлых лет (до момента внедрения практики использования бэби-боксов), так и предыдущего года, свидетельствуют собой о значительном числе случаев совершения убийств новорожденных детей их матерями, как в России, так и на территории ряда зарубежных стран (при этом, после внедрения практики использования бэби-боксов в России, количество таких убийств новорожденных детей сократилось почти в пять раз: с 108 в 2011 году до 27 в 2022 году); - потребность в сокращении числа случаев жестокого обращения с нежеланными детьми со стороны их родителей, а также пребывания их в опасном положении в тяжелых жизненных ситуациях (так, статистические данные свидетельствуют собой о значительном числе случаев истязания

младенцев, малолетних детей, как в России, так и на территории ряда зарубежных стран (по отчетным показателям Комитета ООН по правам ребенка – каждый второй ребенок в мире подвергается домашнему насилию со стороны своих родителей))), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, безусловно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере административного права, семейного права при условии ее доработки: раскрытии методологии исследования, дополнительном обосновании актуальности его темы, устранении нарушений в оформлении работы.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «К вопросу о необходимости применения бэби-боксов в России и иных странах».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам применения бэби-боксов в России и иных странах. Автором рассматриваются юридические, а также социальные причины использования бэби-боксов, а также выявляются сходства и различия в регулировании данного рода отношений в разных странах. В качестве предмета исследования выступили положения российского законодательства, нормы права зарубежных стран, мнения ученых.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье не заявлена. При этом она может быть ясно понята из названия и содержания работы. Цель может быть обозначена в качестве рассмотрения и разрешения отдельных проблемных аспектов вопроса о необходимости применения бэби-боксов в России и иных странах. Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования.

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике.

Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся формально-юридический метод, который позволил провести анализ и осуществить толкование норм действующего законодательства (прежде всего, норм Конституции РФ РФ). Например, следующий вывод автора: «В свою очередь, согласно ст. 2 Конституции РФ права человека и гражданина (в том числе и ребенка) признаются высшей ценностью на территории российского государства, а их соблюдение и защита является главной обязанностью последнего. В ч.1 ст. 20 Конституции РФ право на жизнь признается в качестве неотъемлемого и неотчуждаемого личного права каждого человека, в том числе и ребенка, а в ч. 1 ст. 38 Конституции РФ провозглашена обязанность государства по защите материнства и детства, и потому Россия обязана обеспечивать максимально возможную степень выживания детей на ее территории за счет введения различных социально-экономических мер».

Следует отметить активное использование автором статьи сравнительно-правового метода исследования, что необходимо в контексте цели исследования. В частности, следует отметить следующий авторский вывод: «Те государства, которые являются участниками названных выше международно-правовых актов, приняли на себя обязательства по приведению своего действующего национального законодательства в соответствие с международно-правовыми принципами и предписаниями в сфере защиты прав и интересов детей, в том числе и в части обеспечения и охраны их права на жизнь и здоровье. В этой связи в Конституциях ряда зарубежных стран, на территории которых в текущий момент распространена практика использования таких конструкций как бэби-бокс, было провозглашено право каждого человека, включая в том числе и каждого ребенка, на жизнь в качестве наивысшей ценности государства. В частности, например, в положениях поправок IV и V Конституции США 1787 г. (с учетом поправок, внесенных Биллем о правах 1789 г.) закреплено право каждого человека на охрану личности и охрану жизни при различных обстоятельствах, в том числе и при реализации государством в отношении него уголовного преследования. В ч. 1 ст. 6 Конституции Чешской Республики 1992 г. также закреплено право каждого человека, в том числе и каждого ребенка, на жизнь. При этом подчеркивается, что человеческая жизнь заслуживает охраны со стороны государства еще до рождения самого человека. А в ч. 1 ст. 32 Конституции Чешской Республики дополнительно указывается, что дети подлежат особой охране и защите со стороны государства. Аналогичные положения о праве на жизнь человека, а также об особо усиленной охране детей закреплены в ч. 1 ст. 15, ч. 1 ст. 41 Конституции Словацкой Республики 1992 г. В соответствии со ст. 93 Конституции Латвийской Республики 1922 г. право на жизнь человека, в том числе и ребенка, защищается законом».

Таким образом, выбранная автором методология адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности. При этом методология и ее отражение в тексте статьи должны быть уточнены.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема применения бэби-боксов в России и иных странах сложна и неоднозначна. В этой теме переплетаются этические, социальные, юридические моменты. Сложно спорить с автором в том, что «Функционирование бэби-боксов широко используется на сегодняшний день на территории ряда зарубежных стран (в частности, в Австрии, Бельгии, Германии, Италии, США, Швейцарии, Чехии, Японии, Польше), а также на территории отдельных регионов России (в частности, в Пермском крае, Московской области, Владимирской области, Краснодарском крае, Курской области, Ленинградской области, Псковской области, Камчатского края, Калининградской области, Свердловской области). Проблема отсутствия правового регулирования практики использования бэби-боксов в России и в зарубежных странах неоднократно становилась самостоятельным объектом научного осмысления ряда отечественных правоведов. Об этом, в частности, свидетельствуют собой научные статьи следующих авторов: Н.В. Вараксина (2020), И.С. Данилова (2023), Е.М. Карелина (2017), М.А. Кондрашова (2016), А.В. Ролдугин (2017), а также некоторых других, однако следует отметить отсутствие на сегодняшний день диссертаций на соискание степени кандидата либо доктора юридических наук, посвященных разработке выбранной темы исследования, что свидетельствует о низкой степени ее научной разработанности в доктрине и подчеркивает ее актуальность».

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать.

Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод:

«- потребность в сокращении числа убийств матерями своих новорожденных детей, оставления их в опасности, в связи с возникновением реактивной послеродовой депрессии у матерей или в силу иных тяжелых жизненных обстоятельств, препятствующих им осуществлять свои родительские права и самостоятельно воспитывать и содержать детей (так, статистические данные как прошлых лет (до момента внедрения практики использования бэби-боксов), так и предыдущего года, свидетельствуют собой о значительном числе случаев совершения убийств новорожденных детей их матерями, как в России, так и на территории ряда зарубежных стран (при этом, после внедрения практики использования бэби-боксов в России, количество таких убийств новорожденных детей сократилось почти в пять раз: с 108 в 2011 году до 27 в 2022 году)».

Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Во-вторых, автором предложены идеи по совершенствованию действующего законодательства, что может быть использовано в правотворческой деятельности. В частности, отметим следующий авторский вывод: «необходимость исполнения взятых международно-правовых обязательств со стороны государств мира, являющихся членами (участниками) ряда соглашений, в частности, Всеобщей Декларации прав человека 1948 г., Декларации о защите прав ребенка 1959 г., Конвенции о правах ребенка 1989 г., по охране права ребенка на жизнь и обеспечению условий для максимальной выживаемости детей».

Таким образом, материалы статьи могут иметь определенных интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Юридические исследования», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с вопросами применения бэби-боксов.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, достиг цели исследования.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено.

Библиография.

Следует высоко оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России (Вараксина Н.В., Елина Е.А., Ковалевский В.И., Устинова Н.В. и другие).

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Автор провел серьезный анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. То есть автор показывает разные точки зрения на проблему и пытается аргументировать более правильную по его мнению.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к вопросам развития законодательства в сфере регулирования отношений по поводу бэби-боксов.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую опубликовать»

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Эрте Д.А. Специфика субъектов преступлений с административной преюдицией в сфере безопасности дорожного движения // Юридические исследования. 2024. № 3. DOI: 10.25136/2409-7136.2024.3.69995 EDN: HJSKNK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69995

Специфика субъектов преступлений с административной преюдицией в сфере безопасности дорожного движения

Эрте Дарья Андреевна

ORCID: 0009-0008-7369-5452

адъюнкт, кафедра уголовного права, Санкт-Петербургский университет МВД России

198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, 1

✉ ertedaria@yandex.ru

[Статья из рубрики "Уголовный закон и правопорядок "](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2024.3.69995

EDN:

HJSKNK

Дата направления статьи в редакцию:

28-02-2024

Аннотация: Предметом настоящего исследования являются специфические особенности субъектов преступлений против безопасности дорожного движения, составы которых сконструированы с использованием административной преюдиции. Особый статус лиц, совершающих преступления такого рода характеризуется многократностью совершенных административных деликтов в период административной наказанности и личностными качествами нарушителя, выраженными грубым игнорированием установленных законом правил, пренебрежением к действующим в отношении них предписаниям. Данные деяния предполагают наступление уголовно-правовых последствий только в том случае, если лицо, их совершившее, обладает названными специфическими чертами. Акцент в данном случае делается на повышенной опасности самих субъектов совершения умышленных нарушений правил дорожного движения, относя их к злостному типу нарушителей, обладающих правовым нигилизмом. Влияние на изменение личностных качеств злостных нарушителей призваны оказать социальные структуры. Для определения понятий настоящего исследования применялась диалектическая методология; в целях многоаспектного понимания ключевых особенностей субъектов

преступлений с административной преюдицией в сфере безопасности дорожного движения, использовались элементы социологической методологии. При исследовании отдельных вопросов применялись частно-научные методы, такие как формально-юридический и сравнительно-правовой. Результаты проведенного исследования представлены классификацией признаков, которыми обладают субъекты преступлений с административной преюдицией в сфере безопасности дорожного движения, дана их характеристика. Обосновывается связь административной преюдиции и субъекта, как элемента состава преступления, которая, прежде всего, аргументируется оценкой общественной опасности преступника и избранием меры пресечения соразмерной социальной опасности нарушителя. Важную роль в оценке общественной опасности играет определение психологического портрета лица, совершившего преступление, который охватывает хронологию его административных правонарушений и многократность нарушения одного и того же предписания. Исходя из полученных данных о субъекте преступления реализуются принципы пропорциональности наказания и личной ответственности. В данном случае названные принципы подразумевают влияние административной преюдиции на справедливое распределение санкций, а предшествующие административные проступки усугубляют ответственность лица.

Ключевые слова:

уголовное законодательство, преступление, состав преступления, субъект преступления, водитель, управление транспортным средством, безопасность дорожного движения, общественная опасность, административная преюдиция, судимость

В настоящее время уголовная политика в Российской Федерации имеет тенденцию, связанную с последовательным закреплением в уголовном законодательстве большого числа уголовно-правовых норм, имеющих в своей конструкции административную преюдицию. Составы преступлений в сфере безопасности дорожного движения не стали исключением и, на наш взгляд, наиболее ярко отражают указанный вектор современной уголовной политики.

Необходимость уголовно-правовой оценки ряда повторных злостных нарушений правил дорожного движения Российской Федерации (далее – ПДД РФ) обусловлена различиями в их вредоносности и тяжести последствий, которые предполагаемо могут наступить в результате их совершения. Такие противоправные деяния на официальном уровне признаются нарушениями с повышенным социальным риском. К ним прежде всего относятся: управление транспортным средством в состоянии опьянения; управление транспортным средством лицом, лишенным такого права; многократное превышение установленной скорости; выезд на полосу, предназначенную для встречного движения. Реакция законодателя на признание таких правонарушений преступлениями, в случае неоднократного повторного совершения аналогичных деяний, является закономерной и вполне обоснованной, поскольку они становятся причиной высокой смертности на дорогах.

Несмотря на очевидность криминализации, рассматриваемых преступлений, в научном сообществе по этому поводу до сих пор существуют противоположные точки зрения.

Среди ученых встречаются противники возвращения административной преюдиции, позиция которых характеризуется фразой «шаг назад в прошлое» [\[1\]](#). А также авторы, поддерживающие разрастание административной преюдиции в уголовно-правовых

нормах. Нужно сказать, что по прошествии многих лет административная преюдиция прочно укоренилась в уголовном праве, поэтому подобные дискуссии теряют свою актуальность и перерастают в ее осмысление в качестве особой черты некоторых уголовно-правовых норм и поиске единых способов ее закрепления и толкования [\[2\]](#).

В теории уголовного права изучением проблемы административной преюдиции занимались многие авторы, такие как А.В. Богданов, И.О. Грунтов, Л.Л. Кругликов, Ч.Ф. Мустафаев, О.С. Одобоев, О.Е. Спиридонова, З. Э. Эргашева и др. Вопросы специального субъекта в уголовном праве получили разработку в трудах Г.Н. Борзенкова, П.С. Дагеля, Р.О. Орымбаева, С.А. Семнова, Ю.В. Тарасовой и др.

Некоторые проблемы уголовной ответственности за нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость были рассмотрены в работах А.В. Богданова, М.В. Баранчиковой, К.Р. Колесника, Н.А. Морозовой, А.И. Чучаева и др.

Тем не менее особенности субъектов преступлений с административной преюдицией в сфере безопасности дорожного движения еще не получили теоретическую разработку, что является упущением, поскольку исследование данного направления перспективное и представляет собой как научный, так и практический интерес.

Другой дискуссионный вопрос, связанный с административной преюдицией, касается ее места в конструкции состава преступления. Так, по мнению И.О. Грунтова «объективная сторона состава преступления с административной преюдицией состоит из ряда тождественных правонарушений» [\[3\]](#), что указывает на соотношение автором административной преюдиции и объективной стороны состава преступления. Названной позиции придерживаются и другие советские ученые, например, А.М. Яковлев, полагающий, что «если в диспозиции статьи предусмотрена административная преюдиция, то мы сталкиваемся со своеобразной формой повторности, когда преступление складывается из ряда однородных менее опасных деяний» [\[4\]](#) и В.П. Малков, утверждающий, «что здесь имеется сложное (составное) преступление, которое состоит из совокупности административно наказуемых деяний» [\[5\]](#).

Действительно такой подход логичен, однако, едва ли может быть совершенным, поскольку единый умысел на совершение первого и следующих деяний в течение года быть не может. Кроме того, соотношение административной преюдиции и объективной стороны преступления противоречит принципу «никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление».

По нашему мнению, административная преюдиция, в большей степени, соотносится с субъектом преступления, в составах преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 264.1, ч. 1 и ч. 2 ст. 264.2 и ч. 1 ст. 264.3 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

Административная преюдиция оказывает влияние на специфику субъекта, придавая ему признаки специального субъекта. Специальным субъектом в науке уголовного права принято считать субъекта, в случаях, «если он обладает одним либо несколькими дополнительными признаками на момент совершения преступления, которые определяют возможность его привлечения к уголовной ответственности по конкретной статье УК РФ» [\[6\]](#).

Специфической особенностью субъекта преступлений с административной преюдицией в

сфере дорожного движения является *неоднократность правонарушений*, а именно совершение виновным второго или третьего деяния, в зависимости от правовой ситуации, с признаками административного правонарушения, при этом имея статус административной наказанности. Административная наказанность представляет собой негативные последствия для нарушителя в виде дополнительных ограничений или обязанностей, которые наступают после его привлечения к административной ответственности и действуют до окончания исполнения наказания ^[7]. Трудно не согласиться с А.В. Богдановым, что «правовые последствия административного наказания имеют приоритет в части криминализации следующего за ним деяния с признаками административного проступка, поскольку появляется юридическая характеристика злостности» ^[8]. Получается, что неоднократность определенных административных деликтов в сфере безопасности дорожного движения усиливает степень общественной опасности действий субъекта, характеризует его как злостного нарушителя, тем самым переводит его в разряд уголовных преступников.

Рассмотрим специфический признак неоднократности более детально. Умышленное игнорирование водителями, установленных правил, выраженное в их неоднократном нарушении может приобретать конструктивное, квалификационное значение, быть отягчающим обстоятельством в статьях 264.1–264.3 УК РФ. При этом существуют различия в основаниях такого наказания.

Анализируя ст. 264.1 УК РФ стоит отметить, что субъект преступления ранее подвергался административному наказанию за аналогичные действия: управление транспортным средством в состоянии опьянения (ч. 1 ст. 12.8 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее - КоАП РФ)) или за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения (ч. 1 ст. 12.26 КоАП РФ), либо имел судимость за совершение преступления, предусмотренного частями 2, 4, 6 ст. 264, либо ст. 264.1 УК РФ.

Субъектом преступления, предусмотренного статьей 264.2 УК РФ, признается лицо, ранее подвергнутое административному наказанию по ч. 7 ст. 12.9 или ч. 5 ст. 12.15 КоАП РФ в виде лишения права управления транспортным средством. То есть, для привлечения лица к уголовной ответственности по ст. 264.2 УК РФ необходимо установить, что он совершил действия в виде превышения разрешенной скорости дорожного движения более, чем на 60 км/ч или выезд на полосу, предназначенную для встречного движения.

Стоит отметить, что указанные нарушения могут комбинироваться в любой вариации, к примеру, превышение скорости будет уголовно наказуемо в том числе для лица, лишённого водительских прав за выезд на встречную полосу и наоборот. Статья криминализует третье по счету грубое нарушение правил дорожного движения, поскольку вторичные существенные превышения скорости или выезд на встречную полосу все ещё образуют административное правонарушение (ч. 7 ст. 12.9, ч. 5 ст. 12.15 КоАП РФ).

Ранее говорилось о том, что для образования состава преступления в сфере безопасности дорожного движения требуется, чтобы неоднократность административных правонарушений была совершена в период административной наказанности. Согласно ст. 4.6 КоАП РФ лицо признается подвергнутым административному наказанию со дня вступления в законную силу постановления о назначении ему административного наказания за совершение административного правонарушения до истечения одного года

со дня окончания исполнения данного постановления ^[9]. В этой связи, выделим еще одну особенность субъекта преступлений с административной преюдицией в сфере дорожного движения - *срок неоднократности совершения административных происшествий*.

Исчисление срока иллюстрируется примером:

1 августа 2023 года сотрудниками государственной автомобильной инспекции на правонарушение гражданина А. был составлен административный протокол о превышении установленного скоростного режима на 81 км/ч, в суде дело было рассмотрено 10 августа и квалифицировано по ч. 7 ст. 12.9 КоАП РФ, как повторное превышение установленной скорости движения транспортного средства на величину более 80 километров в час, 11 августа гражданин А. получил копию постановления и решил обжаловать в течение установленных 10 суток. Он подал жалобу 20 августа, суд апелляционной инстанции рассмотрел ее до 30 августа и оставил первое решение в силе. В соответствии с п. 1 ст. 209 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации решение суда вступило в законную силу с 30 сентября 2023 года. Получается, что, если гражданин А. допустит повторное нарушение до 30 сентября 2024 года, его действия будут квалифицироваться по ч.1 ст. 264.2 УК РФ.

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 264.3 УК РФ признается лицо, управляющее транспортным средством в статусе административной наказанности. То есть лицо, которое ранее было лишено права управления транспортными средствами и подвергнуто административному наказанию по ч. 4 ст. 12.7 КоАП РФ. При этом необходимым условием является незаконное управление транспортным средством именно в третий раз, где два предыдущих аналогичных факта уже влекли административную ответственность.

На основе базовой диалектической методологии исследования заключим понятие субъекта преступлений с административной преюдицией в сфере безопасности дорожного движения – это вменяемое физическое лицо, достигшее ко времени совершения преступления возраста, установленного УК РФ, подвергнутое административному наказанию единожды по ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ, ч. 1 ст. 12.26 КоАП РФ, ч. 7 ст. 12.9 или ч. 5 ст. 12.15 КоАП РФ и дважды по ч. 7 ст. 12.9, ч. 5 ст. 12.15 КоАП РФ в течение установленного срока (1 год со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания).

Представляется, что анализируемые в настоящем исследовании составы преступлений, составляют кардинально новую систему уголовно-правовых норм в сфере безопасности дорожного движения, включая в себя не только административную преюдицию, но и уголовную. Данный тезис требует дальнейшей научной оценки и разработки.

Личностная характеристика преступника также оказывает влияние на специфику субъекта.

В криминологической науке ^[10], субъектам преступлений с административной преюдицией в сфере безопасности дорожного движения присущи такие черты как правовой нигилизм; переоценка своих водительских качеств; отсутствие страха перед административным наказанием; рискованное вождение, отсутствие понимания важности правил дорожного движения; снисходительное отношение к алкогольному и наркотическому опьянению и самонадеянность в отношении вождения в измененном состоянии.

К сожалению, статистика совершенных преступлений с административной преюдицией в сфере безопасности дорожного движения указывает на то, что принудительных мер в борьбе с данными происшествиями недостаточно. Злостных нарушителей правил дорожного движения, обладающих повышенным социальным риском, не останавливает ни статус административной наказанности, ни наказание в виде лишения права управления транспортными средствами, ни наличие судимости. К решению необходим комплексный подход, который не будет ограничиваться уголовно-правовыми последствиями, а устранил первопричины преступного поведения.

Использование в настоящем исследовании социологической методологии не случайно, ее применение в общем смысле позволяет уголовное право рассматривать без отрыва от общества. А в частности, на основе элементов социологической методологии исследуется связь субъекта преступления с административной преюдицией в сфере безопасности дорожного движения и общественных институтов, для разработки методов предупреждения, пресечения и минимизации рассматриваемых преступлений.

Общественность играет не последнюю роль во влиянии на рассматриваемых субъектов преступлений, поскольку лица, организации, не имеющие отношение к власти, могут вызывать у них большее доверие и иметь для них авторитет.

Превентивной мерой для предупреждения рассматриваемых преступлений может стать разработка новых, более строгих методик для получения лицами водительских удостоверений, а именно с привлечением общественных структур, в качестве наблюдателей при сдаче экзаменов. В процессе самого обучения необходимо заострение внимания на мерах административной и уголовной ответственности за нарушение правил дорожного движения, демонстрация фотографий дорожно-транспортных происшествий и другое воздействие на эмоционально-волевую сферу личности.

Таким образом, представим следующие выводы:

1. Субъектом преступлений с административной преюдицией в сфере безопасности дорожного движения является вменяемое физическое лицо, достигшее ко времени совершения преступления возраста, установленного УК РФ, подвергнутое административному наказанию единожды по ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ, ч. 1 ст. 12.26 КоАП РФ, ч. 7 ст. 12.9 или ч. 5 ст. 12.15 КоАП РФ и дважды по ч. 7 ст. 12.9, ч. 5 ст. 12.15 КоАП РФ в течение установленного срока (1 год со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания).
2. Административная преюдиция соотносится с субъектом преступления и оказывает влияние на его специфику, придавая ему признаки специального субъекта. Специфика субъекта преступлений с административной преюдицией в сфере безопасности дорожного движения представлена неоднократностью административных правонарушений, сроком в период, которого совершены эти правонарушения и личностной характеристикой злостного нарушителя.
3. Привлечение общественности в качестве наблюдателей за экзаменационными процессами получения водительских удостоверений, кураторов будущих водителей и работу со злостными нарушителями может оказать благотворное влияние на изменение негативных личностных характеристик в сфере безопасности дорожного движения.

Библиография

1. Коробеев А.И. Криминализация управлением транспортным средством в состоянии опьянения: назад в будущее // Современные проблемы уголовной политики: материалы VI международной научно-практической конференции. Краснодар, 2015. Том 1. С. 51-52.
2. Лактюхин А. О. Сущность административной преюдиции как правового явления // Актуальные проблемы российского права. 2023. №11 (156). С.135-145.
3. Грунтов И.О. Уголовно-правовые нормы с административной преюдицией: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 1985. С. 12.
4. Яковлев А.Н. Борьба с рецидивной преступностью. М., 1964. С. 32.
5. Малков В.П. Совокупность преступлений (вопросы квалификации и назначения наказания). Казань, 1974. С. 123.
6. Галахов А. В. Вопросы квалификации преступлений и его толкование в судебной практике // Российская юстиция. 2008. № 2. С. 38-42.
7. Морозова Н. А. Состояние административной наказанности // Lex russica. 2021. Т. 74, № 9. С. 44-53.
8. Богданов А. В. Особенности субъекта преступлений, содержащих административную преюдицию, в действующем уголовном законе России // Человек: преступление и наказание. 2018. №4. С. 484.
9. Чучаев А. И. Формирование норм об обеспечении условий безопасности автотранспорта // Уголовное право. 2022. № 11. С. 58-66.
10. Кравцов А.Ю. Криминологическая характеристика и предупреждение дорожно-транспортной преступности в условиях крупного города: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С.8.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, специфика субъектов преступлений с административной преюдицией в сфере безопасности дорожного движения. Заявленные границы исследования соблюдены автором.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования не подлежит сомнению и обосновывается им следующим образом: "В настоящее время, уголовная политика в Российской Федерации имеет тенденцию, связанную с последовательным закреплением в уголовном законодательстве большого числа уголовно-правовых норм, сконструированных с использованием административной преюдиции. Преступления в сфере безопасности дорожного движения не стали исключением и, на наш взгляд, наиболее ярко отражают указанный вектор современной уголовной политики. Необходимость уголовно-правовой оценки ряда повторных грубых нарушений правил дорожного движения Российской Федерации (далее – ПДД РФ) обусловлена различиями в их вредоносности и тяжести последствий, которые предполагаемо могут наступить в результате их совершения. Такие противоправные деяния на официальном уровне признаются нарушениями правил дорожного движения, обладающих повышенным социальным риском"; "Рассмотрение ключевых особенностей субъектов преступлений с административной преюдицией в сфере безопасности дорожного движения, на наш

взгляд, представляет собой как научный, так и практический интерес". Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в некоторых заключениях автора: "Рассмотренные нами статьи, наряду со ст. 264.1 УК РФ составляют кардинально новую систему уголовно-правовых норм в сфере безопасности дорожного движения, включая в себя не только административную преюдицию, но и уголовную. Наличие у лица непогашенной судимости за совершение преступлений, предусмотренных данными нормами, является условием криминализации противоправных деяний, содержащих признаки идентичного или однородного административного правонарушения"; "Анализируя судебную практику, стоит отметить, что нередко административная наказанность и наличие судимости у лица, допускающего повторное нарушение ПДД РФ, обладающих повышенным социальным риском, сопутствуют друг другу, подчеркивая особо опасный статус субъекта таких преступлений". Однако в целом статья носит поверхностный, описательный характер, представляя собой компиляцию ряда использованных при ее написании источников. Автор не предлагает оригинальных дефиниций ключевых понятий работы, не дает рекомендаций по совершенствованию действующего уголовного законодательства и т.п. Таким образом, в представленном на рецензирование виде статья не вносит особого вклада в развитие отечественной правовой науки. Положения исследования нуждаются в углублении.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы вполне логична. Во вводной части статьи автор обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы ученый исследует специфику субъектов преступлений с административной преюдицией в сфере безопасности дорожного движения. В заключительной части статьи содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи полностью соответствует ее наименованию, но не лишено некоторых недостатков.

Так, автор пишет: "В настоящее время, уголовная политика в Российской Федерации имеет тенденцию, связанную с последовательным закреплением в уголовном законодательстве большого числа уголовно-правовых норм, сконструированных с использованием административной преюдиции" - первая запятая является лишней.

Ученый отмечает: "Такие противоправные деяния на официальном уровне признаются нарушениями правил дорожного движения, обладающих повышенным социальным риском" - "обладающими".

Автор указывает: "К ним, прежде всего, относятся: управление транспортным средством в состоянии опьянения, управление транспортным средством лицом, лишенным такого права, многократное превышение установленной скорости, выезд на полосу, предназначенную для встречного движения" - первые две запятые являются лишними.

Таким образом, статья нуждается в тщательном вычитывании - в ней встречаются пунктуационные и стилистические ошибки (приведенный в рецензии перечень ошибок не является исчерпывающим!).

Ученый пишет: "По данным информационно-аналитического обзора Научного центра безопасности дорожного движения МВД России, на протяжении последних трёх лет, наибольшее число погибших зарегистрировано в дорожно-транспортных происшествиях (далее – ДТП), произошедших по вине водителей транспортных средств, связанных с выездом на полосу, предназначенную для встречного движения, а также из-за несоответствия скорости конкретным условиям движения. Так, за отчетный период 2022 года вследствие выезда на полосу встречного движения погибло 3 511 человек (24,8%

от их общего числа), из-за несоответствия скорости конкретным условиям движения погибло 3 385 человек (23,9%)" - отсутствует ссылка на источник информации.

Автор отмечает: "Анализируя судебную практику, стоит отметить, что нередко административная наказанность и наличие судимости у лица, допускающего повторное нарушение ПДД РФ, обладающих повышенным социальным риском, сопутствуют друг другу, подчеркивая особо опасный статус субъекта таких преступлений" - необходимо указать, сколько материалов уголовных дел было изучено ученым.

Библиография исследования представлена 6 источниками (диссертационной работой, монографией, научными статьями). С формальной и фактической точек зрения этого недостаточно - автору не удалось раскрыть тему исследования с необходимой глубиной и полнотой. В основном статья состоит из общеизвестных положений.

Апелляция к оппонентам отсутствует, что недопустимо для научной статьи. Автор ссылается на некоторые теоретические источники исключительно в подтверждение своих суждений либо для иллюстрирования отдельных положений работы.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Таким образом, решение законодателя о дополнении гл. 27 УК РФ «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта» новыми составами преступлений, сконструированных с использованием административной преюдиции направлено на снижение числа лиц, допускающих повторные нарушения правил дорожного движения, обладающих повышенным социальным риском. Такой риск существенно повышается, когда лицо, в состоянии административной наказанности и будучи лишенное права управления транспортными средствами допускает совершение аналогичных нарушений, для которых чаще всего характерно наступление тяжелых последствий. Как свидетельствует официальная статистика и судебно-следственная практика, злостных нарушителей правил дорожного движения, обладающих повышенным социальным риском, не останавливает ни статус административной наказанности, ни наказание в виде лишения права управления транспортными средствами, ни наличие судимости, что безусловно является угрозой для безопасности дорожного движения. Последние изменения уголовного законодательства в данной сфере направлены на снижение числа лиц, допускающих повторные грубые нарушения правил дорожного движения, путем воздействия на них уголовно-правовыми средствами"), обладают свойствами достоверности, обоснованности, но не характеризуются научной новизной. Кроме того, сам ученый отмечает, что "... злостных нарушителей правил дорожного движения, обладающих повышенным социальным риском, не останавливает ни статус административной наказанности, ни наказание в виде лишения права управления транспортными средствами, ни наличие судимости", однако не предлагает каких-либо мер по исправлению ситуации.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере уголовного права и криминологии при условии ее существенной доработки: раскрытии методологии исследования, дополнительном обосновании актуальности его темы, введении дополнительных элементов научной новизны и дискуссионности, уточнении отдельных положений работы и выводов по результатам проведенного исследования, устранении нарушений в оформлении статьи.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. В рецензируемой статье «Специфика субъектов преступлений с административной преюдицией в сфере безопасности дорожного движения» предметом исследования является уголовно-правовая политика в Российской Федерации, а также уголовно-правовые нормы, имеющие в своей конструкции административную преюдицию.

Методология исследования. При написании статьи использовались такие методы как: логический, теоретико-прогностический, формально-юридический, системно-структурный и правового моделирования. Методологический аппарат составили следующие диалектические приемы и способы научного познания: анализ, абстрагирование, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия, синтез, типология, классификация, систематизация и обобщение. Применение современных методов научного познания позволило автору аргументировать собственную позицию по заявленной им проблематике.

Актуальность исследования. Актуальность темы исследования не вызывает сомнения. Автор рецензируемой статьи верно указывает, что «...особенности субъектов преступлений с административной преюдицией в сфере безопасности дорожного движения еще не получили теоретическую разработку, что является упущением, поскольку исследование данного направления перспективное и представляет собой как научный, так и практический интерес». Действительно противоречивость норм права, закрепленных в разных источниках (нормативных правовых актах), и отсутствие единообразной судебной практики определяет необходимость доктринальных разработок по проблемам специфики субъектного состава преступлений с административной преюдицией в сфере безопасности дорожного движения.

Научная новизна. Не подвергая сомнению важность проведенных ранее научных исследований, послуживших теоретической базой для данной работы, тем не менее, можно отметить, что в этой статье тоже сформулированы некоторые заслуживающие внимания положения (например, вывод автора о том «...Субъектом преступлений с административной преюдицией в сфере безопасности дорожного движения является вменяемое физическое лицо, достигшее ко времени совершения преступления возраста, установленного УК РФ, подвергнутое административному наказанию единожды по ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ, ч. 1 ст. 12.26 КоАП РФ, ч. 7 ст. 12.9 или ч. 5 ст. 12.15 КоАП РФ и дважды по ч. 7 ст. 12.9, ч. 5 ст. 12.15 КоАП РФ в течение установленного срока (1 год со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания)»). В статье есть и другие положения, которые можно расценивать как вклад в отечественную юридическую науку.

Стиль, структура, содержание. В целом статья написана научным стилем с использованием специальной юридической терминологии (хотя не всегда корректно, например, «наказанность», ведь это термин не является общепризнанным и его понятие небесспорно в юриспруденции).

Содержание статьи соответствует ее названию. Материал изложен последовательно и ясно. Соблюдены требования по объему (более 12 тыс. печатных знаков). Статья структурирована, логически, хотя формально не разделена на части.

В качестве замечаний также можно отметить:

1. Введение соответствует не всем требованиям, предъявляемым к этой части научной статьи;
2. В статье отсутствуют ссылки на труды, авторы которых упоминаются в статье («В теории уголовного права изучением проблемы административной преюдиции занимались многие авторы, такие как А.В. Богданов, И.О. Грунтов, Л.Л. Кругликов, Ч.Ф. Мустафаев, О.С. Одоев, О.Е. Спиридонова, З. Э. Эргашева и др. Вопросы специального субъекта в уголовном праве получили разработку в трудах Г.Н. Борзенкова, П.С. Дагеля, Р.О.

Орымбаева, С.А. Семнова, Ю.В. Тарасовой и др. Некоторые проблемы уголовной ответственности за нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость были рассмотрены в работах А.В. Богданова, М.В. Баранчиковой, К.Р. Колесника, Н.А. Морозовой, А.И. Чучаева и др.). Не совсем правильно ограничиваться простым перечислением ФИО ученых, следовало бы проанализировать их мнения в рамках заявленной автором проблематики;

3. Встречаются в тексте опечатки слов (например, «правонарушения»), использование просторечных слов (например, «предполагаемо» вместо «предположительно») и нарушения правил русского языка о расстановке знаков препинания в предложениях (например, «К ним прежде всего относятся: ...» и др.).

Замечания носят рекомендательный характер и не умаляют проделанной автором работы.

Библиография. Автором использовано достаточное количество доктринальных источников, представлены ссылки на публикации последних лет. Все источники оформлены с соблюдением библиографического ГОСТа.

Апелляция к оппонентам. Автором приводятся разные точки по отдельным аспектам заявленной им тематики. Все обращения к оппонентам корректные.

Выводы, интерес читательской аудитории. Представленная на рецензирование статья «Специфика субъектов преступлений с административной преюдицией в сфере безопасности дорожного движения» может быть рекомендована к опубликованию, поскольку отвечает требованиям, предъявляемым к научным статьям журнала «Юридические исследования», и соответствует его редакционной политике. Статья посвящена актуальной теме, имеет практическую значимость, отличается научной новизной. Публикация по данной теме может представлять интерес для широкой читательской аудитории, прежде всего, специалистов в области административного права и уголовного права, а также, может быть полезна для преподавателей и обучающихся юридических вузов и факультетов.

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Ильин И.Ю. Корысть как квалифицирующий признак преступлений в сфере предпринимательской деятельности // Юридические исследования. 2024. № 3. DOI: 10.25136/2409-7136.2024.3.69721 EDN: DFVUUJ
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69721

Корысть как квалифицирующий признак преступлений в сфере предпринимательской деятельности

Ильин Иван Юрьевич

аспирант, кафедра "Уголовное право, уголовный процесс и правоохранительная деятельность",
Российский университет транспорта (МИИТ)

127994, Россия, г. Москва, ул. Образцова, 9с9

✉ ilin.iu00@gmail.com

[Статья из рубрики "Уголовный закон и правопорядок "](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2024.3.69721

EDN:

DFVUUJ

Дата направления статьи в редакцию:

31-01-2024

Аннотация: Предпринимательство во всеобщем сознании можно представить как наиболее древний и естественный для человечества институт общества. Законодательное регулирование настолько значимого социального института было лишь вопросом времени. Стремительно меняющиеся исторические условия коренным образом меняли и общество и государство; законодательство, как надстройка, претерпевало модернизацию соответственно изменяющимся реалиям, что приводило к образованию некоторых юридических рудиментов, перекочевывающих из более ранних норм права. В данной статье рассматриваются уголовно-правовые нормы российского права, устанавливающие ответственность за совершение преступлений в сфере предпринимательской деятельности, основной или квалифицированный состав которых включает такой признак субъективной стороны, как «корыстная заинтересованность». В контексте настоящего исследования корыстная заинтересованность анализируется как один из главных криминообразующих факторов некоторых статей Уголовного кодекса, тогда как в других нормах права рассматриваемый признак лишь заочно подразумевается при квалификации совершенных противоправных деяний. Автором

применялись как теоретические, так и эмпирические методы познания при рассмотрении существующих уголовно-правовых норм, и их практического использования в современных реалиях. Актуальность вопроса защиты института предпринимательства в Российской Федерации, по нашему мнению, не вызывает сомнений, а недостаточный уровень исследованности темы определяет, некоторым образом, и новизну данной работы. По итогам произведенного анализа автор приходит к собственному выводу, что следует поставить под сомнение уместность присутствия вышеуказанного признака в уголовном законе в том виде, в котором он существует на данный момент. Автор приводит аргументы и доказательства оснований для сомнений в общепринятой точке зрения исходя из самой природы предпринимательской деятельности и ее корреляции с корыстью. На основании собранных данных, изложенных в настоящей статье, автором выявлены и вынесены на обсуждение вероятные недостатки действующего уголовного закона, выражающиеся в присутствии обозначенного признака субъективной стороны составов преступлений, закрепленных во многих статьях уголовного кодекса. Автор приглашает всех специалистов в области уголовного права принять участие в данной дискуссии.

Ключевые слова:

корысть, корыстная заинтересованность, корыстные преступления, корыстный мотив, корыстная цель, признак субъективной стороны, предпринимательство, предпринимательские преступления, разграничение преступлений, квалификация преступлений

Введение

Прошли многие тысячи лет с того момента, когда человечество научилось производить ресурсов больше, чем требуется для собственного пропитания и выживания. Полученные излишки пускались на совершенствование процессов добычи, в реализацию путем обмена или продажи и на постройку монументальных сооружений. Возникновение избыточного продукта естественным образом повлекло к формированию той прослойки общества, которая стала заниматься разными видами предпринимательства. Так или иначе, предпринимательство заняло важное место в жизни общества, что не могло быть обойдено вниманием государства.

В процессе осуществления разрешенной законом предпринимательской деятельности создаются рабочие места, производится прибавочный продукт, уплачиваются налоги и в итоге растет благосостояние всего населения. Исходя из этого, защита законной предпринимательской деятельности приобретает высокую значимость для государства. Поэтому государство начинает применять аппарат принуждения для защиты ценного для себя социально явления.

Д. А. Шестаков полагает, что: «экономическая преступность – это превращенная форма экономической (предпринимательской) деятельности, осуществляемой ее субъектами с целью достижения социально несправедливого обогащения за счет нарушения принципа эквивалентности обмена» [\[1, С. 227\]](#).

Преступления в сфере предпринимательской деятельности обладают в массе своей латентностью, характерной для ненасильственных преступлений. Данное обстоятельство становится фактором, привлекающим разного рода криминальные элементы, а отсутствие

насилия как обязательного признака составов данного рода преступлений квалифицируется как представляющие сравнительно меньшую общественную опасность в глазах общества, а следовательно, и влекущие меньшую тяжесть наказания.

Корысть предстаёт в Уголовном законе как такой специфический признак, не имеющий четкого определения законодателем, что и порождает не мало трудностей в процессе доказывания и правоприменения. С точки зрения обыденного сознания, корысть представляет из себя некую форму низменных побуждений, завладевающих человеком на жизненном пути. Не даром такое поведение отнесено к числу семи смертных грехов. Жадность, также известная как скупость, алчность, или корысть – это, как и похоть или обжорство, грех желания. Однако понятие жадность (с точки зрения Церкви) применяется к искусственному, хищническому желанию и погоне за материальными благами. В Чистилище Данте кающихся связывают и кладут на землю лицом вниз за чрезмерную сосредоточенность на земных мыслях. Накопление материалов или предметов, кража и грабёж, особенно с применением насилия, обмана или манипулирования властью, – все это действия, которые могут быть вызваны жадностью. Согласно определению, данному вне христианских писаний, жадность – это чрезмерное желание приобрести или обладать большим, чем потребно человеку, особенно в отношении материального богатства. Как и гордыня, жадность может привести не только к некоторым злым поступкам, но и ко всему злу.

В. И. Даль представляет корысть как «страсть к приобретению, жадность к деньгам и богатству, любостяжание, падкость на барыш, выгоду, пользу, наживу, добычу, захваченные богатства» [\[2, С. 784\]](#).

Однако, очевидно, что корысть является неотъемлемой частью предпринимательской деятельности, ведь сама суть предпринимательства это: «осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от владения имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг». Исходя из вышеуказанного определения, данного в статье 2 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), представляется невозможным осуществление предпринимательской деятельности без желания извлечь прибыль.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации в обзоре надзорной практики за 2001 год от 01.10.2001, указывает: «Понятие "корыстные побуждения" подразумевает совершение лицом конкретных действий с целью получения материальной выгоды». Так, предположение о неразрывной связи корысти и предпринимательства находит косвенное подтверждение в позиции высшего суда. Впрочем, эта догадка не нова, еще в 1905 г. знаменитый немецкий социолог и экономист Макс Вебер впервые со всей очевидностью изложил эту концепцию в своей книге «Протестантская этика и дух капитализма».

Позиция И. Г. Тютюнника по данному вопросу следующая: «поскольку корысть выражает собой стремление к незаконному обогащению, осуществляется за счет чужих интересов, постольку она всегда связана с нарушением имущественных отношений, права собственности других лиц. Однако для признания преступления совершенным из корысти не обязательно, чтобы имущество, за счет которого виновный стремится удовлетворить свои корыстные интересы, принадлежало потерпевшему. Важно, чтобы в основе совершения преступления лежало стремление получить какую-либо материальную выгоду или пользу» [\[3, С. 36–38\]](#).

Таким образом, «низменный» характер корысть приобретает в момент получения выгоды

или избавления от затрат субъектом предпринимательской деятельности за счет уменьшения имущественной сферы контрагента или нанесения вреда общим социально-экономическим отношениям.

В связи с этим, необходимость совершенствования законодательства в сфере защиты предпринимательской деятельности, как социально значимого направления человеческой деятельности, а также необходимость в избавлении закона от коллизий и несостыковок укладывается в обоснование актуальности темы настоящего исследования.

Целью настоящего исследования является рассмотрение теоретической стороны корысти как квалифицирующего признака в нормативно правовой основе преступлений в сфере предпринимательской деятельности, а также формирование нормативно обоснованных предложений к внесению изменений в действующие статьи уголовного закона в целях их совершенствования.

Методология данной статьи выразилась в диалектическом, логическом, историко-правовом, формально-юридическом, герменевтическом методах научного познания.

Тема настоящего исследования характеризуется недостаточным уровнем научной разработанности. Вклад в изучение различных аспектов корысти внесли такие правоведы, как А. В. Бриллиантов, А. В. Шеслер, Г. Р. Смолицкий, И. Г. Тютюнник, Д. А. Шестаков, А. А. Турышев, К. В. Вишневецкий.

Основная часть. Истоки возникновения корысти как признака субъективной стороны экономических преступлений в отечественном законодательстве.

Корыстная заинтересованность в различных ее интерпретациях, как квалифицирующий признак преступлений присутствует в обширной части статей Уголовного кодекса. Некоторые из них устанавливают ответственность за преступления в сфере предпринимательской деятельности.

«Под корыстной заинтересованностью понимается стремление получить для себя или других лиц выгоду имущественного характера, не связанную с незаконным безвозмездным обращением имущества в свою пользу или пользу других лиц (например, незаконное получение льгот, кредита, освобождение от каких-либо имущественных затрат, погашения долга, оплаты услуг и т. п.)» (Иногамова-Хегай Л. В., Кибальник А.Г., Кленова Т.В., Коробеев А.И., Лопашенко Н.А. Актуальные проблемы уголовного права. Часть особенная; М.: Проспект (Москва). 2021. С. 180.).

Схожее определение дает А. В. Бриллиантов: «Корыстная заинтересованность – это извлечение имущественной выгоды или избавление от материальных затрат для себя и своих близких» (Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. Под ред. Бриллиантова А.В. М.: "Проспект", 2015. Том 1.).

Впервые в отечественном законодательстве термины «низменные и корыстные побуждения» появились в Уголовном кодексе РСФСР 1922 года. Так, в п. «г» ст. 25 «низменные и корыстные побуждения» предстают в качествеотягчающего обстоятельства при определении общественной опасности совершенного деяния и применяется при дифференциации наказания судом. Также, вышеуказанный кодекс устанавливает ответственность за совершение противоправных деяний, руководствуясь корыстными побуждениями, которые косвенно относятся к преступлениям в сфере предпринимательской деятельности.

Например, в ст. 190 определена ответственность за «фальсификацию, т. е. обманное

изменение с корыстной целью вида или свойства предметов, предназначенных для сбыта или общественного употребления, а равно самый сбыт таких предметов».

В части преступлений связанных с нарушением патентных и авторских прав УК РСФСР 1922 года также устанавливает обязательный корыстный квалифицирующий признак. Так в ст. 198 «самовольное пользование в корыстных целях чужим изобретением или привилегией, зарегистрированными в установленном порядке» наказывается принудительными работами на срок до одного года или штрафом в тройном размере против извлеченной от самовольного пользования выгоды.

Статья 199 также подразумевает ответственность за нарушение патентных прав, а именно: «Самовольное пользование в целях недобросовестной конкуренции чужим товарным, фабричным или ремесленным знаком, рисунком, моделью, а равно и чужой фирмой или чужим наименованием», но уже не указывает на корысть как на обязательный квалифицирующий фактор, хотя под «недобросовестной конкуренцией» усматривается извлечение сверхприбыли по общему правилу осуществляющейся в корыстных целях.

Корысть как отягчающее обстоятельство было перенесено и в Уголовный кодекс РСФСР 1926 года. В нем оно также присутствует как фактор общественной опасности при определении меры «социальной защиты».

Уголовный кодекс РСФСР 1960 года воспринял корысть как отягчающий фактор и как отдельный квалифицирующий признак многих преступлений. За исключением преступлений в сфере предпринимательской деятельности, где законодатель не упомянул ни корыстные, ни низменные побуждения в уголовно-правовых нормах, вероятно полагая, что корысть нераздельно связана с предпринимательской деятельностью и служит основным побуждающим фактором к систематическому, на свой риск, извлечению прибыли путем продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг.

Следующим нормативно-правовым актом, закрепляющим уголовную ответственность в нашей стране, стал Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 года. УК РФ стал правопреемником советских Уголовных кодексов, включив в себя понятия «корыстная заинтересованность», «корыстные побуждения» и «корыстная цель». Сущность этих понятий можно обобщенно раскрыть как «внутреннее побуждение лица, направленное на извлечение имущественной выгоды для себя или близких лиц посредством совершения преступления».

Уголовно-правовая характеристика корысти как признака преступлений в сфере предпринимательской деятельности по законодательству Российской Федерации.

Корыстный мотив может выступать фактором, побуждающим к совершению большинства преступлений, но в отличие от действующих ранее Уголовных кодексов, сегодня «корыстный мотив» уже не находит себе место в исчерпывающем перечне отягчающих обстоятельств. Несмотря на это, он все же присутствует в Уголовном кодексе как в форме обязательного квалифицирующего признака одних преступлений, так и в форме признака квалифицированного или особо квалифицированного состава других преступлений.

Касательно преступлений в сфере предпринимательской деятельности корыстный мотив находит отражение в следующих уголовно-правовых нормах:

1. В форме обязательного квалифицирующего признака:

Статья 170 УК РФ;

Статья 181 УК РФ;

Статья 200.4 УК РФ;

2. В форме признака квалифицированного состава:

Пункт 3 статьи 183 УК РФ;

Пункт 3 статьи 299 УК РФ;

По смыслу статьи 170 УК РФ устанавливается уголовная ответственность за регистрацию незаконных сделок с недвижимым имуществом, умышленное искажение государственного кадастра недвижимости и (или) ЕГРН (Единого государственного реестра недвижимости) и сделок с ним, а равно занижение кадастровой стоимости объектов недвижимости, если эти деяния совершены из корыстной или иной личной заинтересованности должностным лицом с использованием своего служебного положения. Лицом, совершившим данное противоправное деяние, не является субъект предпринимательской деятельности. Но так как данное преступление может быть направлено против законно осуществляемой предпринимательской деятельности, оно было помещено законодателем в соответствующую главу Уголовного кодекса.

В данном случае корыстная заинтересованность была выбрана законодателем как обязательный квалифицирующий признак преступного деяния вероятно исходя из того, что наиболее опасными незаконные действия, предусмотренные данной статьей, становятся именно тогда, когда у специального субъекта присутствует корыстная мотивация. В ином случае законодатель не усматривает необходимости в установлении уголовной ответственности за совершение подобных действий. Так, за нарушение законодательства в сфере государственного кадастрового учета, недвижимого имущества и кадастровой деятельности должностные лица несут только административную ответственность в соответствии со ст. 14.35 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ).

Наличие специального субъекта состава рассматриваемого преступления говорит о применении данной статьи в совокупности с другими статьями уголовного кодекса, а именно «Злоупотребление должностными полномочиями» 285 УК РФ и «Служебный подлог» 292 УК РФ. А. А. Турышев пишет: «идея "бескорыстного взяточничества" противоречит самой сущности подкупа, где главным является завладение виновным материальными ценностями. Эти ситуации вовлеченности должностного лица следует рассматривать при наличии таких признаков, как злоупотребление или превышение должностными полномочиями» [\[4, С. 21\]](#). Исходя из этого, в рассматриваемом преступлении проглядывается четкая коррупционная направленность.

Также, по итогу анализа смежных статей уголовного закона, становится очевидной низкая общественная опасность в глазах законодателя регистрации незаконных сделок с недвижимым имуществом, совершенной из корыстной или иной личной заинтересованности. Так, например, наиболее строгая санкция, определенная статьей 170 УК РФ – обязательные работы на срок до трехсот шестидесяти часов с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет. Тогда как санкция основного состава статьи 170.1 «Фальсификация ЕГРЮЛ, реестра владельцев ЦБ или системы депозитарного учета» предусматривает

назначение наказания в виде лишения свободы на срок до двух лет со штрафом.

Фундаментальные различия в тяжести преступлений, предусмотренных ст. 170 УК РФ и 170.1 УК РФ оставляют некоторые вопросы по части мотивации в данных действиях. Можно предположить, что снижение ответственности произошло в целях расширения круга лиц подлежащих уголовной ответственности по статье 170 УК РФ, но в таком случае следовало бы также исключить из диспозиции уголовно-правовой нормы корыстную/личную заинтересованность как обязательный признак состава преступления. Потому как из судебной практики следует, что за 2022-2023 года по ст. 170 УК РФ не было привлечено ни одного преступника. Из этого можно сделать вывод либо о высокой эффективности данной уголовно-правовой стратегии, либо об обратном, то есть вследствие отнесения исследуемого преступления к категории преступлений небольшой тяжести правоприменитель не стремится проводить оперативно-розыскные мероприятия по раскрытию и привлечению к ответственности виновных лиц из-за малой общественной опасности совершенного ими деяния.

Статья 181 УК РФ устанавливает ответственность за несанкционированное изготовление, сбыт или использование пробирного клейма, совершенные из корыстной или иной личной заинтересованности. Положение данной статьи также включает в себя корыстную мотивацию как обязательный квалифицирующий признак, в то же время подразумевая уже общий субъект состава преступления. Стоит отметить, что в Постановлении Пленума Верховного Суда №23 от 18.11.2004 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» содержится разъяснение о том как следует квалифицировать совершенное по данной статье деяние, а именно: «Если незаконная предпринимательская деятельность сопряжена с несанкционированным изготовлением, сбытом или использованием, а равно подделкой государственного пробирного клейма, действия лица надлежит квалифицировать по совокупности преступлений: по статье 171 УК РФ (Незаконное предпринимательство), а также по статье 181 УК РФ как совершенные из корыстной или иной личной заинтересованности».

Из этого вытекает, что в случае если преступление, охватываемое данной статьей совершено в процессе осуществления предпринимательской деятельности, то корыстный мотив не требует отдельного доказывания, в случае если же конкретный эпизод изготовления, сбыта, использования и подделки государственных пробирных клейм не имеет четкой связи с осуществлением предпринимательской деятельности, то наличие корыстного умысла потребует доказывать отдельно, чтобы квалифицировать совершенное деяние по ст. 181 УК РФ. Таким образом, Верховный Суд подтвердил гипотезу о том, что предпринимательская деятельность по своей природе неразрывно связана с корыстными началами ее участников.

По мнению К. В. Вишневецкого: «корысть становится основным мотивом поступков человека, поскольку избыточные материальные ценности обеспечивают экономическую независимость человека» [\[5, с. 90\]](#). Данное обстоятельство только подтверждает общее умозаключение о неискоренимости данного побуждающего фактора из человеческой сущности.

«Собирание сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, путем похищения документов, обмана, шантажа, принуждения, подкупа или угроз, а равно иным незаконным способом» составляет содержание диспозиции статьи 183 УК РФ. Основные составы данной статьи не включают квалифицирующего признака в виде «корыстного мотива». Но корыстная мотивация определена как необязательный признак квалифицированного состава преступления, охватываемого рассматриваемой статьей,

наряду с совершением преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой либо с причинением крупного ущерба. Под корыстной заинтересованностью в контексте данной статьи понимается также и собирание сведений на профессиональной основе, например коммерческий шпионаж.

Исходя из общественной опасности деяния, предусмотренного ч. 3 ст. 183 УК РФ, законодатель классифицировал его как преступление средней тяжести. Но несмотря на это, ч. 1 ст. 108 УК РФ предусматривает ограничение в виде заключения под стражу в отношении субъекта преступления. Применяется оно только в случае, если подозреваемый не имеет места жительства или места пребывания в РФ, либо им была нарушена ранее избранная мера пресечения, либо если ранее он скрывался от органов предварительного следствия или суда. На положение данной уголовно-правовой нормы также указывает и Пленум Верховного Суда в п. 10 Постановления №48 от 15.11.2016 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности», как на основание для разрешения в досудебном производстве ходатайств органов предварительного расследования и жалоб на действия (бездействие) и решения этих органов.

Касательно ст. 183 УК РФ стоит отметить, что диспозицию ч. 2 законодатель определил как «Незаконные разглашение или использование сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, без согласия их владельца лицом, которому она была доверена или стала известна по службе или работе». Квалифицированный же состав с одним из признаков в форме «корыстной заинтересованности» законодатель выделил в ч. 3 указанной статьи. Данное обстоятельство, по мнению автора, вызывает сомнение в уместности применения такого квалифицирующего признака применительно к рассматриваемой статье. Так как, если разглашение коммерческой, налоговой или банковской тайны представляется из личной или иной заинтересованности, то уже использование тех же сведений без корыстной заинтересованности, а именно в личных интересах без цели обогатиться, представляется достаточно маловероятным. Схожую позицию выражает С. Д. Петроченков: «собираение соответствующих сведений из корыстной заинтересованности при отсутствии иных квалифицирующих обстоятельств требует квалификации не по ч. 3, а по ч. 1 ст. 183 УК РФ» [\[6, С. 78\]](#).

Так, например, из материалов судебной практики, содержащихся в приговоре № 1-160/2015 от 29 сентября 2015 г. по делу № 1-160/2015 Урайского городского суда ХМАО следует, что преступления изначально квалифицирующиеся законодателем и правоприменителем как преступления корыстной направленности сопутствуют в совокупности деянию предусмотренному ч. 2 ст. 183 УК РФ, которая не предусматривает в своем составе наличие корыстной заинтересованности. Так, в деле № 1-160/2015 Яппарова Р.И., являясь работником ОАО «Сбербанк России», в целях извлечения выгод и преимуществ для себя в виде получения премий за выполнение норматива (бизнес-плана), отсутствия оснований для лишения указанных премий и привлечения к дисциплинарной ответственности, поддержания своей хорошей репутации перед вышестоящим руководством, организовал в руководимом подразделении формальное выполнение норматива (бизнес-плана) по выдаче кредитных карт на ДД.ММ.ГГГГ года, путем оформления, в нарушение установленного порядка, кредитных карт банка на имена физических лиц, без личного участия и согласия последних, после чего умышленно передал, также без согласия клиентов, постороннему лицу оформленные кредитные карты и документы, содержащие сведения о клиентах, их банковских счетах,

условиях обслуживания, PIN-кодах, заведомо осознавая, что своими умышленными действиями может причинить существенный вред правам и законным интересам ОАО «Сбербанк России» и физических лиц. Не находя корыстного умысла в преступлении суд исходит из того, что по итогу разглашения сведений преступник не извлек прибыли, а значит рассматриваемое деяние должно квалифицироваться по ч. 2 ст. 183 УК РФ.

В то же время, из Приговора № 1-371/2020 от 10 июля 2020 г. по делу №1-371/2020 Братского городского суда Иркутской области следует, что Банденок А.Е. совершила кражу, то есть тайное хищение чужого имущества, с банковского счета, кроме того, совершила кражу, то есть тайное хищение чужого имущества, с причинением значительного ущерба гражданину, с банковского счета, и кроме того совершила незаконное использование сведений, составляющих банковскую тайну, без согласия их владельца лицом, которому она была доверена и стала известна по работе, из корыстной заинтересованности. В данном случае суд квалифицировал незаконное использование сведений, составляющих банковскую тайну, по ч. 3 ст. 183 УК РФ. Хотя так же, как и в ранее рассмотренном преступлении, незаконное использование сведений составляющих банковскую тайну было осуществлено с целью извлечь выгоду по совокупно совершаемому преступному деянию.

Таким образом, рассмотрев судебную практику, мы приходим к выводу, что для правоприменителя затруднительно квалифицировать преступления, совершенные в идеальной совокупности. Данная проблема уходит корнями в общую нелогичность законодателя в его решении выделить «корыстную заинтересованность» в квалифицированный состав рассматриваемой статьи (ч.3 ст. 183 УК РФ), тогда как совершение деяния предусмотренного основным составом (ч.2 ст. 183 УК РФ) не видится без наличия у преступника корыстного умысла.

Статья 200.4 УК РФ «Злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд», во многом, по своему составу, похожа на ранее рассмотренную статью 170 УК РФ. В ней также предусматривается специальный субъект, а именно то, что преступление может быть совершено 5 категориями лиц: работником контрактной службы, контрактным управляющим, членом комиссии по осуществлению закупок, лицом, осуществляющим приемку поставленных товаров, выполненных работ или оказанных услуг, либо иным уполномоченным лицом, представляющим интересы заказчика в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд. Важно отметить, что все перечисленные лица не относятся к должностным лицам или к лицам, выполняющим управленческие функции, так как в таком случае статья вступает в коллизию со статьями 201 УК РФ и 285 УК РФ. Также, рассматриваемой статьей предусматривается «корыстная заинтересованность» как обязательный признак основного состава.

Смежный состав преступления, предусмотренный статьей 200.5 УК РФ, предусматривающий ответственность за подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок лишен такого признака как «корыстная заинтересованность», вероятно предполагая, что описываемое деяние совершается только из корыстной заинтересованности. Тогда как злоупотребления в сфере закупок, по мнению законодателя, могут совершаться и без желания извлечь материальную выгоду. Данный пример, по мнению автора, также демонстрирует обоснованность общей концепции настоящей статьи о спорности «корыстной заинтересованности» в рамках статей уголовного кодекса, устанавливающих ответственность за совершение преступлений в сфере предпринимательской деятельности.

Основным отличием деяния составляющего фабулу статьи 299 УК РФ от остальных преступлений в сфере предпринимательской деятельности, предполагающих «корыстный мотив» как квалифицирующий признак, является то, что она в ч. 3 устанавливает ответственность за совершение преступления против осуществления законной предпринимательской деятельности через оказание давления на предпринимателя. Из диспозиции рассматриваемой статьи следует, что санкция устанавливается за привлечение к уголовной ответственности заведомо невиновного лица. Квалифицированным составом преступления, предусмотренного данной статьей, признается «Незаконное возбуждение уголовного дела, если это деяние совершено в целях воспрепятствования предпринимательской деятельности либо из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекло прекращение предпринимательской деятельности, либо причинение крупного ущерба». Таким образом, по ч. 3 ст. 299 УК РФ квалифицируется заведомо противоправное действие органа предварительного следствия, которое может быть направлено против предпринимательской деятельности и/или быть совершенным из корыстной заинтересованности. Состав рассматриваемого преступления – материальный, то есть должны наступить общественно опасные последствия, а именно прекращение предпринимательской деятельности вследствие оказанного давления, либо причинение ущерба на сумму более 1,5 миллиона рублей.

В контексте дискутируемого вопроса интересна позиция Г. Р. Смолицкого: «когда закон говорит о личной заинтересованности, нужно иметь в виду не только имущественную или иную личную выгоду, либо узко личные интересы, но и такие случаи, когда должностное лицо вносит в работу государственного аппарата чуждые элементы, противопоставляя интересы своего учреждения или предприятия общегосударственным интересам в целом» [\[7, С.69\]](#).

Законодатель отнес рассматриваемое преступление к категории тяжких, так как ответственность, установленная данной статьей, подразумевает лишение свободы на срок от пяти до десяти лет. Исходя из этого, повышение планки нанесенного ущерба, необходимого для квалификации деяния по данной статье, до 1,5 миллиона рублей выглядит вполне соразмерным. При общей логичности решений законодателя более верным видится снижение ответственности по рассматриваемой статье вместе со снижением размера ущерба, необходимого для образования состава преступления и привлечения виновного к ответственности. Так, например, средний доход индивидуального предпринимателя в России составляет 75-100 тысяч рублей в месяц, в соответствии с социологическим исследованием «Билайн бизнес» [\[8\]](#).

Исходя из этого, есть необходимость охватить больший спектр посягательств, за счет массы наиболее незащищенных индивидуальных предпринимателей. Ведь в случае неправомерного возбуждения уголовного дела в отношении индивидуального предпринимателя, которое не повлекло прекращения им предпринимательской деятельности или не причинило ущерб на сумму более 1,5 миллиона рублей, не будет образовываться состав преступления по ч.3 ст. 299 УК РФ. Данная точка зрения подтверждается статистикой судебной практики по ч.3 ст. 299 УК РФ. Так за 2023 год по указанному составу не было привлечено к ответственности ни одного лица. Та же ситуация наблюдается и в 2022, 2021, 2020 годах.

В части применения корыстной заинтересованности как необязательного признака субъективной стороны данное решение законодателя выглядит наименее спорно относительно других примеров, приведенных в нашем исследовании. Рассматривая диспозицию указанной статьи уголовного кодекса, возникает обоснованное сомнение в

верности определения законодателем цели и мотива преступления. По общему правилу и логике вещей, мотив и цель преступления должны быть связаны между собой. Целью является представление субъекта о преступном результате, которого он стремится достичь. Мотив же – это побуждение субъекта, вытекающее из необходимости удовлетворения его потребностей. Таким образом, целью лица, совершающего деяние, предусмотренное ч. 3 ст. 299 УК РФ, является прекращение предпринимателем его профессиональной деятельности, мотивом же будет выступать корыстная или иная личная заинтересованность. Итогом изложенного предположения представляется решение законодателя противопоставить мотив преступника его цели и предложение правоприменителю выбрать то, чем руководствовался субъект при совершении преступления. Описанное представление законодателя противоречит теории уголовного права, и что, по мнению автора, ведет к необходимости корректирования диспозиции данной уголовно-правовой нормы.

«Обязательные признаки субъективной стороны преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 299 УК РФ (специальная цель воспрепятствовать предпринимательской деятельности потерпевшего либо мотив корыстной или иной личной заинтересованности), доказать крайне проблематично. Специалисты не без оснований указывают, что «конструкция <... > состава преступления, требующая обязательного установления цели воспрепятствования предпринимательской деятельности либо наличия корыстной или иной личной заинтересованности, превращает данный состав в так называемую „мертвую“ норму» [\[9, с. 30\]](#) – такова позиция А. А. Симоненко касемо применения указанной нормы.

В глазах законодателя «Корыстная заинтересованность» является признаком, образующим повышенную общественную опасность противоправного деяния, но в то же время законодателем он не был отнесен к исчерпывающему списку отягчающих обстоятельств, вероятно, полагая, что часть преступлений совершается с корыстным умыслом по умолчанию, а другая часть деяний приобретает достаточную общественную опасность, для назначения уголовного наказания, только при наличии такого признака.

На первый взгляд, решением поднятой проблемы представляется открытие перечня отягчающих обстоятельств и отнесение права применения такого отягчающего обстоятельства как «корыстные побуждения» на усмотрение судов. Но данный вариант решения критикуется М. Г. Жилкиным: «Думается, что расширение судейского усмотрения как в целом, так и тем более применительно к рассмотрению дел о предпринимательских преступлениях не только нецелесообразно, но и недопустимо. Отечественная уголовно-правовая доктрина выработала научно обоснованные подходы к описанию квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков в тексте уголовного закона. Действительно, нынешнее состояние главы 22 УК РФ в части конструирования квалифицированных и особо квалифицированных составов преступления может быть охарактеризовано как непоследовательное и бессистемное. Но допущение открытых перечней квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков в российском законодательстве привело бы лишь к его дальнейшей хаотизации. Перед законодателем должна быть поставлена задача дифференциации уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской деятельности посредством закрепления в соответствующих статьях уголовного закона единого шаблона признаков, отражающих существенные перепады в степени общественной опасности деяния» [\[10, с. 83\]](#).

Отсутствие системного подхода к формированию диспозиций статей уголовного кодекса, устанавливающих ответственность за совершение преступлений в сфере

предпринимательской деятельности, приводит к проблемам квалификации части преступных деяний. Так, А. В. Шеслер отмечает, что: «действующее уголовное законодательство терминологически употребляет корысть в двух значениях, а именно: как мотив преступления (побуждениях) и как цель преступления (например, в примечании 1 к ст. 158 УК РФ речь идет о корыстной цели). Однако определение этих терминов в УК РФ не дано, поэтому как в науке уголовного права, так и в практике применения уголовного закона его понимание не является однозначным. Не дано однозначного понимания данных терминов и в разъяснениях Верховного Суда РФ, цель которых – стабилизировать судебную практику, оказывать помощь судам в единообразном толковании и применении норм права. В результате отсутствия единого подхода в определении понятий «корыстный мотив» и «корыстная цель» не способствует качеству вынесения судебных решений по преступлениям корыстной направленности и требует выработки единого терминологического подхода» [\[11, С. 34\]](#).

Заключение

Уголовное законодательство рассматривает «Корыстную заинтересованность» как признак субъективной стороны, который являясь обязательным признаком основного или квалифицированного состава преступления, образует состав преступления повышенной общественной опасности. В случаях, когда «корыстная заинтересованность» не является обязательным признаком состава преступления, законодатель ставит ее на один уровень с совершением преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. Исключение корыстной заинтересованности из перечняотягчающих обстоятельств представляется адекватным ответом меняющейся общественно-экономической формации, но при этом присутствие такого признака в уголовно-правовых нормах, устанавливающих ответственность за преступления в сфере предпринимательской деятельности, противоречит самой природе предпринимательской деятельности.

Неясным также остается вопрос определения величины санкции, назначаемой за совершение рассматриваемого перечня преступлений. Так, наличие корыстного умысла при совершении одних преступлений в сфере предпринимательской деятельности становится основанием формирования квалифицированного состава. А в других преступлениях наличие корыстного умысла наоборот влечет резкое снижение уголовной ответственности относительно смежных составов.

Изложенное подтверждает заключение автора об отсутствии системного подхода при введении законодателем уголовно-правовых норм. Данное обстоятельство становится как причиной возникновения проблем связанных с верной квалификацией преступлений в сфере предпринимательской деятельности, так и вовсе причиной существования статей, применение которых на практике затруднительно. Собранный в статье материал приводит к логичному выводу о том, что назрела необходимость поставить под сомнение оправданность наличия такого рудиментарного квалифицирующего признака как «корыстная заинтересованность» в рамках соответствующих статей ныне действующего в России Уголовного кодекса.

Библиография

1. Горшенков Г.Н., Кабанов П.А., Касторский Г.Л., Колесников В.В. Преступность среди социальных подсистем. Новая концепция и отрасли криминологии. Под ред. Шестакова Д. А. СПб.: Юрид. центр "Пресс", 2003. С. 227.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 томах; М.: РИПОЛ

- классик, 2006. Том 2. С. 784.
3. Тютюнник И. Г. Соотношение понятий "корыстного побуждения" и "корыстного мотива" в Уголовном кодексе Российской Федерации // Безопасность бизнеса. 2015. №4. С. 36-38.
  4. Турышев А. А. Корыстный мотив преступления // Научный Вестник Омской Академии МВД России. 2020. № 4. С. 21.
  5. Вишневецкий К. В. Виктимологическое моделирование корыстной преступности // Юридические науки. 2019. № 2. С. 90.
  6. Петроченков С. Д. Корыстная заинтересованность как квалифицирующий признак преступления, предусмотренного ст. 183 УК РФ // Уголовное право. 2017. № 1. С. 78.
  7. Смолицкий Г. Р. Должностные преступления; М.: Юриздат. 1947. 69 с.
  8. Доход предпринимателя в России 75–100 тысяч рублей в месяц // beelinenow.ru: билайн бизнес. 2023. URL: <https://beelinenow.ru/articles/bilayn-biznes-dokhod-predprinimatelya-v-rossii-75-100-tysyach-rublej-v-mesyats> (дата обращения 01.02.2023).
  9. Симоненко А. А. Уголовно-правовая норма об ответственности за незаконное возбуждение уголовного дела (ч. 3 ст. 299 УК РФ) // Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. № 4. С. 30.
  10. Жилкин М. Г. Преступления в сфере предпринимательской деятельности: проблемы классификации и дифференциации ответственности; М.: Юриспруденция, 2019. С. 83.
  11. Шеслер А. В. Соотношение цели и мотива совершения преступления // Вестник югорского государственного университета. 2023. № 4. С. 34.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, корысть как квалифицирующий признак преступлений в сфере предпринимательской деятельности. Заявленные границы исследования соблюдены автором.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается, но очевидно, что ученым использовались всеобщий диалектический, логический, историко-правовой, формально-юридический, герменевтический методы исследования.

Актуальность избранной автором темы исследования не подлежит сомнению и обосновывается им следующим образом: "Корысть ... предстаёт в Уголовном законе как такой специфический признак, не имеющий четкого определения законодателем, анализ уместности применения которого представляется актуальным вопросом при формировании законодательства, отвечающего всем современным запросам. По общему правилу, переходящему сквозь века, корысть представляет из себя некую форму низменных побуждений, завладевающих человеком на жизненном пути. Правоприменитель также не дает четкого определения корысти, как явления побуждающего человека на совершение противоправного деяния. ... Необходимость совершенствования законодательства в сфере защиты предпринимательской деятельности, как социально значимого направления человеческой деятельности, а

также необходимость в избавлении закона от коллизий и несостыковок укладывается в обоснование актуальности темы настоящего исследования.

Целью настоящего исследования становится рассмотрение теоретической стороны корысти как квалифицирующего признака в нормативно правовой основе преступлений в сфере предпринимательской деятельности, а также формирование нормативно обоснованных предложений к внесению изменений в статьи уголовного закона". Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "Уголовное законодательство рассматривает «Корыстную заинтересованность» как признак субъективной стороны, который являясь обязательным признаком основного или квалифицированного состава преступления, образует состав повышенной общественной опасности. В случаях, когда «корыстная заинтересованность» не является обязательным признаком состава преступления, законодатель ставит ее на один уровень с совершением преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой"; "В глазах законодателя «Корыстная заинтересованность» является признаком, образующим повышенную общественную опасность противоправного деяния, но в то же время законодателем он не был отнесен к исчерпывающему списку отягчающих обстоятельств, вероятно полагая, что часть преступлений совершается с корыстным умыслом по умолчанию, а другая часть деяний приобретает достаточную общественную опасность, для назначения уголовного наказания, только при наличии такого признака"; "Неясным также остается также определение величины санкции, назначаемой за совершение рассматриваемых преступлений. Так, наличие корыстного умысла при совершении одних преступлений в сфере предпринимательской деятельности становится основанием формирования квалифицированного состава. А в других преступлениях наличие корыстного умысла наоборот влечет резкое снижение уголовной ответственности относительно смежных составов" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы вполне логична. Во вводной части статьи автор обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы ученый на основании анализа нормативного материала, теоретических источников и эмпирической базы рассматривает корысть как квалифицирующий признак преступлений в сфере предпринимательской деятельности, попутно выявляя соответствующие проблемы юридической техники и предлагая пути их решения. В заключительной части статьи содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено некоторых недостатков.

Так, автор озаглавил основную часть работы следующим образом: "Корысть как признак субъективной стороны". О признаке субъективной стороны чего идет речь?

Ученый пишет: "В данном случае корыстная заинтересованность была выбрана законодателем как обязательный квалифицирующий фактор преступного деяния вероятно исходя из того, что наиболее опасными незаконные действия, предусмотренные данной статьей, становятся именно тогда, когда у специального субъекта присутствует корыстная мотивация". В уголовно-правовой науке устоялось понятие "квалифицирующий признак". "Квалифицирующий фактор" - это так называемое "околоюридическое" понятие. Подобных замен юридических терминов следует избегать.

Автор отмечает: "Турышев А. А. пишет: «идея "бескорыстного взяточничества" противоречит самой сущности подкупа, где главным является завладение виновным материальными ценностями. Эти ситуации должностного лица следует рассматривать при наличии таких признаков, как злоупотребление или превышение должностными полномочиями» [6, С. 21]". Инициалы ученого ставятся перед его фамилией.

Ученый пишет: "Из этого можно сделать вывод либо о высокой эффективности данной уголовно-правовой стратегии, либо об обратном, то есть вследствие установления низкой уголовной ответственности правоприменитель не стремится проводить оперативно-розыскные мероприятия по раскрытию и привлечению к ответственности виновных лиц из-за небольшой общественной опасности совершенного ими деяния". Не существует понятия "низкая уголовная ответственность". Предложение необходимо перефразировать (очевидно, что речь идет о слишком мягком уголовном наказании, что, в свою очередь, является следствием отнесения исследуемого преступления к категории преступлений небольшой тяжести).

Статья нуждается в дополнительном вычитывании с привлечением специалиста-филолога. В ней встречаются множественные опечатки, орфографические, пунктуационные, стилистические ошибки.

Так, автор пишет: "Полученные излишки пускались на совершенствование процессов добычи, в реализацию путем обмена или продажи и само собой на постройку монументальных сооружений" - пропущены запятые: "Полученные излишки пускались на совершенствование процессов добычи, в реализацию путем обмена или продажи и, само собой, на постройку монументальных сооружений".

Ученый отмечает: "По общему правилу, переходящему сквозь века, корысть представляет из себя некую форму низменных побуждений, завладевающих человеком на жизненном пути" - "проходящему".

Автор указывает: "Правоприменитель также не дает четкого определения корысти, как явления побуждающего человека на совершение противоправного деяния"- "Правоприменитель также не дает четкого определения понятия "корысть" как явления, побуждающего человека к совершению противоправного деяния".

Ученый пишет: "Впервые, в отечественном законодательстве, термины «низменные и корыстные побуждения» появились в Уголовном кодексе РСФСР 1922 года" - "Впервые в отечественном законодательстве термин «низменные и корыстные побуждения» появился в Уголовном кодексе РСФСР 1922 года" (запятые не нужны).

Приведенный перечень опечаток и ошибок не является исчерпывающим!

Библиография исследования представлена 13 источниками (монографиями, научными статьями, учебником, комментарием, словарем). С формальной и фактической точек зрения этого вполне достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой глубиной и полнотой.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (И. Г. Тютюнник и др.), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в необходимой степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Уголовное законодательство рассматривает «Корыстную заинтересованность» как признак субъективной стороны, который являясь обязательным признаком основного или квалифицированного состава преступления, образует состав повышенной общественной опасности. В случаях, когда «корыстная заинтересованность» не является обязательным признаком состава преступления, законодатель ставит ее на один уровень с совершением преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. ... В глазах законодателя «Корыстная заинтересованность» является признаком, образующим повышенную общественную опасность

противоправного деяния, но в то же время законодателем он не был отнесен к исчерпывающему спискуотягчающих обстоятельств, вероятно полагая, что часть преступлений совершается с корыстным умыслом по умолчанию, а другая часть деяний приобретает достаточную общественную опасность, для назначения уголовного наказания, только при наличии такого признака. На первый взгляд, решением поднятого вопроса представляется открытие перечня отягчающих обстоятельств и отнесение права применения такого отягчающего обстоятельства как «корыстные побуждения» на усмотрение судов. ... Отсутствие системного подхода к формированию диспозиции статей уголовного кодекса устанавливающих ответственность за совершение преступлений в сфере предпринимательской деятельности приводит к проблемам квалификации части преступных деяний" и др.), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, безусловно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере уголовного права и уголовного процесса при условии ее доработки: раскрытии методологии исследования, дополнительном обосновании актуальности его темы (в рамках сделанного замечания), уточнении отдельных положений работы, устранений нарушений в ее оформлении.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Корысть как квалифицирующий признак преступлений в сфере предпринимательской деятельности» для опубликования в журнале «Юридические исследования». Наименование статьи соответствует паспорту научной специальности 5.1.4 – Уголовно-правовые науки, п. 3 «Теория уголовного права», что соответствует тематике журнала.

При этом содержание статьи соответствует политике журнала об опубликовании статей, посвященных всестороннему исследованию актуальных проблем науки уголовного права.

Предметом исследования статьи автор обозначил через необходимость рассмотрения теоретической стороны корысти как квалифицирующего признака в нормативно-правовой основе преступлений в сфере предпринимательской деятельности, а также формирование нормативно обоснованных предложений к внесению изменений в действующее уголовное законодательство в целях его совершенствования.

Методология, использованная при написании статьи, основана на общенаучных методах познания предмета исследования. Использованы такие общенаучные методы: анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия как общие логические правила осуществления мыслительной деятельности исследователя при изучении предмета статьи, анализе законодательства, практики правоприменения. Также применены частно-научные методы исследования формально-логический, сравнительно-правовой, толкование норм уголовного законодательства.

Актуальность темы исследования заключается в выявленном автором несовершенстве законодательного подхода к конструированию квалифицированного состава на основании признака «корысти». Данное обстоятельство, по верному замечанию автора, становится причиной возникновения проблем связанных с квалификацией преступлений в сфере предпринимательской деятельности для правоприменителя.

Научная новизна. В работе сделаны выводы и предложения, практическая и научная ценность которых не ставится под сомнение и привлечет внимание обучающихся

юридических направлений подготовки в ВУЗах, исследователей и практикующих юристов. Автором внесено важное теоретическое предложение к осмыслению научным сообществом рудиментарности признака «корысти» относительно составов преступлений в области предпринимательской деятельности.

Стиль написания статьи: научный, автор последовательно и аргументировано изложил свои мысли, подкрепил их анализом действующего законодательства, теоретических изысканий по аналогичным тематикам исследований и практическими примерами.

Структура статьи присутствует и обозначена автором двумя разделами. При этом публикационной политикой рекомендовано авторам выделять в тексте статьи в качестве обязательных структурных элементов: «Введение», (обоснование темы, обзор литературы и источников, описание методов, цели и задач исследования), «Основная часть» (делится на смысловые блоки, которым даются подзаголовки), «Заключение» (подводятся итоги собственного исследования, кратко сообщаются результаты и оценивается их значимость; не рекомендуется использование цитирования и ссылок).

Содержание статьи достаточно полно освещает поднятые проблемы, решает поставленные задачи и соответствует заявленной тематике.

Библиография представлена 13 источниками, в числе которых научные статьи и монографии авторов по искомой тематике составляют около 54%. В соответствии с научным уровнем журнала (К-2) качество научной статьи определяется в том числе качеством и количеством библиографических источников. Этическими принципами издания рекомендуется использование при написании статьи 10–15 монографий и научных статей близких по проблематике и хронологии. Не рекомендуется в библиографический перечень включать комментарии законодательства, учебные пособия и учебники, публицистику. Указанные издания следует размещать в постраничных сносках. При оформлении библиографического перечня следует придерживаться требований, изложенных в ГОСТ Р 7.0.5-2008.

Вывод рецензента: статья «Корысть как квалифицирующий признак преступлений в сфере предпринимательской деятельности» может быть рекомендована для опубликования в журнале «Юридические исследования» после ее доработки в части структурирования и библиографического перечня.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рецензирование статья на тему: «Корысть как квалифицирующий признак преступлений в сфере предпринимательской деятельности.» посвящена актуальной проблеме недостаточности правового регулирования отдельных видов отношений в раках осуществления предпринимательской деятельности.

Анализ статьи показал, что, в целом, она соответствует основным требованиям, предъявляемым к такому виду научных работ. При ее подготовке автором/ами использовано относительно небольшое количество различных источников. Однако, на себя обращает внимание тот факт, что в библиографическом списке представлены словари, монографические исследования, научные статьи. Всего – 11 источников.

Данное обстоятельство, тем не менее, по нашему мнению не отразилось существенным образом на глубине содержательной части исследования. Но, к сожалению, в рецензируемой статье не нашлось места для более широкой научной дискуссии, которая могла бы значительно, по нашему мнению, увеличить научную ценность рецензируемой

статьи.

Статья структурирована. Она содержит введение, основную часть (Истоки возникновения корысти как признака субъективной стороны экономических преступлений в отечественном законодательстве; Уголовно-правовая характеристика корысти как признака преступлений в сфере предпринимательской деятельности по законодательству Российской Федерации) и заключение.

Представлена цель и задачи исследования. Названы ученые, чьи интересы относятся к исследуемой автором/ами проблеме. Обоснована актуальность исследования, обоснованная необходимостью совершенствования законодательства в сфере защиты предпринимательской деятельности, как социально значимого направления человеческой деятельности, а также необходимостью в избавлении закона от коллизий и несостыковок. Автором/ами подчеркивается, что корысть предстаёт в Уголовном законе как такой специфический признак, не имеющий четкого определения законодателем, что и порождает немало трудностей в процессе доказывания и правоприменения.

Методология исследования представлена в достаточно лаконичном виде и она выразилась в диалектическом, логическом, историко-правовом, формально-юридическом, герменевтическом методах научного познания.

Статья написана хорошим и понятным языком, логична. Содержательно статья способна вызвать интерес у специалистов и широкого круга читателя.

Положительно следует отметить некоторую уникальность рецензируемой статьи по выбору проблемы исследования. Автором/ами проведен детальный анализ норм современного действующего российского уголовного законодательства, судебной практики. Сделаны необходимые выводы и рекомендации, способствующие развитию теории юридической науки. В частности, подчеркивается отсутствие системного подхода к формированию диспозиций статей Уголовного кодекса, устанавливающих ответственность за совершение преступлений в сфере предпринимательской деятельности и др. Предложено поставить под сомнение оправданность наличия такого рудиментарного квалифицирующего признака как «корыстная заинтересованность» в рамках соответствующих статей ныне действующего в России Уголовного кодекса и т.д. Таким образом, исходя из вышеизложенного, считаем, что рецензируемая статья на тему: «Корысть как квалифицирующий признак преступлений в сфере предпринимательской деятельности.» может быть опубликована в искомом научном журнале.

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Чакиев М.А. Личность преступника, совершающего преступления в отношении инвалидов, и виктимологическая характеристика жертвы-инвалида // Юридические исследования. 2024. № 3. DOI: 10.25136/2409-7136.2024.3.69803 EDN: CRIPER URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69803

Личность преступника, совершающего преступления в отношении инвалидов, и виктимологическая характеристика жертвы-инвалида

Чакиев Мурат Ахмедович

старший преподаватель кафедры криминологии Санкт-Петербургского университета МВД России

198096, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, 1

✉ murat.chakiev.76@mail.ru

[Статья из рубрики "Уголовный закон и правопорядок "](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2024.3.69803

EDN:

CRIPER

Дата направления статьи в редакцию:

09-02-2024

Аннотация: Особое внимание уделяется одной из уязвимых и незащищенной групп населения являются лица, имеющие нарушения здоровья со стойкими расстройствами функций организма, приводящими к ограничению жизнедеятельности и вызывающими необходимость их социальной и правовой защиты. Часто такие лица выбираются преступниками в качестве жертв в силу их беззащитного или беспомощного состояния, не позволяющего оказать сопротивления либо делающих их имущество доступным для третьих лиц. При анализе уголовных дел выявлены некоторые особенности личности преступника, выбирающего в качестве потерпевшего инвалидов, а также определены три группы преступлений, при совершении которых есть специфика выбора жертвы с физическими или психическими недостатками. Это преступления насильственной, корыстной (имущественной) и коррупционной направленности. Характеристики личности преступника имеют общие признаки в случае совершения преступлений в отношении такой категории потерпевших в быту. Учитывая важность защиты инвалидов, особенность их правового статуса и состояния здоровья, считаем важным разработать

отдельное межотраслевое направление криминологии – виктимологию инвалида. Для комплексного исследования и выработки предложений использовались общенаучные методы (обобщение в части имеющихся результатов научных исследований, анализ при формировании выводов на основе правоприменительной практики, описание основных предложений и рекомендаций). В ходе исследования выявлены отличительные признаки личности жертв-инвалидов; дана виктимологическая характеристика потерпевших с ограниченными возможностями здоровья; предложена классификация жертв-инвалидов и преступлений, которым они наиболее подвержены; выявлены причины обуславливающие совершение преступлений в отношении лиц с инвалидностью; предложено внесение дополнения в действующее уголовное законодательство понятия «инвалид», предложена дефиниция «виктимология инвалида», как самостоятельное межотраслевое направление виктимологии; предложена классификация лиц, совершающих преступления в отношении инвалидов; выявлены особенности характеристик таких лиц при совершении самых распространенных преступлений в отношении лиц с ограниченной жизнедеятельности: насильственной, корыстной (имущественной), коррупционной направленности и предложено несколько индивидуальных профилактических мер предупреждения таких преступлений.

Ключевые слова:

виктимология, инвалидность, преступник, жертва, виктимологическая характеристика, профилактика, направленность преступлений, превентивные меры, предупреждение преступлений, латентность

Введение.

Основываясь на научных подходах Д. А. Шестакова [\[10\]](#), П. А. Кабанова [\[2\]](#) о важности изучения жертв преступлений, нами выделяется виктимология инвалида, как межотраслевое направление криминологии, изучающее особенности выбора жертвой лица, имеющее очевидные признаки нарушения здоровья со стойким расстройством функций организма, что приводит к ограничению жизнедеятельности, обуславливая необходимость социальной и правовой защиты. Такое направление поможет выработать научные гипотезы по наиболее эффективным мерам защиты инвалидов – одного из наиболее уязвимых и незащищенных слоев населения. Считаем, что в отечественной криминологической науке данное направление виктимологии только начинает формироваться, о чем свидетельствует не многочисленное количество исследований [\[6, с. 46-47; 7; 8\]](#), противопоставленных более активным научным дискуссиям в трудах как отечественных, так и зарубежных авторов, посвященным способам защиты лиц, находящихся в состоянии беспомощности [\[11; 12; 13; 14\]](#).

Вне всякого сомнения, введение законодателем беспомощного состояния жертвы преступления в перечень отягчающих ответственность обстоятельств еще положениями Уголовного закона РСФСР от 27 октября 1960 года, позднее, положениями действующего Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), дополненного, в том числе состоянием беззащитности, явилось существенным вкладом в развитие конституционных гарантий защиты потерпевших от преступных посягательств. Однако, в условиях современности, такого вклада объективно недостаточно. Вследствие чего, особого внимания заслуживают лица, которые из-за ограничений жизнедеятельности не способны в полной мере самостоятельно обеспечить свою защиту в разных сферах

общественной жизни, в том числе реализовать имеющийся правовой статус инвалида в виду невозможности самостоятельно собрать необходимые документы для проведения соответствующей экспертизы с целью оформления инвалидности, но при этом не указывающие своим состоянием здоровья на необходимость признания их беспомощными, или, по меньшей мере, беззащитными. Сомнения в необходимости комплексного исследования группы населения, имеющей инвалидность, а равно все основания для ее оформления, рассеиваются неоднократными высказываниями в научной среде о их важности [2, 3].

Рассуждая детальнее, отметим, что в научном сообществе большое внимание уделяется категории лиц, находящихся в беспомощном или беззащитном состоянии и в данном направлении к наиболее заслуживающим внимания отнесены труды И. Р. Шидула [12] и О. В. Михайловской [5]. Однако, вопрос отнесения к таким лицам инвалидов 2 и 3 группы в силу отсутствия явных признаков ограничения здоровья является дискуссионным. Вместе с тем, следственная и судебная практика показывает, что действия лиц, совершивших преступления в отношении инвалидов, квалифицируются как совершенные в отношении лица находящегося в беспомощном состоянии, (Приговор Санкт-Петербургского городского суда от 29.12.2017 по делу № 2-4/2017. [Электронный ресурс] - URL: https://sankt-peterburgsky--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=80287409&case_uid=5fb9dd77-b0d6-4896-aebd-fc835635ff59&delo_id=1540006#).

Не вдаваясь в дискуссию, выразим убежденность подтвержденную правоприменительной практикой в недостаточности характеристик инвалидов в положениях уголовного закона, позволяющих не только соблюсти их права и законные интересы в условиях совершения в их отношении преступлений, но и усилить их правовые гарантии дополнительными мерами предупреждения преступлений в отношении рассматриваемой категории лиц, ввиду их повышенной виктимности.

Значимость данного исследования повышается также общей численностью инвалидов в России, указывающей на стабильно высокий уровень таких лиц в количественном выражении. Так, в 2021 году по данным Федеральной службы государственной статистики о положении инвалидов ([Электронный ресурс] - URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964>), численность таковых составила 11 631 000 человек, в 2022 году – 11 331 000 человек, по итогам 2023 года – 10 933 000 человек. При этом, учитывая слабовыраженную тенденцию к снижению количества инвалидов, следует обратить внимание на увеличение с 2020 года количества детей с инвалидностью. Так, в 2020 году статус «ребенок-инвалид» установлен 688 детям, в 2021 году – 704 детям, в 2022 году – 729 детям, в 2023 году – 722 детям. Вместе с тем, с учетом проводимой специальной военной операции следует прогнозировать увеличение количества лиц со стойким расстройством функций организма, полученных в результате военных травм (контузий, ранений), включая полученные вследствие пресечения нарушений общественного порядка.

Исследование.

Для исследования виктимности инвалидов, причин и условий преступности, совершенствования превентивных мер, наряду с личностью самого преступника, необходимо изучение личности потерпевшего-инвалида, его поведения, предшествующего преступному деянию, поскольку зачастую провоцирующим фактором совершения преступления в отношении инвалида является поведение самой жертвы.

Изучение судебных решений, имеющих в свободном доступе на интернет - ресурсе «Судебные и нормативные акты РФ» (далее - СудАкт)([Электронный ресурс] - URL: <https://sudact.ru/>) и материалов уголовных дел, в том числе находившихся ранее в личном производстве автора настоящего исследования, позволяет выделить три группы преступлений, наиболее часто совершаемых в отношении инвалидов и имеющих специфику выбора преступником жертвы именно из рассматриваемой категории лиц. В большинстве своем они направлены против собственности инвалида, либо его жизни или здоровья, а также на корыстное использование преступником должностных полномочий, порождаемых деятельностью, связанной с формированием статуса «инвалид» в отношении категории лиц, в нем нуждающейся в связи с состоянием здоровья. Так, из анализа судебных решений можно сделать вывод, что в отношении лиц с инвалидностью преимущественно совершаются общественно опасные деяния насильственной, имущественной и коррупционной направленности. В зависимости от преступной направленности жертва-инвалид характеризуется следующим образом:

1. По преступлениям насильственной направленности жертва характеризуется наличием инвалидности 1, 2 группы, выраженными физическими недостатками, психическими отклонениями, низким социальным статусом, узким кругом общения, в большинстве своем насилию подвержены инвалиды в возрасте от 14 лет, преступления против половой неприкосновенности подвергаются представители женского пола в возрасте 12-50 лет, подверженные влиянию или находящиеся в зависимости от преступника.

К сожалению, преступления, совершаемые в отношении рассматриваемой категории потерпевших, обладают наибольшей латентностью. Данное обстоятельство обусловлено физическими недостатками либо психическими заболеваниями жертв, не позволяющими им в полной мере осознавать противоправность совершаемых в их отношении действий либо своевременно информировать правоохранительные органы о совершаемых преступлениях.

2. По преступлениям корыстно имущественной направленности жертва в возрасте 18-60 лет, инвалид 2, 3 группы, без выраженных признаков отклонения здоровья, с регулярным источником дохода, с материальным достатком, ведет активный образ жизни. Менее подвержены преступлениям имущественной характера инвалиды 1 группы, в связи с тесным кругом общения, нахождением под присмотром. Таким образом, жертва-инвалид 2, 3 группы обладает большей вероятностью стать объектом преступного посягательства, так как обладает материальными благами, которыми можно незаконно завладеть.

3. К третьей группе отнесем преступления коррупционной направленности в отношении инвалидов. Преступления данной категории подвержена жертва при оформлении статуса «инвалид», повышении группы или степени инвалидности. Пострадавшими от таких преступных деяний могут быть как сами лица с ограниченными возможностями здоровья, так и их законные представители, занимающиеся вопросами оформления статуса «инвалид». Таким образом, жертвами коррупционных преступлений становятся не только сами инвалиды, но и лица, осуществляющие их социальную и правовую защиту [9, с. 289-290]. Одним из примеров коррупционного преступления является судебное решение Гудковского городского суда Ростовской области в отношении бывшего руководителя Федерального казенного учреждения «Главное бюро медико-социальной экспертизы Ростовской области» № 30, который за денежное вознаграждение незаконно выдавал заключения, на основании которых в последующем оформлялись статусы «инвалид» либо повышались группы инвалидности, признанного виновным в совершении

преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 290, ч. 3, ст. 290, ч. 2 ст. 290 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее - УК РФ) [\[9, с. 290\]](#).

При этом не исключены случаи, когда сами инвалиды, с целью повышения группы инвалидности, не имея на то законных оснований, совершают преступления коррупционной направленности. Наглядным примером изложенного служит факт осуждения гр-на И. по ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 4 ст. 291 УК РФ за покушение на дачу взятки должностному лицу с целью продления ранее установленной группы инвалидности (Приговор Сальского городского суда Ростовской области по делу № 1-17/2020 1 – 357/2019 от 9 июля 2020 г. по делу № 1-17/20. [Электронный ресурс] - URL: <https://sudact.ru/regular/doc/EO2Ele7TRWZZ/>).

Классификация общественно опасных деяний совершаемых в отношении инвалидов по преступной направленности имеет важное теоретическое и практическое значение, что позволит более детально исследовать личность жертвы-инвалида и преступника, выявить детерминанты совершения преступлений в отношении инвалидов, наметить ориентиры профилактической деятельности направленные на снижение преступности в отношении инвалидов и минимизацию латентности.

Еще в 2016 году П. А. Кабанов, рассматривая проблематику виктимности лиц с ограниченными физическими возможностями, пришел к выводу, что инвалиды 1 и 2 группы в большинстве случаев подвергались преступлениям корыстной (имущественной) направленности (кражи, грабежи, мошенничество, побои) [\[3\]](#). Основываясь на выводах последнего и сформированных нами групп, отражающих характеристику жертвы-инвалида с учетом направленности преступлений, представляется необходимым установить особенности личности преступника, совершающего такие преступления [\[4\]](#), так как в преступной взаимосвязи жертва и преступник неразрывны.

Общественная опасность совершения преступлений в отношении лиц, имеющих очевидные признаки нарушения здоровья со стойким расстройством функций организма, заключается в том, что преступник осознает, что жертва не в силах оказать сопротивление, не может сообщить о совершении преступления вследствие неосознания противоправности совершаемых действий, либо ограниченного передвижения или отсутствия средства связи.

В ходе детального изучения данной проблематики, с учетом исследования вступивших в законную силу судебных приговоров, нами было установлено, что чаще насильственные преступления совершаются в быту, при этом лицами, проживающими вместе с инвалидом или находящимися рядом. К таким лицам нами отнесены: родственники, знакомые, соседи, сиделки, близкие лица, воспитатели в домах инвалидов, сотрудники специализированных учебных заведений, в которых находятся дети-инвалиды и т.п. Представляется, что к совершению общественно опасных деяний в отношении лица с инвалидностью побуждают вышеперечисленных лиц низменные мотивы и намерения причинить потерпевшему страдания и мучения. Одним из примеров изложенного служит уголовное дело по преступлению, квалифицированному как убийство, совершенное путем сожжения в доме инвалида, который заведомо для виновной не смог бы выбраться самостоятельно из горящего здания (Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 26 апреля 2023 года № 81-УД23-6СП-А5. ([Электронный ресурс] - URL: <https://consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=home&rnd=oGprw>)).

Иным, выявленным нами в ходе исследования примером является уголовное дело по

обвинению Б., Г., К., К. и др., в совершении корыстных преступлений имущественной и насильственной направленности. Материалами дела был подтвержден факт совершения обвиняемыми преступления, несмотря на наличие информации о том, что жертва является инвалидом, что характеризует личность каждого из преступников особой циничностью, низким уровнем морально-нравственных качеств, жадностью и алчностью (Приговор Санкт-Петербургского городского суда от 29.12.2017 по делу № 2-4/2017. ([Электронный ресурс] - URL: https://sankt-peterburgsky--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=80287409&case_uid=5fb9dd77-b0d6-4896-aebd-fc835635ff59&delo_id=1540006#)).

Однако иногда преступления против личности инвалида совершаются и с иными мотивами. К таким следует отнести, например, убийство из сострадания. Поэтому становится очевидной и вторит убеждению Д. Ж. Гостьковой [\[1, с. 130\]](#) необходимость детального установления мотива совершения преступления, поскольку для повышения объективности итогового решения по уголовному делу, назначения справедливого наказания они должны учитываться судом. Высокое значение мотивы, побудившие к совершению преступления, имеют и при выборе соответствующих мер индивидуальной профилактики. Например, они могут быть учтены не только как отягчающее, но и как смягчающее обстоятельство (в случае совершения преступления на фоне сильного морального истощения виновного, вызванного постоянным уходом за больным). На необходимость выявления всех обстоятельств совершения преступлений против инвалидов было обращено внимание Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации (Определение от 18 января 2022 года № 127-УД21-22-А3) ([Электронный ресурс] - URL: <https://consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=699605#xrF3D5UO4H3z8Y1g1>)).

Так, рассуждая о бытовом насилии в отношении инвалидов нами определены следующие общие характеристики личности преступника – это лица, находящиеся в окружении инвалида (близкие родственники, родственники, близкие лица, работники учреждения, в котором проходит лечение или обучение инвалид, опекуны, педагоги специализированных учреждений, социальные работники), для которых характерна вспыльчивость, раздражительность, агрессивное реагирование на поведение или просьбы инвалида, они имеют низкий уровень исполнительности взятых на себя обязанностей по защите и помощи в поддержании жизнедеятельности. При этом количество совершаемых насильственных действий существенно превышает при наличии у инвалида психических недостатков, что связано с раздражительностью и вспыльчивостью виновных на проявляющиеся нарушения эмоционально-волевой сферы. При этом в условиях, когда потерпевший не может самостоятельно сообщить о совершаемых в отношении него преступлениях, свойственны неоднократность таких насильственных действий и их длящийся характер.

Если насильственное преступление не связано с бытовым насилием, то в данном случае инвалид выбирается в качестве жертвы лицом, как правило, ранее судимым за совершение насильственных преступлений, либо совершенных из хулиганских побуждений в целях самоутверждения, ради популярности или повышения рейтинга в социальных сетях.

При анализе уголовных дел о преступлениях корыстной (имущественной) направленности также имеются особенности личности преступника в зависимости от того, входит ли виновный в круг общения инвалида, либо умысел возникает у лица, впервые увидевшего потерпевшего и решившего воспользоваться его состоянием,

которое в ряде случаев может указывать на беспомощность или беззащитность.

Если это близкий и знакомый инвалиду, то возраст преступника может быть от 14 до 40 лет. Лицо имеет доступ к месту проживания инвалида и оказывает ему социальные услуги, помогает в жизнедеятельности. В основном умысел таких лиц направлен на хищение пособий, пенсий, социальных выплат, прав на недвижимое имущество инвалида. Таким людям присуще стойкое чувство безнаказанности за совершенное преступление, поскольку они знают о невозможности потерпевшего заявить о совершенном преступлении в силу зависимого от виновного положения либо недостаточного осознания противоправности совершаемых действий.

При иных преступлениях имущественной направленности выявлен возраст от 16 до 40 лет, в основном – это мужчины, использующие физические или психические недостатки потерпевшего в качестве способа упрощения достижения корыстных целей. Для таких лиц свойственно чувство безнаказанности, низкий уровень правосознания, они ранее судимые за совершение имущественных или насильственных преступлений, злоупотребляющие алкогольными напитками, не имеют стабильного заработка, отнесены к группе лиц с низким социальным уровнем.

При профилактике преступлений данной направленности индивидуальная работа также должна строиться в зависимости от того, кем совершено преступление (лицом из ближнего окружения или жертва выбрана случайно). Считаем целесообразным предусмотреть дополнительные гарантии и повышенный контроль за расходованием пособий, социальных выплат и пенсий лицами, на опеке или содержании которых находится инвалид. При второй ситуации полагаем важным усилить охрану имущества инвалидов, особенно если это связано с техническими средствами реабилитации инвалидов (например, кресел-колясок, собак-проводников, протезов и т.д.)

Так, при разработке профилактических мер преступлений вышеуказанных групп, следует учитывать специфику совершаемых преступлений на бытовой почве и при иных обстоятельствах, уделяя большое внимание психологическим характеристикам лиц, привлекаемым для оказания помощи инвалиду, особенно имеющему психические недостатки, а также причиняющим боль и страдание из хулиганских побуждений и повышения рейтинга в социальных сетях. Вследствие чего, целесообразным представляется дополнение как положений ст. 213 УК РФ, так и иных составов преступлений насильственной и имущественной направленности квалифицирующим признаком в виде совершения преступления в отношении инвалида, а также предусмотреть дополнительную защиту от нападения на лиц, непосредственно оказывающих услуги ассистента (помощника) или персональную помощь инвалидам в передвижении, ориентации или коммуникации, расширив перечень обстоятельств, отягчающих наказание (ч. 1.1 ст. 63 УК РФ).

По уголовным делам коррупционной направленности выявлена особенность некоторых личностных характеристик преступников. Как правило, это мужчины, с высшим образованием, сотрудники медицинских организаций, специалисты экспертных бюро, имеющие право признания лица инвалидом или определения в установленном законодательством Российской Федерации порядке права на соответствующие меры социальной защиты, включая реабилитацию, стремящиеся к наживе за счет денежных средств, получаемых за «помощь» либо констатацию законности основания для статуса «инвалид». У таких лиц искажены нравственные устои, отсутствуют нормы морали, превалирует в поведении пренебрежительное отношение к уголовно-правовым запретам, характерно чувство безнаказанности за совершенные деяния. Поэтому такие

преступления ими совершаются неоднократно как в отношении лиц, имеющих право на получение инвалидности, так и лиц, хотя и не имеющих такого права, но рассчитывающих на увеличение материальных выплат за счет предоставления заведомо ложных документов, свидетельствующих о наличии или перенесенных заболеваниях, ограничивающих жизнедеятельность и вызывающих необходимость социальной защиты.

Далее, следует обратить внимание и на категорию жертв преступлений указанной направленности из числа военнослужащих, получивших травмы в результате несения службы и пытающихся оформить инвалидность, необходимость выделения которой диктуют современные реалии событий, происходящих на присоединенных к Российской Федерации территориях и в непосредственной близости. Однако, фиксация преступлений коррупционной направленности в отношении данной группы инвалидов не является предметом учета Министерства обороны Российской Федерации (Обзор некоторых правонарушений коррупционной направленности, связанных с получением (дачей) взятки, в Вооруженных Силах Российской Федерации за пять месяцев 2019 года. Официальный сайт Министерства обороны Российской Федерации. [Электронный ресурс] - URL: <https://stat.mil.ru/fnti-corruption/violations.htm>), что представляется неоправданным упущением.

К качестве профилактических мер предупреждения преступлений в отношении военнослужащего, нуждающегося в присвоении статуса инвалида вследствие произошедших с ним обстоятельств, на наш взгляд, следует ввести индивидуальное консультирование лица, получившего травму, а также совершеннолетних членов его семьи с разъяснением особенностей оформления инвалидности, специфики влияния полученной травмы на поведение лица и способы принятия такого состояния близкими, порядка оказания ему помощи и предупреждением о возможных рисках стать жертвой противоправного поведения с разъяснением алгоритма действий или поведения, позволяющих своевременно предупредить такое развитие событий. В случае же морального истощения необходимо детализировать порядок получения психологической помощи как самим военнослужащим, так и его близкими.

Выводы.

Таким образом, признание самостоятельного межотраслевого направления виктимологии – «виктимологии инвалидов», позволит не только выявить наиболее уязвимую категорию лиц, но и определить особенности личности преступника. С учетом анализа уголовных дел и результатов авторского исследования можно выделить три наиболее распространенные группы преступлений, при совершении которых преступник выбирает жертву именно с учетом ограничения состояния здоровья, не позволяющего оказать должное сопротивление или своевременно сообщить в правоохранительные органы о совершаемых (совершенных) в отношении них общественно опасных деяний. К данным группам относятся преступления насильственной, корыстной (имущественной) и коррупционной направленности. Каждая из этих групп имеет свои подгруппы, связанные с особенностями общения с инвалидом, нахождения с ним рядом, либо продиктованные спонтанностью принятия решения в связи с осознанием отсутствия должного сопротивления.

Выделение групп преступной направленности совершаемых в отношении инвалидов, изучение личности жертвы и преступника, позволит выявить детерминанты преступности в отношении лиц с инвалидностью, наметить ориентиры профилактической работы, направленные на снижение количества совершаемых преступных посягательств, минимизировать латентность преступлений совершаемых в отношении рассматриваемой

категории. В целях обеспечения должной правовой защиты жертв-инвалидов, считаем значимым и необходимым расширить в уголовном и уголовно-процессуальном законе категорию лиц находящихся в беспомощном или беззащитном состоянии, дополнив инвалидов всех групп, при установлении факта невозможности самостоятельно реализовать свои потребности и защитить себя, а также противостоять действиям виновного.

Библиография

1. Госькова Д.Ж. Беспомощность потерпевшего: теоретические воззрения и правоприменительная практика // Правоведение. 2023. Т. 7, № 2. С. 130.
2. Кабанов П.А. Современная криминологическая виктимология: тенденции и некоторые перспективы направления развития // Виктимология. 2017. № 3 (13). С. 5-15.
3. Кабанов П.А. Криминальная виктимность лиц с ограниченными физическими возможностями (инвалидов первой и второй группы): статистическое измерение 2014-2015 гг. // Юридические исследования. 2016. № 6. С. 1-11. DOI: 10.7256/2409-7136.2016.6.19421 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=1942
4. Кочин А.А., Харламов В.С. Современный виктимологический портрет физического лица, пострадавшего от преступления // Российский следователь. 2021. № 12. С. 68-72.
5. Михайловская О.В. Уголовно-правовая охрана лица, находящегося в беспомощном состоянии. Москва: ООО «Издательство Юнити-Дана», 2021.-207 с.
6. Муллахметова Н.Е. Жертвы преступлений с психическими расстройствами: виктимологический и уголовно-процессуальный аспекты // Виктимология. 2017. № 2(12). С. 46-50.
7. Чакиев М.А. Анализ зарубежного опыта по предупреждению преступности в отношении инвалидов // Научное обеспечение раскрытия, расследования и предупреждения преступлений : Материалы Всероссийской научно-практической конференции к юбилею доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации Александра Алексеевича Протасевича, Иркутск, 15 декабря 2022 года. Иркутск: Байкальский государственный университет. 2023. С. 221-226.
8. Чакиев М.А. Сравнительно-правовой анализ зарубежного опыта по предупреждению преступности в отношении лиц с инвалидностью // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2023. № 4. С. 100-106.
9. Чакиев М.А. Инвалидность, как предпосылка совершения преступлений коррупционной направленности // Органы внутренних дел в системе противодействия коррупционной преступности: Материалы внутриведомственного круглого стола, Санкт-Петербург, 08 декабря 2023 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 286-292.
10. Шестаков Д.А. Введение в криминологию закона. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс. 2011. С. 75.
11. Шидула И.Р. Проблемные вопросы ответственности за насильственные преступные посягательства против лиц, находящихся в беспомощном состоянии, в уголовном законодательстве зарубежных стран // Международное уголовное право и международная юстиция. 2017. № 2. С. 22-25.

12. Шидула И. Р. Теоретические и практические проблемы определения понятия «беспомощное состояние» в уголовном праве России / И. Р. Шидула // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2016. – № 3(25). – С. 78-81.
13. Scott S. D., Hirschinger L. E., Cox K. R., et al. (2009). The natural history of recovery for the health care provider «second victim» after adverse patient events. Qual Saf Health Care. 18. P. 325 – 330.
14. Seeley K., Tombari M.L., Bennett L.J., & Dunkle J.B. (2009). Peer Victimization in Schools: A Set of Quantitative and Qualitative Studies of the Connections Among Peer Victimization, School Engagement, Truancy, School Achievement, and Other Outcomes. National Center for School Engagement. 1. P. 13 – 46.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, виктимологическая характеристика жертвы-инвалида и личности преступника, совершающего преступления в отношении инвалидов. Название работы нуждается в корректировке: в статье речь идет о характеристике личности не только жертвы-инвалида, но и преступника, поэтому объединять эти две характеристики в одну и называть ее виктимологической неверно. В качестве варианта наименования работы можно предложить следующий: "Виктимологический портрет инвалида и его связь с характеристикой личности преступника, совершающего преступления в отношении инвалидов".

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования не подлежит сомнению и обосновывается им следующим образом: "Одним из направлений виктимологии считаем должна стать виктимология инвалида, под которой мы пониманием межотраслевое направление криминологии, поддерживая в данном случае Д. А. Шестакова [7], изучающее особенности выбора жертвой лицо, имеющее очевидные признаки нарушения здоровья со стойким расстройством функций организма, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость социальной и правовой защиты. Такое направление поможет выработать наиболее эффективные меры защиты инвалидов – одного из уязвимых и незащищенных слоев населения. Ведь данное направление виктимологии только начинает формироваться [4, с. 46-47; 5; 6], несмотря на более активные научные исследования и способы защиты лиц с физическими и психическими недостатками в трудах зарубежных авторов [8; 9; 10]. Особого внимания заслуживают лица, которые из-за ограничений жизнедеятельности не способны в полной мере самостоятельно обеспечить свою защиту и реализовать имеющийся правовой статус инвалида, в том числе в связи с невозможностью самостоятельно собрать необходимые документы для проведения соответствующей экспертизы и получения официального статуса инвалида. Важность и необходимость комплексного исследования данной группы населения неоднократно высказывалась учеными [2]. Общая численность официально числящихся инвалидов в России в 2021 году, в соответствии со сведениями Федеральной службы государственной статистики о положении инвалидов (URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964>), составила 11 631 000 человек, в 2022 году – 11 331 000 человек, в 2023 году – 10 933 000 человек. Несмотря на имеющуюся тенденцию к сокращению количества инвалидов, следует отметить, что с

2020 года наблюдается увеличение количества детей-инвалидов. Так, в 2020 году статус ребенка-инвалида был установлен 688 детям, в 2021 году – 704 детям, в 2022 году – 729 детям, в 2023 году – 722 детям. С учетом проводимой специальной военной операции можно прогнозировать увеличение количества лиц, получивших стойкое расстройство функций организма в результате военных травм, пресечения нарушений общественного порядка (контузий, ранений, травм)".

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "Изучение материалов уголовных дел и обзоров судов позволяет выделить три группы преступлений, наиболее часто совершаемых в отношении инвалидов и имеющих специфику выбора преступником жертвы именно из рассматриваемой категории лиц. Они направлены против собственности инвалида, либо его жизни или здоровья, либо на корыстное использование должностных полномочий в своих интересах, т.е. в основном это деяния имущественной, насильственной и коррупционной направленности"; " В зависимости от преступной направленности лиц совершающих преступления, жертва-инвалид характеризуется: 1. По преступлениям корыстной направленности жертва в возрасте 18-60 лет, инвалид 2-3 группы, без выраженных признаков отклонения здоровья, с регулярным источником дохода, с материальным достатком. ... 2. По преступлениям насильственной направленности жертва характеризуется наличием инвалидности 1, 2 группы, выраженными физическими недостатками, психическими отклонениями, низким социальным статусом, узким кругом общения, в большинстве своем насилью подвержены инвалиды в возрасте от 14 лет, преступления против половой неприкосновенности подвергаются представители женского пола в возрасте 12-50 лет, находящиеся в зависимости от преступника" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы вполне логична. Во вводной части статьи автор обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы ученый предлагает виктимологическую характеристику личности инвалида, после чего рассматривает криминологический портрет преступника, совершающего преступления в отношении инвалидов. Также автором предложены профилактические меры, позволяющие уменьшить количество совершаемых преступлений в отношении инвалидов, а также снизить латентность рассматриваемой группы преступлений. В заключительной части статьи содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено некоторых недостатков.

Так, автор пишет: "Одним из направлений виктимологии считаем должна стать виктимология инвалида, под которой мы пониманием межотраслевое направление криминологии, поддерживая в данном случае Д. А. Шестакова [7], изучающее особенности выбора жертвой лицо, имеющее очевидные признаки нарушения здоровья со стойким расстройством функций организма, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость социальной и правовой защиты" - данное сложное предложение необходимо разбить на простые, что позволит избежать стилистических ошибок, затемняющих его смысл. Следует избегать категорических утверждений во вводной части статьи (в ней могут быть предложены научные гипотезы). Дефиницию понятия "виктимология инвалида" необходимо обособить в отдельном предложении и обратить внимание на согласование слов.

Ученый пишет: "Для исследования виктимности инвалидов, причин и условий преступности, совершенствования превентивных мер, наряду с личностью самого

преступника, необходимо изучение личности потерпевшего-инвалида, его поведения, предшествующее преступному деянию" - третья и четвертая запятые являются лишними; "предшествующего".

Автор указывает: "Зачастую причинами совершения преступления является поведение самой жертвы, которое провоцирует виновное лицо на противоправное действие". Безусловно, поведение жертвы может спровоцировать преступника (т.е. стать условием совершения преступления), но само по себе оно не может быть его причиной. Более корректной будет следующая формулировка предложения: "Зачастую провоцирующим фактором совершения преступления является поведение самой жертвы".

Ученый отмечает: "Изучение материалов уголовных дел и обзоров судов позволяет выделить три группы преступлений, наиболее часто совершаемых в отношении инвалидов и имеющих специфику выбора преступником жертвы именно из рассматриваемой категории лиц. Они направлены против собственности инвалида, либо его жизни или здоровья, либо на корыстное использование должностных полномочий в своих интересах, т.е. в основном это деяния имущественной, насильственной и коррупционной направленности" - отсутствует ссылка на источники информации (обзоры судебной практики и т.п.).

Автор пишет: "Пострадавшими от таких преступных деяний могут быть как сами лица с ограниченными возможностями здоровья, так и их законные представители, занимающиеся вопросами оформления статуса «инвалид» лицам, которые по своим физическим, психическим особенностям, либо несовершеннолетнего возраста не могут самостоятельно этого сделать" - "либо в силу несовершеннолетнего возраста" (пропущено слово).

Ученый отмечает: "В целом, при бытовом насилии в отношении инвалидов нами выявлены общие характеристики личности преступника: лица, находящиеся в окружении инвалида (близкие родственники, родственники, близкие лица, работники учреждения, в котором проходит лечение или обучение инвалид, опекуны, педагоги специализированных учреждений, социальные работники), для которых характерна вспыльчивость, раздражительность, агрессивное реагирование на поведение или просьбы инвалида, они имеют низкий уровень исполнительности взятых на себя обязанностей по защите и помощи в поддержании жизнедеятельности. При этом количество совершаемых насильственных действий существенно превышает при наличии у инвалида психических недостатков, чем физических. Это связано с раздражительностью и вспыльчивостью виновных на проявляющиеся нарушения эмоционально-волевой сферы" - отсутствуют ссылки на эмпирическую базу, на основании изучения которой автор пришел к данным выводам. Любые положения работы должны аргументироваться.

Автор предлагает внесение изменений в уголовное законодательство в том числе "... путем включения в ст. 213 УК РФ квалифицирующего признака «в отношении беззащитного или беспомощного лица, в том числе инвалида». При этом не предложено дефиниций понятий "беззащитное лицо", "беспомощное лицо". Между тем это важно в целях идентификации таких лиц.

Инициалы ставятся перед фамилией автора. В оформлении работы должен соблюдаться принцип единообразия.

Следует избегать англицизмов при наличии в русском языке слов-аналогов ("хайп").

Статья нуждается в тщательном вычитывании с привлечением специалиста-филолога! В ней встречается множество опечаток, орфографических, пунктуационных, стилистических ошибок (приведенный в рецензии перечень опечаток и ошибок не является исчерпывающим).

Библиография исследования представлена 12 источниками (монографиями

и научными статьями), в том числе на английском языке. С формальной точки зрения этого вполне достаточно, но некоторые положения работы нуждаются в уточнении.

Апелляция к оппонентам отсутствует, что недопустимо для научной статьи. Автор не вступает в научную дискуссию с конкретными учеными; положения работы не всегда обосновываются в должной степени.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Таким образом, признание самостоятельного междотраслевого направления виктимологии – «виктимологии инвалидов», позволит не только выявить наиболее уязвимую категорию лиц, но и определить особенности личности преступника. С учетом анализа имеющихся уголовных дел и статистических данных о состоянии преступности можно выделить три наиболее распространенных направления преступлений, при совершении которых преступник выбирает жертву именно из-за ее беспомощного и беззащитного состояния, не позволяющего дать должное сопротивление или своевременно сообщить в правоохранительные органы о совершаемых в отношении них общественно опасных деяниях. Это преступления насильственной, корыстной (имущественной) и коррупционной направленности. Каждая из этих групп имеет свои подгруппы, связанные с особенностями общения с инвалидом, нахождения с ним рядом, либо продиктованные спонтанностью принятия решения в связи с осознанием отсутствия должного сопротивления. Тщательное исследование личности жертвы и преступника позволит выработать наиболее эффективные профилактические меры, позволяющие не только уменьшить количество совершаемых преступлений в отношении инвалидов, но и снизить латентность рассматриваемой группы преступлений"), обладают свойствами достоверности и обоснованности, и, безусловно, заслуживают внимания научного сообщества, но нуждаются в стилистической правке. Так, автор пишет: "С учетом анализа имеющихся уголовных дел и статистических данных о состоянии преступности можно выделить три наиболее распространенных направления преступлений, при совершении которых преступник выбирает жертву именно из-за ее беспомощного и беззащитного состояния, не позволяющего дать должное сопротивление или своевременно сообщить в правоохранительные органы о совершаемых в отношении них общественно опасных деяниях" - термин "направления преступлений" не является юридическим. Правильнее говорить о группах преступлений. Также сопротивление "не дается", а "оказывается".

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере уголовного права, криминологии, виктимологии при условии ее доработки: уточнении наименования работы, раскрытии методологии исследования, уточнении и конкретизации отдельных положений работы, введении элементов дискуссионности, устранении нарушений в оформлении статьи.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. В рецензируемой статье «Личность преступника, совершающего преступления в отношении инвалидов, и виктимологическая характеристика жертвы-инвалида» предметом исследования являются нормы уголовного права, квалифицирующие преступления в отношении лиц с инвалидностью как общественно опасные деяния в отношении социально незащищенной категории лиц. Также автор уделяет внимание вопросу о провоцирующем факторе совершения преступления в

отношении инвалида – это поведение самой жертвы.

Методология исследования. В ходе написания статьи использовались современные методы исследования: общенаучные и частные. Методологический аппарат составили следующие диалектические приемы научного познания: абстрагирование, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия, синтез, исторический, теоретико-прогностический, формально-юридический, системно-структурный, правового моделирования, а также, можно отметить применение типологии, классификации, систематизации и обобщения.

Актуальность исследования. Актуальность темы статьи не вызывает сомнения. Инвалиды – это менее социально защищенная категория граждан. В виктимологии неоднократно поднимались и поднимаются вопросы о таком виде потерпевших (жертвах) от преступления как инвалиды. Особое внимание ученые обращали и обращают на тот факт, что некоторые лица из-за ограничений жизнедеятельности не способны в полной мере самостоятельно обеспечить свою защиту и реализовать свой правовой статус «инвалид», в том числе, в связи с невозможностью самостоятельно собрать необходимые документы для проведения соответствующей экспертизы с целью его надлежащего оформления. Физическое и психическое состояние здоровья отдельных граждан делает их «легкой добычей» для преступников. Автор правильно обозначил проблему: «...Для исследования виктимности инвалидов, причин и условий преступности, совершенствования превентивных мер, наряду с личностью самого преступника, необходимо изучение личности потерпевшего-инвалида, его поведения, предшествующее преступному деянию». Неоднозначность и противоречивость правовых норм и их официального толкования требует дополнительных доктринальных разработок по данной проблематике с целью совершенствования законодательства и практики его применения.

Научная новизна. Не подвергая сомнению важность проведенных ранее научных исследований, послуживших теоретической базой для данной работы, тем не менее, можно отметить, что и в этой статье тоже сформулированы некоторые заслуживающие внимания положения, которые можно оценить как вклад в отечественную науку, например: «...К сожалению, преступления, совершаемые в отношении рассматриваемой категории потерпевших являются одними из самых латентных. Данное обстоятельство обусловлено физическими недостатками либо психическими заболеваниями жертв, не дающими им в полной мере осознавать противоправность совершаемых в отношении них действий либо своевременно информировать правоохранительные органы о совершаемых преступлениях». Однако в завершенном виде позиция автора по поднятой им проблематике не представлена. Так, проведенный анализ по видам преступлений в отношении инвалидов автор оставил без каких-либо выводов, имеющих значение для совершенствования уголовного законодательства и правоприменительной практики. В чем практическая значимость представленной автором классификации преступлений в отношении инвалидов?

Стиль, структура, содержание. В целом статья написана научным стилем с использованием специальной терминологии. Содержание статьи соответствует ее названию. Соблюдены требования по объему статьи. Представляется неуместной ссылка в тексте статьи на собственное диссертационное исследование автора.

В качестве замечаний можно отметить:

1. Введение к статье нуждается в доработке, поскольку не соответствует требованиям, предъявляемым к данной части научной статьи.
2. Заключительную часть статьи следует доработать, конкретно сформулировать выводы по основным результатам исследования. Представить собственную аргументированную позицию по обозначенной проблематике.
3. Считаю, что нуждаются в разъяснении аббревиатуры при первом упоминании.

4. Встречаются в тексте грамматические (а именно, пунктуационные) ошибки, в частности, не везде соблюдаются правила расстановки знаков препинания. Отмечается несогласованность окончаний в словах в предложениях (например, «...что инвалиды 1, 2 группы в большинстве подвергалась...» и др.).

5. В тексте при ссылках на мнения других авторов не везде корректное упоминание ФИО, например: Михайловская (без указания инициал).

Замечания носят устранимый характер и не умаляют результаты проделанной автором работы.

Библиография. Автором использовано достаточное количество доктринальных источников, включая публикации последних лет. Ссылки на источники оформлены с соблюдением требований библиографического ГОСТа.

Апелляция к оппонентам. Автором приводятся разные точки по отдельным аспектам заявленной им тематики.

Выводы, интерес читательской аудитории. Представленная на рецензирование статья «Личность преступника, совершающего преступления в отношении инвалидов, и виктимологическая характеристика жертвы-инвалида» может быть рекомендована к опубликованию с условием ее доработки, поскольку, хотя в целом и отвечает требованиям, предъявляемым к научным статьям журнала «Юридические исследования», но имеются отдельные замечания. Публикация по данной теме могла бы представлять интерес для широкой читательской аудитории, прежде всего, специалистов в области уголовного права, криминологии, виктимологии, а также, могла бы быть полезна для преподавателей и обучающихся юридических вузов и факультетов.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «Личность преступника, совершающего преступления в отношении инвалидов, и виктимологическая характеристика жертвы-инвалида».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам криминологической характеристики преступлений, потерпевшими по которым являются жертвы-инвалиды, к которым автор статьи относит, прежде всего, «лицо, имеющее очевидные признаки нарушения здоровья со стойким расстройством функций организма». Автор выявляет факт не должного рассмотрения заявленного вопроса в науке, а также предлагает решение некоторых теоретических проблем. В качестве предмета исследования выступают, прежде всего, положения законодательства, материалы судебной практики, мнения ученых.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье не заявлена. При этом она может быть ясно понята из названия и содержания работы. Цель может быть обозначена в качестве рассмотрения и разрешения отдельных проблемных аспектов вопроса о характеристике личности преступника, совершающего преступления в отношении инвалидов, а также виктимологическая характеристике жертвы-инвалида. Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования.

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и

синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике, а также сделать конкретные выводы из материалов судебной практики.

Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся формально-юридический метод, который позволил провести анализ и осуществить толкование норм действующего законодательства (прежде всего, норм УК РФ). Например, следующий вывод автора: «Так, при разработке профилактических мер преступлений вышеуказанных групп, следует учитывать специфику совершаемых преступлений на бытовой почве и при иных обстоятельствах, уделяя большое внимание психологическим характеристикам лиц, привлекаемым для оказания помощи инвалиду, особенно имеющему психические недостатки, а также причиняющим боль и страдание из хулиганских побуждений и повышения рейтинга в социальных сетях. Вследствие чего, целесообразным представляется дополнение как положений ст. 213 УК РФ, так и иных составов преступлений насильственной и имущественной направленности квалифицирующим признаком в виде совершения преступления в отношении инвалида, а также предусмотреть дополнительную защиту от нападения на лиц, непосредственно оказывающих услуги ассистента (помощника) или персональную помощь инвалидам в передвижении, ориентации или коммуникации, расширив перечень обстоятельств, отягчающих наказание (ч. 1.1 ст. 63 УК РФ)».

Следует положительно оценить возможности эмпирического метода исследования, связанного с изучением материалов судебной практики. В частности, отметим следующий вывод автора: «к совершению общественно опасных деяний в отношении лица с инвалидностью побуждают вышеперечисленных лиц низменные мотивы и намерения причинить потерпевшему страдания и мучения. Одним из примеров изложенного служит уголовное дело по преступлению, квалифицированному как убийство, совершенное путем сожжения в доме инвалида, который заведомо для виновной не смог бы выбраться самостоятельно из горящего здания (Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 26 апреля 2023 года № 81-УД23-6СП-А5. ([Электронный ресурс] - URL: <https://consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=home&rnd=oGprw>))».

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема криминологической характеристики преступлений, потерпевшими по которым являются жертвы-инвалиды сложна и неоднозначна. Подобных исследований в криминологии мало, однако они необходимы для полного понимания данной категории преступлений и механизмов их раскрытия. Сложно спорить с автором статьи в том, что «Вне всякого сомнения, введение законодателем беспомощного состояния жертвы преступления в перечень отягчающих ответственность обстоятельств еще положениями Уголовного закона РСФСР от 27 октября 1960 года, позднее, положениями действующего Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), дополненного, в том числе состоянием беззащитности, явилось существенным вкладом в развитие конституционных гарантий защиты потерпевших от преступных посягательств. Однако, в условиях современности, такого вклада объективно недостаточно. Вследствие чего, особого внимания заслуживают лица, которые из-за ограничений жизнедеятельности не способны в полной мере самостоятельно обеспечить свою защиту в разных сферах общественной жизни, в том числе реализовать имеющийся правовой

статус инвалида в виду невозможности самостоятельно собрать необходимые документы для проведения соответствующей экспертизы с целью оформления инвалидности, но при этом не указывающие своим состоянием здоровья на необходимость признания их беспомощными, или, по меньшей мере, беззащитными. Сомнения в необходимости комплексного исследования группы населения, имеющей инвалидность, а равно все основания для ее оформления, рассеиваются неоднократными высказываниями в научной среде о их важности».

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать.

Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод:

«признание самостоятельного межотраслевого направления виктимологии – «виктимологии инвалидов», позволит не только выявить наиболее уязвимую категорию лиц, но и определить особенности личности преступника. С учетом анализа уголовных дел и результатов авторского исследования можно выделить три наиболее распространенные группы преступлений, при совершении которых преступник выбирает жертву именно с учетом ограничения состояния здоровья, не позволяющего оказать должное сопротивление или своевременно сообщить в правоохранительные органы о совершаемых (совершенных) в отношении них общественно опасных деяний. К данным группам относятся преступления насильственной, корыстной (имущественной) и коррупционной направленности. Каждая из этих групп имеет свои подгруппы, связанные с особенностями общения с инвалидом, нахождения с ним рядом, либо продиктованные спонтанностью принятия решения в связи с осознанием отсутствия должного сопротивления».

Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Во-вторых, автором предложены идеи по поводу профилактических мер. Так, важен следующий авторский вывод:

«Выделение групп преступной направленности совершаемых в отношении инвалидов, изучение личности жертвы и преступника, позволит выявить детерминанты преступности в отношении лиц с инвалидностью, наметить ориентиры профилактической работы, направленные на снижение количества совершаемых преступных посягательств, минимизировать латентность преступлений совершаемых в отношении рассматриваемой категории. В целях обеспечения должной правовой защиты жертв-инвалидов, считаем значимым и необходимым расширить в уголовном и уголовно-процессуальном законе категорию лиц находящихся в беспомощном или беззащитном состоянии, дополнив инвалидов всех групп, при установлении факта невозможности самостоятельно реализовать свои потребности и защитить себя, а также противостоять действиям виновного».

Приведенный вывод может быть актуален и полезен в практической деятельности.

Таким образом, материалы статьи могут иметь определенных интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Юридические исследования», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с криминологической характеристикой преступлений.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, достиг цели исследования.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной

мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено.

Библиография.

Следует высоко оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России и из-за (Госькова Д.Ж., Кабанов П.А., Кочин А.А., Харламов В.С., Scott S.D., Hirschinger L.E., Cox K.R. и другие). Многие из цитируемых ученых являются признанными учеными в области криминологии. Хотело бы отметить использование автором большого количества материалов судебной практики, что позволило придать исследованию правоприменительную направленность. Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Автор провел серьезный анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. То есть автор показывает разные точки зрения на проблему и пытается аргументировать более правильную по его мнению.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к заявленным автором проблемным моментам.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую опубликовать»

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Остроушко А.В., Чукреев В.А., Букалеров С.А. Уголовная ответственность за сексуальные преступления против несовершеннолетних в США, Канаде и Великобритании // Юридические исследования. 2024. № 3.
DOI: 10.25136/2409-7136.2024.3.70015 EDN: CMSVQT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70015

Уголовная ответственность за сексуальные преступления против несовершеннолетних в США, Канаде и Великобритании

Остроушко Александр Владимирович

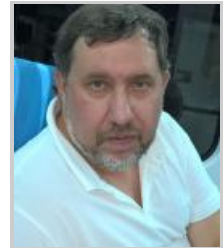
ORCID: 0000-0003-0595-9205

кандидат юридических наук

доцент, Кафедра международного и публичного права, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

109542, Россия, Москва, г. Москва, пер. Щербаковская, 38, оф. 805

✉ ostroushko@mail.ru

Чукреев Вадим Андреевич

ORCID: 0000-0002-1354-5443

кандидат юридических наук

Заместитель прокурора, Прокуратура Свердловской области

620014, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Московская, 21

✉ chukreeva@mail.ru

Букалеров Сергей Александрович

аспирант, кафедра уголовного права и криминологии, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)

127051, Россия, Москва, г. Москва, ул. Большой Каретный, 10а

✉ sergbukalero@yandex.ru

[Статья из рубрики "Уголовный закон и правопорядок"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2024.3.70015

EDN:

CMSVQT

Дата направления статьи в редакцию:

29-02-2024

Аннотация: Предметом исследования являются виды и формы уголовно наказуемого сексуального насилия над детьми, имеющиеся в законодательстве Соединенных Штатов Америки, Канады и Великобритании. Автор подробно рассматривает описания круга лиц, которые могут быть субъектами сексуальных деяний с несовершеннолетними, закрепленные в различных правовых нормах указанных стран. Проводится их сравнительная характеристика, выявляются положительные тенденции, которые могут быть имплементированы в уголовное законодательство Российской Федерации. Рассматриваются неизвестные российской правовой доктрине понятия "изнасилование по закону" и "возраст сексуального согласия". Выявлено, что в большинстве юрисдикций под угрозой уголовного наказания запрещены сексуальные отношения между людьми, когда дисбаланс сил в отношениях подразумевает принуждение, сюда входят ситуации, в которых участвуют родитель и ребенок или учитель и ученик. Исследованы вопросы компенсации вреда, нанесенного несовершеннолетним, пострадавшим от сексуальных действий. Опираясь в целом на диалектический метод познания окружающей действительности, исследование основывается на компаративном анализе положений уголовных законов США, на примере статутов различных штатов, Канады и Великобритании по противодействию сексуального насилия над детьми. Основными выводами проведенного исследования являются: законодательство англосаксонских стран признает разного рода сексуальные злоупотребления в отношении несовершеннолетних признает деяниями, обладающими особой общественной опасностью: строгость и эффективность наказания за указанные деяния довольно высокая; степень разработанности дефиниций касательно половых преступлений более обширное и подробное, закреплено в нормах уголовных законов. Легально даны понятия и определена мера ответственности за такие деяния с несовершеннолетними как инцест, содомия, мужеложство, оральное совокупление, детально описаны вилы непристойных или похотливых действий и ряд иных. Заслуживает внимания нормативно предусмотренная дополнительная гражданско-правовая ответственность взрослого, вступившего в половой акт с несовершеннолетним в виде денежной компенсации. Законодательство зарубежных стран способно обогатить отечественные нормы уголовного кодекса в случае имплементации отдельных содержательных положений.

Ключевые слова:

США, Канада, Великобритания, уголовный закон, несовершеннолетние, сексуальные преступления, инцест, противодействие, ответственность, имплементация

До настоящего времени российское законодательство не содержит детального описания видов и форм уголовно наказуемого насилия над детьми, в частности, нет нормативного определения термина «иные действия сексуального характера», что порождает правоприменительные сложности. Проблемой также следует признать факт отсутствия нормативно закрепленного запрета инцеста. В этой связи, для создания оптимальной модели противодействия сексуальным преступлениям против несовершеннолетних в нашей стране, считаем возможным обратиться к положительному опыту законодателей зарубежных стран. В данной статье авторы исследовали нормы уголовных законов Канады, Великобритании и ряда штатов США. Все страны относятся к англосаксонской семье права, которая характеризуется детальной дифференциацией уголовной

ответственности за преступления против половой неприкосновенности и общественной нравственности несовершеннолетних, а также довольно суровыми мерами уголовной ответственности за указанные деяния.

В работе использованы классические для юридических исследований методы познания, во всей их совокупности наибольшее прерогатива отдавалась методам: компаративистскому, формально-логическому, юридического анализа, исследования документов, а также контент-анализу материалов правоприменительной практики, статистических отчетов, материалов средств массовой информации. Использование указанных методов познания позволило определить современные направления обеспечения половой неприкосновенности несовершеннолетних, обосновать предложения по повышению ее эффективности путем имплементации позитивного зарубежного опыта с учетом современных тенденций формирования уголовной политики нашей страны.

Исследование ответственность за преступления, связанные с сексуальной эксплуатацией и сексуальными злоупотреблениями несовершеннолетних, в странах англосаксонской системы ранее уже проводилось. Так общие вопросы противодействия в Соединенных Штатах Америки преступлениям, совершаемым на сексуальной почве, исследовались А.Я. Авдаляном [\[1\]](#).

В частности, А. Г. Донченко и А. А. Токарева признавали вопросы «сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений несовершеннолетних как глобальную проблему нашего общества» [\[2, С. 54\]](#). Ненасильственные посягательства на половую неприкосновенность несовершеннолетних по уголовному праву зарубежных стран были предметом исследования А.А. Бимбинова [\[3, С. 156\]](#). Особенности регламентации уголовной ответственности за преступления против половой свободы и половой неприкосновенности, совершаемые в отношении несовершеннолетних обобщены в статье А. В. Маслова и Н. В. Пядухова [\[4\]](#). Ряд частных вопросов защиты половой неприкосновенности несовершеннолетних в зарубежных странах рассматривали В.В. Стальбовский – возраст полового согласия [\[5\]](#), М. В. Берченева – институт обоюдного согласия [\[6\]](#), А.А. Николенко – превентивные меры [\[7\]](#). А.Н. Каменева на основании анализа зарубежного опыта предлагала ввести уголовную ответственность за половые отношения между близкими родственниками, однако ее позицию можно признать лишенной конкретики [\[8\]](#) и не соответствующей современному состоянию уголовно-правовой политике. Среди зарубежных исследователей уголовно-правовых мер защиты половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних хочется отметить труды Руби Эндрю [\[9\]](#), Дженнифер Фостер Дэвида Карсона [\[10\]](#).

Новизна данной работы заключается в том, что авторы, исследуя ответственность за сексуальные преступления против несовершеннолетних, особое внимание уделили уголовно-правовым мерам противодействия педофильному инцесту в законодательстве США и Канаде и Великобритании. Ранее вопросы педофильного инцеста не становились предметом исследования отечественных ученых. В работах зарубежных авторов эти проблемы чаще исследуются представителями не юридической, а психологических и медицинский наук.

Согласно результатам зарубежных исследований, инцест является самой распространенной формой сексуального насилия над детьми, сопровождающейся наиболее тяжелыми последствиями. По данным ВОЗ, «каждая третья взрослая женщина

и каждый пятый взрослый мужчина подвергались воздействию одного или нескольких форм сексуального насилия в детстве или подростковом возрасте, и подавляющее большинство этих злоупотреблений носили внутрисемейный характер» [\[11, С. 204\]](#).

Еще в 1979 г. в США D. Russell опросила более 900 случайно отобранных женщин в Сан-Франциско о их детских переживаниях и обнаружила, что «38% из них были жертвами сексуальных домогательств со стороны родственников». Исследования, проведенные в США и Великобритании, показали, что от 20 до 30% женщин и 10% мужчин в детстве подвергались разного рода сексуальным злоупотреблениям, причем в 45% случаев — со стороны членов семьи. При этом, как и во всех странах, педофильный инцест совершают как родственники, так и лица, проживающие с родителями жертв (сожителю родителей).

В США достаточно распространены случаи насилия над усыновленными детьми [\[12, С. 140\]](#). По данным D. Finkelhor, «наибольшему риску сексуального растления в малолетнем возрасте подвергаются девочки, воспитывающиеся в семьях с отчимом» [\[13, С. 24\]](#), а по данным K. Meisselman «не существует случаев женских гомосексуальных отношениях внутри нуклеарной семьи. Исследование множественных моделей инцеста подчеркивает, что более распространено инцестное поведение отцов, по отношению не к родным, а к приемным дочерям» [\[14, С. 201\]](#).

В законодательстве Соединенных Штатов отношение к инцесту в конкретных штатах не одинаково. Наиболее суровые наказания за инцест применяются в Массачусетсе, Вирджинии, Техасе и Орегоне, где инцест наказывается лишением свободы на срок до двадцати лет, Джорджии, где данное деяние карается тридцатью годами тюремного заключения, Висконсине, где наказание за инцест составляет до сорока лет лишения свободы, и в штатах Колорадо, Невада, Монтана, Айдахо и Мичиган, где за инцест применяются наказания вплоть до пожизненного заключения [\[15\]](#).

В штате Колорадо наказываются лишением свободы на срок от двух до шести лет и денежным штрафом от 2 000 долларов США до 500 000 долларов США нарушения следующих запретов: вступление в брак; сексуальное проникновение, вторжение или контакт с предком или потомком. При этом понятие «потомок» имеет расширенное толкование и включает не только рожденного естественным путем ребенка, а также ребенка, вошедшего в семью после усыновления. К ним относятся пасынки, полнородные и неполнородные братья и сестры. Сюда же причисляются все дяди, тети и племянники. При наличииотягчающих обстоятельств наказание усиливается, и преступники получают лишение свободы от четырех до двенадцати лет и штраф от 3 000 долларов США до 750 000 долларов США. Осуждение за «инцест или инцест при отягчающих обстоятельствах также приводит к пожизненному надзору в соответствии с Законом о пожизненном надзоре за сексуальными преступниками 1998 года, еще виновный получает пожизненную электронную маркировку» [\[16\]](#).

Несовершеннолетние не достигшие «возраста согласия» в США не могут соглашаться на секс со взрослым (если они не состоят в законном браке). Таким образом, любая форма сексуальной активности с участием взрослого и несовершеннолетнего может нарушать закон. Это верно даже в том случае, если ребенок не препятствует половому акту и такой сексуальный контакт с лицом, не достигшим «возраста сексуального согласия», считается изнасилованием, и именуется специальным термином - «изнасилование по закону».

Термин «изнасилование по закону» применяется к отношениям, связанным с

положением преступника в его отношениях с жертвой. Во многих штатах запрещены сексуальные контакты между людьми, когда дисбаланс сил в отношениях подразумевает наличие определенной власти над жертвой. Сюда входят ситуации, в которых участвуют родитель и ребенок, а также педагог, представитель служб безопасности или администрации учебного заведения с одной стороны, и ученик с другой. Хочется заметить, что в США есть штаты, где термин «изнасилование по закону» не используется, а вместо этого деяние квалифицируется как сексуальное насилие, развращение несовершеннолетнего или половое сношение с ребенком. Таким образом можно сделать вывод, что юридическая терминология в США варьироваться от штата к штату [\[17\]](#).

Нами выявлено, что в различных штатах отсутствует единый подход к возможности привлечения лиц, связанных родственными связями с жертвой сексуального насилия, в качестве субъектов половых преступлений. В качестве примера приведем, в штате Айдахо прелюбодеяние лиц, связанных любым кровным родством, наказывается вплоть до пожизненного заключения, а в штате Нью-Йорк в соответствии с решением Высшего суда штата от 2014 года браки дяди и племянницы-полукровки признаются легальными [\[18\]](#). В Штате Юта «половой акт лица, который является предком, потомком, братом, сестрой, дядей, тетей, племянником, племянницей или двоюродным братом, несовершеннолетнего, наказывается штрафом до 5000 долларов» [\[15\]](#).

Классическое представление в Америке об «изнасиловании» — это насильственный сексуальный контакт, но в некоторых штатах изнасилование представляет собой только классический половой акт, где под принуждением совершается половое сношение с женщиной или ребенком. В штатах могут использовать не совпадающие законодательные акты, с различной терминологией, но все они запрещают принудительные сексуальные действия (будь то вагинальный, оральный или анальный секс). В случае «изнасилования по закону» применение силы или угроз не является обязательным элементом состава преступления.

«Изнасилование по закону», как правило, включает в себя несовершеннолетнего участника или иное уязвимое лицо, которое, умышленно вступает в сексуальные отношения с взрослым человеком или лицом, которое имеет определенную власть или контроль над ним.

Тем не менее, в делах с несовершеннолетним лицом государство не предполагает согласия, основанного на возрасте ребенка. В результате, правоохранительным органам не нужно доказывать, что правонарушитель знал о возрасте ребенка при применении какой-либо силы или принуждения.

В тех случаях, когда преступник имеет власть над жертвой, многие законы штатов требуют, чтобы было доказано сексуальное поведение в отношениях сторон. Если инцидент включает в себя фактическую силу или принуждение, многие штаты преследуют преступника по более серьезным обвинениям, таким как растление малолетних или изнасилование при отягчающих обстоятельствах.

Большинство законов об изнасиловании базируются на возрасте «законного согласия на секс», который варьируется от штата к штату. Во многих штатах, включая Северную Каролину и Мичиган, «возраст в котором человек может дать законное согласие на секс, составляет 16 лет, но это не догма и существуют штаты, где данный возраст повышен до 17 или 18 лет» [\[15\]](#).

С точки зрения американских законодателей, несовершеннолетние, не достигшие этого

возраста, слишком незрелы, чтобы принять решение, которое может иметь последствия, такие как беременность или заболевание, передающееся половым путем. Общество должно защитить их от сексуальной эксплуатации, для чего секс с ними квалифицируется как преступление. Важно, что «возраст согласия» отличается от «возраста совершеннолетия», который позволяет заключать контракты или голосовать.

Заслуживает внимания законодателя РФ описание круга лиц, которые могут быть субъектами инцеста в законодательстве штата Род-Айленд. Там указано, что «никто не должен вступать в брак со своим братом или сестрой, родителем, бабушкой и дедушкой, ребенком, внуком, отчимом, супругом бабушки и дедушки, ребенком супруга, внуком супруга, ребенком брата или сестрой родителя»^[19]. В данном штате отсутствует уголовное наказание за инцест, по обоюдному согласию между людьми в возрасте шестнадцати лет и старше. В Род-Айленде криминализируются только кровосмесительные браки.

Проанализируем нормы уголовных законов двух штатов США - Северной Каролины и Калифорнии. Важно отметить, текст статей двух рассматриваемых документов, защищающих детей от посягательств на половую неприкосновенность, существенно разнится. Так, § 14-27.1 УК Северной Каролины содержит определения, в частности, «половой акт означает куннилингус, фелляцию, анилингус, или анальный половой акт, но не включает вагинальный половой акт. Половой акт также означает проникновение, каким бы незначительным оно ни было, какого-либо предмета в генитальное или анальное отверстие тела другого лица. Сексуальный контакт - означает прикосновение к половому органу, анусу, груди, паху или ягодицам любого лица, или прикосновение человека к другому человеку его собственным половым органом, анусом, грудью, пахом или ягодицами. Прикосновение означает физический контакт с другим лицом, независимо от того, был ли он осуществлен непосредственно или через одежду лица, совершившего правонарушение, или через одежду потерпевшего»^[20].

В п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 N 16 "О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности" дано более узкое определение преступлениям, предусмотренным статьями 131 и 132 УК РФ, к ним относятся: половое сношение, мужеложство, лесбиянство и иные действия сексуального характера в отношении потерпевшего лица (потерпевшей или потерпевшего), которые совершены вопреки его воле и согласию и с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшему лицу или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшего лица^[21]. При этом нет легального толкования термина «иные действия сексуального характера», что создает трудности в правоприменительной практике.

Статуты Уголовного закона штата Северной Каролины устанавливают две степени тяжести изнасилования, так говорится об изнасиловании первой степени и второй степени.

В § 14-27.2 дается полная характеристика лица виновного в изнасиловании первой степени, который должен быть старше 12 лет и старше жертвы на 4 года. Возраст жертвы - до 13 лет. В § 14-27.3 описан состав изнасилования второй степени, когда изнасилование совершается с насилием и против воли другого лица; или с тем кто является умственно отсталым, умственно недееспособным или физически беспомощным, и лицо, совершающее действие, знает или должно это знать.

Для нас важен § 14-27.7, в котором установлена ответственность за половые сношения и

сексуальные преступления, когда несовершеннолетняя жертва является ребенком виновного, или проживает в доме и виновный имеет над ней опеку или виновный является агентом или сотрудником любого учреждения (частного, благотворительного или государственного) и в его функции входит опека над жертвой. Согласие на секс в данном случае не является защитой от обвинения. В п «b» данного параграфа устанавливается ответственность, если виновный является педагогом, тренером или сотрудником любого другого школьного персонала.

В § 14-27.7 указано, что жертва может быть так же в возрасте 13, 14 или 15 лет, а виновный в данном случае должен быть как минимум на шесть лет старше.

Нигде ранее в законах зарубежных стран нам не встречалось положение, предусмотренное § 14-27.9, где присутствует дефиниция, что «при судебном преследовании не должно быть презумпции того, что лицо, не достигшее 14-летнего возраста, является физически неспособным совершить преступления на сексуальной почве или изнасилование любой степени, или что ребенок мужского пола в возрасте до 14 лет не способен вступать в половой акт»^[20].

Мы можем констатировать, что в штате Калифорния в настоящий момент наиболее развитое уголовное законодательство по ответственности за сексуальные преступления, чем в других штатах США. Глава 1 раздела 9 части первой уголовного кодекса Калифорнии называется «Изнасилование, похищение, плотское надругательство над детьми и совращение» и содержит 8 статей. Понятие изнасилования в Калифорнии такое - это «это половой акт, совершенный при любом из следующих обстоятельств: если лицо, не являющееся супругом лица, совершившего деяние, не способно из-за психического расстройства или умственной или физической инвалидности дать законное согласие, и это известно лицу, совершившему деяние; если оно совершается против воли лица с помощью силы, насилия, принуждения, угрозы или страха перед немедленным и незаконным нанесением телесных повреждений этому или другому лицу; если лицо не может сопротивляться под опьяняющим или анестезирующим веществом и это состояние было известно или должно было быть известно обвиняемому; если лицо в это время не осознает характера деяния и это известно обвиняемому»^[22].

Выражение «неосознание характера действия» в законодательстве Калифорнии означает неспособность к сопротивлению и описано очень подробно. Остановимся только на важных характеристиках жертвы, которые калифорнийские законодатели требуют учитывать: была без сознания или спала; не осознавала, не знала, не воспринимала, что деяние имело место; не знала, не воспринимала и не осознавала существенных характеристик деяния в связи с фактическим мошенничеством; не знала, не осознавала, не воспринимала существенных характеристик деяния в связи с обманом о том, что сексуальное проникновение служило для исполнения профессиональной цели; если деяние совершено против воли потерпевшего путем угрозы отомстить в будущем жертве и др. В данном параграфе термин принуждение означает прямую или подразумеваемую угрозу применения силы, насилия, опасности или возмездия, достаточную для того, чтобы принудить лицо, обладающее обычной восприимчивостью, совершить действие, которое в противном случае не было бы совершено, или согласиться с действием, которому в противном случае он не подчинился бы.

Незаконным половым сношением по ст. 261.5 признается половое сношение, совершенное с лицом, не достигшим 18-летнего возраста и не являющимся супругом лица, совершившего преступление. При том, если в незаконный половой акт с несовершеннолетним вступит лицо более чем на три года старше жертвы, то он

признается виновным в совершении тяжкого преступления.

Заслуживает внимания нормативно предусмотренная дополнительная гражданско-правовая ответственность взрослого, вступившего в половой акт с несовершеннолетним в виде денежной компенсации потерпевшему, которая зависит от разности в возрасте между жертвой и виновным.

В ст. 269 указано, что лицо, совершающее любое из следующих «действий в отношении ребенка, не достигшего 14-летнего возраста и на семь или более лет младше этого лица: изнасилование; изнасилование или сексуальное проникновение, по согласию; мужеложство; оральное совокупление; сексуальное проникновение, признается виновным в сексуальном насилии над ребенком приотягчающих обстоятельствах и наказывается лишением свободы на срок от 15 лет до пожизненного заключения»^[22].

Уголовная ответственность за инцест установлена в ст. 285 штата Калифорния, где виновными признаются «лица, находящиеся в пределах степеней кровного родства, когда браки объявляются законом кровосмесительными и недействительными, вступающие в смешанные браки друг с другом или совершающие прелюбодеяние с лицом моложе 14 лет или старше». Такие деяния наказываются заключением в государственную тюрьму»^[22].

В уголовном кодексе Калифорнии даны понятия и определена мера ответственности за такие деяния как содомия, мужеложство, оральное совокупление, непристойное или похотливое действие. За любое из действий взрослого лица над телом или любой его частью, а так же половыми органами ребенка, не достигшего 14-летнего возраста с намерением возбудить или удовлетворить похоть, страсть или сексуальное желание этого лица или ребенка предусматривается уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок до 8 лет^[22].

В Великобритании в 2022 году внесли изменения в «Закон о сексуальных преступлениях»^[23, с. 100], согласно которым запрещена сексуальная активность с ребенком - членом семьи под угрозой лишения свободы на срок до четырнадцати лет^[24].

Нормативного определения «сексуальной эксплуатации детей» в Англии нет, в теории ею признается «любая форма сексуального насилия над детьми, которая имеет место, когда лицо или группа лиц пользуются дисбалансом сил для принуждения, манипулирования или обмана ребенка в возрасте до 18 лет и принуждения к сексуальным действиям в обмен на то, что нужно или чего хочет жертва, и/или на финансовую выгоду или повышение статуса»^[23]. Жертва, если не достигла возраста совершеннолетия, считается подвергшейся сексуальной эксплуатации, даже если сексуальные действия происходят по обоюдному согласию. При этом, сексуальная эксплуатация детей не всегда связана с физическим контактом, это также может произойти благодаря использованию технологий.

Считаем правильным и обоснованным наличие единого «Закона о сексуальных преступлениях» 2003 года в Великобритании, согласно положениям которого изнасилование является преступлением с элементарным умыслом, а опьянение не является оправданием. В отличие от ст. 131 УК РФ изнасилование в Англии предполагает проникновение полового члена во влагалище, анус или рот. Проникновение может быть любой частью тела (например, пальцем, языком, ногой) или чем-либо другим (например, бутылкой). Согласно ст. 3 сексуальное насилие – это

прикосновение, оно имеет широкое определение и включает в себя прикосновение к другому человеку любой частью тела или чем-либо еще. Прикосновения включают в себя прикосновения, равнозначные проникновению, например, поцелуи.

Женщина может совершить это преступление только в качестве соучастницы. Изнасилование влечет за собой максимальное наказание в виде пожизненного заключения.

Сексуальное насилие является преступлением в любом случае и влечет за собой максимальное наказание в виде 10 лет лишения свободы. Принуждение к проникающим сексуальным действиям без согласия жертвы наказывается пожизненным заключением.

При этом преступление может быть совершено только словами, например, обвиняемый заставляет свою жертву совершить половой акт, такой как мастурбация, в котором участвует только жертва, это преступление охватывает ситуации, когда, например, заявитель вынужден совершать половые акты с участием собственной личности, такие как мастурбация, или вступать в сексуальные отношения с третьим лицом, желающим того или нет, или вступать в сексуальные отношения с обидчиком, например, женщина принуждает мужчину проникнуть в нее.

Закон выделяет два отдельных сексуальных преступления: проникающее и непроникающее. Преступление без проникновения влечет за собой максимальное наказание в виде 10 лет лишения свободы, а проникающее - пожизненное заключение.

Закон 2003 года определяет следующие категории преступлений в отношении детей разного возраста: преступления в отношении лиц, не достигших 13 лет; преступления в отношении лиц, не достигших 16 лет; преступления в отношении лиц, не достигших 18 лет; преступления против детей младше 13 лет (статьи 5 - 8).

Статья 5 предусматривает ответственность за изнасилование ребенка младше 13 лет и понимает под этим умышленное проникновение пенисом во влагалище, анус или рот ребенка. Как мы видим, здесь понятие изнасилование шире, чем в УК РФ и включает проникновение в анус или рот. Статья 6 преступлением признает умышленное сексуальное проникновение во влагалище или анус ребенка младше 13 лет частью тела виновного или чем-либо еще, а по статье 7 преступлением является даже сексуальное прикосновение к ребенку младше 13 лет.

Статья 8 преступлением считает умышленное принуждение или подстрекательство ребенка в возрасте до 13 лет к участию в сексуальных действиях и включает в себя два состава преступления: сексуальные действия с проникновением и сексуальные действия без проникновения. Такое принуждение наказывается: без проникновения - до 14 лет лишения свободы, с проникновением - пожизненным заключением.

Важно, что закон считает, что ребенок в возрасте до 13 лет ни при каких обстоятельствах не имеет правоспособности давать согласие на любую форму сексуальной активности.

Для нас важны статьи с 25 по 27 Закона, которые называются «Сексуальные преступления против детей в семье»: эти преступления совершаются «в семье и охватывают ситуации, когда кто-то проживает в одном домохозяйстве с ребенком и занимает позицию доверия или власти над этим ребенком, а также отношения, определяемые кровными узами, усыновлением, приемной семьей, браком или совместным проживанием в качестве партнеров [\[23\]](#). На наш взгляд, такое понимание

«семьи» правильно и должно быть закреплено в отечественном законодательстве.

Для целей статей 25 и 26 семейные отношения подразделяются на «три категории: во-первых, родитель, бабушка или дедушка, брат, сестра, приемный родитель, сводный брат, сводная сестра, дядя, тетя, приемный родитель и т.д., всегда будут членами семьи; во-вторых, партнер другого родителя или двоюродные братья и сестры, будут являться членами семьи только в том случае, если он живет или жил в том же домохозяйстве, или участвует или участвовал в уходе, надзоре или единоличной опеке над ребенком»^[23]. Третья категория похожа на вторую, за исключением того, что она применяется только к тем, кто живет в одном домохозяйстве и не является родственником.

В тех случаях, когда речь идет о проникновении, преступления влекут за собой максимальное наказание до 14 лет лишения свободы, а если не связано с проникновением максимальное наказание - 5 лет лишения свободы.

Статьи 64 и 65 касаются только кровных родственников и содержат ответственность за преступления - сексуальные контакты с совершеннолетними родственниками.

Часть V Уголовного кодекса Канады называется «Сексуальные преступления, общественная мораль и хулиганство», а ст. 150 содержит определения понятий, например «опекун» - это «лицо, которое по закону или фактически имеет опеку или контроль над другим лицом»^[25].

В ст. 151 «Сексуальное вмешательство» установлена ответственность лица, которое «в сексуальных целях прикасается прямо или косвенно, частью тела или каким-либо предметом любой части тела лица, не достигшего 16-летнего возраста». Такое деяние наказывается лишением свободы на срок до 14 лет.

Такое же наказание установлено в статье 152 «Приглашение к сексуальным прикосновениям», где виновным может быть признано лицо, которое в сексуальных целях приглашает, советует или подстрекает лицо, не достигшее 16-летнего возраста, прикоснуться, прямо или косвенно, частью тела или каким-либо предметом к телу любого лица, включая тело лица, которое приглашает.

«Сексуальная эксплуатация» наказуема по ст. 153 (1): преступление совершает лицо, находящееся в доверительном или авторитетном положении по отношению к лицу, с которым подросток находится в отношениях зависимости, или состоящее в отношениях с лицом, которые эксплуатируют несовершеннолетнего, и которое: а) в сексуальных целях прикасается, прямо или косвенно, частью тела или каким-либо предметом к любой части тела подростка; или б) в сексуальных целях приглашает, советует или подстрекает несовершеннолетнего прикоснуться, прямо или косвенно, частью тела или каким-либо предметом к телу любого лица, включая тело лица, которое приглашает.

Судья может сделать вывод о том, что лицо состоит в отношениях с несовершеннолетним, которое эксплуатирует несовершеннолетнего, исходя из характеристики виновного и обстоятельств этих отношений, в том числе: а) возраста молодого человека; б) разницы в возрасте между лицами; (с) эволюции отношений; и (d) степени контроля или влияния данного лица на несовершеннолетнего.

Под «несовершеннолетним» понимается лицо, «достигшее 16-летнего возраста, но не достигшее восемнадцатилетнего возраста»^[25].

В 2005 году Верховный суд Канады указал, что инцест может включать поведение по

обоюдному согласию, при этом было отклонено мнение, что согласие на "сексуальную активность с кровными родственниками должно быть узаконено", поскольку запрет инцеста направлен на сохранение целостности семьи и избежание кровосмешения, риска генетических отклонений у детей, рожденных от инцестных связей, а так же защитой уязвимых членов семьи.

Согласно канадскому федеральному законодательству, инцест определяется как «наличие сексуальных отношений с братом или сестрой (включая сводного брата), ребенком/родителем или внуком/бабушкой и дедушкой, при этом требуется знание о существовании кровного родства»^[25].

Таким образом можно сделать вывод, что ознакомление с законодательством зарубежных стран способно обогатить отечественные нормы уголовного кодекса в случае имплементации отдельных содержательных положений.

Российская правовая система права не подразумевает принятие «Закона о сексуальных преступлениях» наподобие имеющегося в Великобритании, в то же время считаем необходимым дополнить Семейный кодекс РФ и Уголовный кодекс РФ дефинициями и нормативными запретами инцестных видов сексуального поведения. Заслуживает внимания введение в Российской Федерации дополнительной гражданско-правовой ответственности взрослого, вступившего в половой акт с несовершеннолетним и пожизненной электронной маркировки сексуальных преступников.

Первоочередной задачей является разработка и легальное закрепление понятия «инцест» и установления его прямого запрета уголовным законом. По нашему мнению под педофильным инцестом следует понимать половой акт и иные действия сексуального характера между несовершеннолетними и их родителями, иными родственниками, сожителями родителей, бабушек, дедушек, сестёр, братьев, дядь и тетей.

В ходе компаративного анализа выявлено, что российское законодательство в сфере уголовно-правовой охраны половой неприкосновенности несовершеннолетних относится к числу максимально либеральных. Предлагается педофильный инцест отнести к тяжким преступлениям. Позитивный опыт США, Великобритании и Канады показывает, что длительные сроки заключения, вплоть до пожизненного, за сексуальное насилие над детьми, несут высокий превентивный характер и способствуют снижению уровня данного вида преступности.

Несмотря на то, что Российская Федерация не использует термин «возраст согласия на сексуальную активность», он считается установленным по ст. 134 УК РФ. Вопросы его повышения или снижения выходят за предмет исследования данной работы и должны решаться юристами в тесном сотрудничестве с представителями психологических, социологических и медицинских наук.

На основании анализа правового опыта англосаксонских стран следует сделать вывод, что в России требуется дальнейший анализ, пересмотр и совершенствование законодательных актов для создания комплексной нормативно-правовой базы, предусматривающей как превентивные, так и охранительные меры для недопущения сексуальных преступлений в целом, и защиты половой неприкосновенности несовершеннолетних в частности.

Библиография

1. Авдалян, А.Я. Противодействие сексуальным преступлениям, совершаемым в

- Соединенных Штатах Америки // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 5. С. 85-90.
2. Донченко, А. Г., Токарева, А. А. Ответственность за преступления, связанные с сексуальной эксплуатацией и сексуальными злоупотреблениями несовершеннолетних, в современных правовых системах // Lex Russia. 2018. № 6 (139). С. 54-62.
  3. Бимбинов, А. А. Ненасильственные посягательства на половую неприкосновенность несовершеннолетних по уголовному праву зарубежных стран // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 7. С. 147-161.
  4. Маслов, А. В. Зарубежный опыт борьбы с преступлениями против половой свободы и половой неприкосновенности, совершаемых в отношении несовершеннолетних // Заметки ученого. 2020. № 5. С. 139-144.
  5. Стальбовский, В. В. О возрасте полового согласия / В. В. Стальбовский // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2021. № 2(42). С. 142-150.
  6. Берченева, М. В. Институт обоюдного согласия: актуален ли он для уголовного права России? / М. В. Берченева // Публичное право сегодня. 2022. № 3(13). С. 118-126.
  7. Николенко, А. А. Химическая и хирургическая кастрация как средство предупреждения половых преступлений / А. А. Николенко // Юридический факт. 2022. № 161. С. 30-32.
  8. Каменева А.Н. Инцест: уголовно-правовой аспект // Российский следователь. 2016. № 15. С. 16-19.
  9. Andrew, R. Child Sexual Abuse and the State // UC Davis Law Review. 2006. Vol. 39.
  10. Foster, J., Carson, D. Child Sexual Abuse in the United States: Perspectives on Assessment and Intervention // American Journal of Humanities and Social Sciences. 2013. Vol. 1. No. pp. 97-108.
  11. Kırıcı, G.S. Retrospective comparison of extrafamilial and intrafamilial incest abuse // Med Palliat Care. 2023. №4(3). P. 201-206.
  12. Russell, D. The incidence and prevalence of intrafamilial and extrafamilial sexual abuse of female children // Child Abuse Neglect. 1984. Vol. 7. P. 133-146.
  13. Finkelhor, D. Child sexual abuse: New theory and research // Child Abuse Neglect. 1984. Vol. 7. P. 22-33.
  14. Meisselman, K. S. Incest-A Psychological Study of Causes and Effects with Treatment Recommendations. – San Francisco, 1978. 380 p.
  15. Incest Under the Law. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.justia.com/criminal/offenses/other-crimes/incest/> (дата обращения: 20.02.2024).
  16. Sex Offender Management Assessment and Planning Initiative [Электронный ресурс]. URL: <https://smart.ojp.gov/somapi/chapter-8-sex-offender-management-strategies>(дата обращения: 20.02.2024).
  17. Mascolo, J. Statutory Rape [Электронный ресурс]. URL: <https://www.findlaw.com/criminal/criminal-charges/statutory-rape.html> (дата обращения: 20.02.2024).
  18. Klasfeld A. Half-Blood' Uncle-Niece Couples Endorsed in NY [Электронный ресурс]. URL: <https://www.courthousenews.com/half-blood-uncle-niece-couples-endorsed-in-ny> (дата обращения: 14.10.2021). (дата обращения: 20.02.2024).
  19. General Laws of Rhode Island Section 15-1 [Электронный ресурс]. URL:

- <http://webserver.rilin.state.ri.us/Statutes/TITLE15/INDEX.HTM> (дата обращения: 20.02.2024).
20. North Carolina General Statutes. [Электронный ресурс]. URL: https://law.justia.com/codes/north-carolina/2005/chapter_14/ga_14-27.1.html (дата обращения: 20.02.2024).
21. О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 N 16 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. N 2.
22. The Penal Code of California. [Электронный ресурс]. URL: https://leginfo.ca.gov/faces/codes_displayText.xhtml?lawCode=PEN&division=&title=9.&part=1.&chapter=5.&article= (дата обращения: 20.02.2024).
23. Sexual Offences Act 2003 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2003/42/part/1/crossheading/familial-child-sex-offences> (дата обращения: 20.02.2024).
24. Чукреев, В.А. Обеспечение уголовно-правовой и криминологической безопасности биосоциальной сущности человека. Монография. М.: ЮНИТИ. 191 с.
25. Criminal Code R.S.C. [Электронный ресурс]. URL: <https://laws.justice.gc.ca/eng/acts/C-46/page-24.html#h-118142> (дата обращения: 20.02.2024)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, уголовная ответственность за сексуальные преступления против несовершеннолетних в США, Канаде и Великобритании. Заявленные границы исследования соблюдены автором.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования не подлежит сомнению и обосновывается им следующим образом: "Следует указать, что до настоящего времени российское законодательство не содержит детального описания видов и форм уголовно наказуемого насилия над детьми, в частности, нет единого определения важного термина «иные действия сексуального характера». В этой связи считаем возможным обратиться к нормам зарубежных стран. В статье остановимся на нормах уголовных законов Канады, Великобритании и ряда штатов США. Все страны относятся к англосаксонской семье права". Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений и предложений ученого: "Несовершеннолетние, не достигшие возраста согласия, не могут соглашаться на секс со взрослым (если они не состоят в законном браке). Таким образом, любая форма сексуальной активности с участием взрослого и несовершеннолетнего может нарушать закон. Это верно даже в том случае, если кажется, что ребенок согласен на этот акт. Изнасилование, предусмотренное законом, также может быть связано с положением преступника или его отношениями с жертвой. Во многих штатах запрещены сексуальные

отношения между людьми, когда дисбаланс сил в отношениях подразумевает принуждение, сюда входят ситуации, в которых участвуют родитель и ребенок или учитель и ученик"; "В разных штатах могут использовать различные законодательные акты, с несовпадающей терминологией, но все они запрещают принудительные сексуальные действия (будь то вагинальный, оральный или анальный секс). В случае изнасилования по закону применение силы или угроз не является обязательным элементом состава преступления. Изнасилование по закону, как правило, включает в себя несовершеннолетнего участника или уязвимое лицо, которое, по-видимому, умышленно вступает в сексуальные отношения с взрослым человеком или лицом, которое имеет определенную власть или контроль над ними. Тем не менее, в делах с несовершеннолетним лицом государство не предполагает согласия, основанного на возрасте ребенка. В результате, государству не нужно доказывать, что правонарушитель знал о возрасте ребенка или о применении какой-либо силы или принуждения"; "Большинство законов об изнасиловании базируются на возрасте законного согласия на секс, который варьируется от штата к штату"; "Заслуживает внимания законодателя РФ описание круга лиц, которые могут быть субъектами инцеста в законодательстве штата Род-Айленд" и др. Таким образом, автор вводит в оборот ряд интересных для научного сообщества сведений, которые могут аргументировать необходимость совершенствования отечественного уголовного законодательства, устанавливающего уголовную ответственность за совершение так называемых сексуальных преступлений. Статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы не вполне логична в том смысле, что заключительная часть статьи фактически отсутствует (она представлена одним предложением, в котором не отражены научные достижения автора работы). Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор на основании анализа нормативного и теоретического материалов исследует особенности установления уголовной ответственности за сексуальные преступления против несовершеннолетних в США, Канаде и Великобритании, в том числе особенности соответствующего понятийно-категориального аппарата.

Содержание статьи полностью соответствует ее наименованию, но не лишено некоторых недостатков.

Так, автор пишет: "По данным D. Finkelhor, «наибольшему риску сексуального растления в малолетнем возрасте подвергаются девочки, воспитывающиеся в семьях с отчимом»[3, С. 24], а по данным К. Meisselman «не существует случаев женских гомосексуальных отношений внутри нуклеарной семьи» - "девочки", "отношений".

Ученый отмечает: "В штате Колорадо наказывается лишением свободы на срок от двух до шести лет и денежным штрафом от 2 000 долларов США до 500 000 долларов США нарушения следующих запретов: вступление в брак; сексуальное проникновение, вторжение или контакт с предком или потомком" - "наказываются".

Автор указывает: "Понятие потомок имеет расширенное толкование и включает не только рожденного естественным путем ребенка, а также ребенка, вошедшего в семью после усыновления" - существительное "потомок" необходимо взять в кавычки.

Ученый утверждает: "Важно отметить, текст статей двух рассматриваемых документов, защищающих детей от посягательств на половую неприкосновенность, полностью различны" - "Важно отметить, что тексты статей двух рассматриваемых документов, защищающих детей от посягательств на половую неприкосновенность, существенно отличаются".

Автор пишет: "Проанализируем подобно нормы уголовных законов двух штатов США -

Северной Каролины и Калифорнии" - "подробно".

Таким образом, статья нуждается в тщательном вычитывании. В ней встречаются опечатки, пропуски слов, орфографические, пунктуационные, стилистические ошибки (приведенный в рецензии перечень опечаток и ошибок не является исчерпывающим!).

Нужно ли закрепить в УК РФ понятие "инцест"? Если да, то как, с точки зрения автора, необходимо определить данное понятие?

Термин "изнасилование по закону" необходимо взять в кавычки - он условный.

Ученый пишет: "Большинство законов об изнасиловании базируются на возрасте законного согласия на секс, который варьируется от штата к штату". Какой возраст согласия автор считает оптимальным и почему?

Нужно ли закрепить в УК РФ понятия "половой акт", "сексуальный контакт"? Если да, то как могут выглядеть дефиниции данных понятий?

Нуждается ли в изменении в сторону снижения установленный в УК РФ возраст субъектов сексуальных преступлений?

Нужен ли отдельный состав преступления "сексуальная эксплуатация несовершеннолетних"?

Автор пишет: "Считаем правильным и обоснованным наличие единого «Закона о сексуальных преступлениях» 2003 года в Великобритании". Насколько необходим такой закон в России и как он должен соотноситься с УК РФ?

Необходимо согласиться с ученым в том, что "...ознакомление с законодательством зарубежных стран способно обогатить отечественные нормы уголовного кодекса в случае имплементации отдельных содержательных положений". Однако автор не формулирует четкую концепцию, в которой раскрывалось бы его видение реформирования отечественного уголовного законодательства в части установления ответственности за совершение сексуальных преступлений.

Библиография исследования представлена 15 источниками (монографиями, научными статьями, аналитическими и статистическими данными, нормативным материалом), в том числе на английском языке. С формальной точки зрения этого вполне достаточно; фактически - некоторые положения работы нуждаются в уточнении и углублении.

Апелляция к оппонентам имеется, но носит общий характер в силу направленности исследования (в основном в статье анализируется нормативный материал). Научная дискуссия ведется автором корректно, но положения работы не всегда обосновываются в должной степени.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Таким образом можно сделать вывод, что ознакомление с законодательством зарубежных стран способно обогатить отечественные нормы уголовного кодекса в случае имплементации отдельных содержательных положений"), но они носят общий характер и объединены в одно предложение. Таким образом, фактически заключительная часть работы как таковая отсутствует. Между тем в заключительной части статьи должны отражаться все научные достижения автора, в частности, конкретные предложения по совершенствованию отечественного уголовного законодательства.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере уголовного права при условии ее доработки: раскрытии методологии исследования, дополнительном обосновании актуальности его темы, уточнении структуры работы и ее отдельных положений, конкретизации выводов по результатам проведенного исследования, устранении нарушений в оформлении статьи.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Уголовная ответственность за сексуальные преступления против несовершеннолетних в США, Канаде и Великобритании» для опубликования в журнале «Юридические исследования». Наименование статьи соответствует паспорту научной специальности 5.1.4 – Уголовно-правовые науки, пункту 3 научных исследований «3. Теория уголовного права: преступление, уголовная ответственность, наказание и иные меры уголовно-правового характера; социальная обусловленность и эффективность уголовного права, закономерности и тенденции его развития и совершенствования». При этом работа полностью соответствует политике журнала об опубликовании статей, посвященных современным научным исследованиям в области права.

Предметом исследования статьи автор в ее наименовании и начале изложения обозначил необходимость исследования уголовного законодательства некоторых стран англосаксонской системы права (США, Канады, Великобритании) за сексуальные преступления в отношении несовершеннолетних. Такая точечность предмета исследования коррелируется с имеющейся в указанных странах законодательной дифференциацией уголовной ответственности за преступления против половой неприкосновенности и общественной нравственности несовершеннолетних, а также довольно суровыми мерами уголовной ответственности за указанные деяния.

Актуальность исследования автор обосновывает через имеющийся нормативный пробел в отношении «иных действий сексуального характера», правового регулирования уголовной ответственности и наказания в зависимости от форм и видов сексуального насилия над детьми, в том числе из числа лиц близкого окружения. Также в России отсутствует комплексная нормативно-правовая база о запретах и мерах противодействия инцестным видам сексуального поведения. Автором приведены убедительные статистические данные, исторические факты, данные социальных исследований, что подтверждает оправданность обращения к опыту стран с более жестким и давно сложившимся законодательством в отношении поднятой проблематики.

В целях проведения всестороннего исследования предмета публикации была избрана соответствующая задачам и уровню теоретической разработанности темы методика. Так при подготовке статьи были использованы компаративистский, формально-юридический, сравнительно-правовой и эмпирический методы исследования.

Статья верно структурирована, логически последовательна и изложена научным языком. Научная новизна работы не ставится рецензентом под сомнение и заключается в сделанных выводах: относительно необходимости ужесточения уголовной ответственности за так называемый «педофильный инцест» Предложено отнести указанную форму сексуального насилия над несовершеннолетними к тяжким преступлениям. Автором предложено комплексно исследовать категорию «возраст согласия на сексуальную активность», несмотря на решенность данного вопроса законодателем в ст. 134 УК РФ, с привлечением исследователей в области психологических, социологических и медицинских наук. Предложено на превентивном уровне внести одномоментные изменения в семейное, гражданское и иное отраслевое законодательство. Внимания и одобрения заслуживают другие выводы и предложения, сделанные в работе.

С этих позиций статья имеет высоконаучный потенциал, будет интересна правоприменителю и широкой читательской аудитории.

Библиографический перечень достаточно обширный и насчитывает 25 использованных источников. Доля научных работ, использованных в статье, более 50%. Доля

иностранных источников, соответствующих наименованию тематики – 50%. Все источники датированы современным периодом научных исследований.

Вывод рецензента: статью «Уголовная ответственность за сексуальные преступления против несовершеннолетних в США, Канаде и Великобритании» рекомендовать к опубликованию в журнале «Юридические исследования».

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Колесниченко О.В. Вред здоровью, причиненный в результате неблагоприятного экологического воздействия: гражданско-правовые механизмы компенсации // Юридические исследования. 2024. № 3. DOI: 10.25136/2409-7136.2024.3.70234 EDN: CGJRIZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70234

Вред здоровью, причиненный в результате неблагоприятного экологического воздействия: гражданско-правовые механизмы компенсации

Колесниченко Ольга Викторовна

ORCID: 0000-0003-3645-2861

кандидат юридических наук

доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин, Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Тюменского государственного университета

390043, Россия, Рязанская область, г. Рязань, ул. 1-Ая красная, 18, каб. 508

✉ olja_korn@mail.ru

[Статья из рубрики "Договор и обязательства"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2024.3.70234

EDN:

CGJRIZ

Дата направления статьи в редакцию:

25-03-2024

Аннотация: Предметом исследования в настоящей статье являются нормативные положения и теоретические представления о возмещении вреда, причиненного здоровью гражданина в результате неблагоприятного экологического воздействия. Цель исследования состоит в создании доктринальных условий и разработке предложений по развитию гражданского законодательства, направленных на обеспечение компенсированности вреда, причиненного повреждением здоровья в экологической сфере. Автор обращает внимание на то, что ст. 79 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» формулируя специальные правила возмещения вреда, причиненного здоровью граждан в результате неблагоприятного воздействия на окружающую среду, никак не конкретизирует специфику условий возникновения деликтных обязательств данного рода. Вместе с тем, особой

характеристикой повреждения здоровья в экологических отношениях служит его экогенность, в виду которой представляется актуальной попытка обнаружения теоретических и правовых предпосылок для определения специфики действующих в данной сфере гражданско-правовых компенсационных механизмов. При подготовке статьи использованы всеобщий диалектический метод познания, а также совокупность общенаучных (сравнения, описания, абстрагирования и обобщения, анализа и синтеза, индукции и дедукции, аналогии, системный) и частнонаучных методов (сравнительно-правовой, формально-юридический, межотраслевой, методы толкования правовых норм). В результате исследования доказано, что для обеспечения реальной компенсируемости вреда здоровью в экологической сфере презумпцию экологической опасности отдельных видов хозяйственной деятельности следует сопровождать правовым закреплением неопровержимой презумпции происхождения физического вреда от неблагоприятного экологического воздействия, основывающейся на доступных знаниях о причинах возникновения и симптомах экологически обусловленных заболеваний (медицинский критерий), принадлежности потерпевшего к группе риска по признаку проживания или работы на зараженной территории (юридический критерий). Однако автор не ограничивается обоснованием потребности во внедрении данной презумпции, но предлагает комплекс мер по сопутствующему развитию законодательства. Отмечается, что неопровержимая презумпция происхождения физического вреда от неблагоприятного экологического воздействия должна применяться при условии возложения на хозяйствующих субъектов специальных обязательств в области материального обеспечения внеделиктных форм компенсации, альтернативных страховому возмещению в рамках страхования ответственности. Для этих целей могут применяться соглашения о распределении рисков.

Ключевые слова:

вред здоровью, деликтная ответственность, экогенный вред, неблагоприятное экологическое воздействие, возмещение вреда, распределение рисков, компенсационный механизм, деликтные обязательства, альтернативные компенсационные механизмы, потерпевший

Действующее специальное законодательство (ст. 79 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», далее также – Закон об охране окружающей среды), формулируя правила возмещения вреда, причиненного здоровью граждан в результате неблагоприятного воздействия на окружающую среду, никак не конкретизирует специфику условий возникновения деликтных обязательств данного рода, ограничиваясь указанием на обязательность осуществления необходимого возмещения «в полном объеме». В то же время, особой характеристикой повреждения здоровья в экологических отношениях служит его экогенность, выражающаяся в происхождении от экологически обусловленных факторов, но не самой преобразующей и (или) хозяйственной деятельности физических лиц и организаций [\[1, с. 18; 2, с. 261; 3, с. 201\]](#).

Данная характеристика, с формальных позиций, не препятствует применению общих норм ст. 1064 ГК РФ о возмещении вреда, а также правил определения размера юридически значимого вреда здоровью, содержащихся в § 2 гл. 59 ГК РФ, - разумеется, при условии установления факта совершения гражданского правонарушения, повлекшего за собой заболевание или иное расстройство здоровья граждан. В то же

время, в отсутствие специальных стандартов (доказательственных презумпций) наличия причинной связи между ухудшением здоровья и экологическим правонарушением, методик оценки экогенного вреда здоровью реально востребованными на практике остаются лишь нормы социального законодательства о гарантиях и компенсациях пострадавшим в результате техногенных аварий и иных происшествий с неблагоприятными экологическими последствиями. Стабильно высокий уровень требований о реализации социальных гарантий в связи с нарушением экологического законодательства (количество дел данной категории за 2013-2023 гг. по данным платформы "Судебные и нормативные акты РФ" сопоставимо с 32 % от общего числа дел о возмещении вреда здоровью) позволяет ставить вопрос о необходимости распространения на такие отношения цивилистических возместительных механизмов. В целом сказанное подтверждает актуальность попыток обнаружения теоретических и правовых предпосылок для модификации конструкции деликтной ответственности с учетом особенностей причиняемого вреда и обуславливающего его наступление противоправного поведения, развития иных (альтернативных деликтной ответственности) гражданско-правовых средств компенсации в экологической сфере.

Примечательно, в доктринальных источниках в настоящее время чаще используется термин «имущественная», но не «гражданско-правовая» ответственность за неблагоприятное воздействие на окружающую среду [\[4, с. 97; 5, с. 25; 6, с. 145; 7, с. 37\]](#). Представляется, что такой подход призван подчеркнуть реализацию с ее помощью публичного интереса, выраженного в сохранении природных ресурсов, обеспечении соблюдения природоохранных требований [\[8, с. 32; 9, с. 53\]](#). Весьма показательно, что обращение к проблеме экологического (экогенного, экологически обусловленного и т.п.) вреда в цивилистике так или иначе подчеркивает второстепенность защищаемого интереса частных лиц по отношению к публичному интересу, выраженному в обеспечении сохранности окружающей природной среды [\[10, с. 1931\]](#). Область применения института гражданско-правовой ответственности предлагается определять посредством выделения из объема «публичного вреда» конкретных потерь природопользователя (частного лица), возникающих в результате неблагоприятного экологического воздействия [\[11, с. 1202\]](#). Относительно детально разработанными в доктрине гражданского права являются критерии оценки нравственных и физических страданий, причиняемых гражданам на фоне такого воздействия [\[12, с. 813; 13, с. 7; 14, с. 148\]](#). Следует полагать, что в действительности речь идет о существовании смешанного режима ответственности в экологической сфере, в котором обособляются специальная экологическая ответственность и деликтная ответственность за неблагоприятные последствия экологических нарушений, которым подвержены частные лица (граждане и организации). Устанавливая специфику порядка наступления и условий деликтной ответственности за вред здоровью в данной сфере, нельзя обойти вниманием исследование конструкции специальной ответственности, поскольку в ее толковании заложен весьма специфичный подход к определению правовых последствий неблагоприятного экологического воздействия.

Специальная экологическая ответственность базируется на принципах охраны окружающей среды (ст. 3 упомянутого закона), среди которых наибольший интерес представляет презумпция экологической опасности планируемой хозяйственной и иной деятельности. В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде» применением данного принципа объясняется признание достаточным для возникновения возместительной обязанности

хозяйствующего субъекта факта негативного изменения им состояния окружающей среды (в форме загрязнения, гибели животных и др.). При этом дополнительно подчеркивается, что заявитель в делах данного рода предоставляет доказательства касательно лишь двух традиционных условий наступления ответственности (вред, причинная связь между поведением ответчика и неблагоприятными последствиями), а при определении размера возмещения действует ослабленный доказательственный стандарт «разумной степени достоверности».

Приведенная трактовка при первом прочтении позволяет заключить, что имущественная ответственность за вред окружающей среде, а за ней и деликтная ответственность за экогенный вред здоровью граждан наступают при применении опровержимых презумпций вины и противоправности, действие которых распространяется на ситуации обнаружения неблагоприятных изменений природных ресурсов или объектов животного (растительного) мира в процессе определенной экономической деятельности. Однако этот тезис опровергается последующими разъяснениями высшей судебной инстанции. В особенности, п. 7 рассматриваемого Постановления Пленума ВС РФ непосредственно касается определения причинной связи, наличие которой предполагается только для ситуаций, когда хозяйствующим субъектом превышены установленные нормативы допустимого воздействия на окружающую среду. В свою очередь, п. 8 документа непосредственно касается условия о вине, и в данной части освобождение истца от обязанности по доказыванию связывается исключительно с наличием у ответчика статуса владельца источника повышенной опасности (владельцы нефтепроводов, радиационно- опасных и ядерно-опасных производств и т.п.).

Тем временем, при причинении вреда здоровью в экологической сфере значительные сложности составляет не только установление факта правонарушения, но и определение связи между таким нарушением и вредом конкретного характера и размера, поскольку, как известно, одни и те же заболевания (бронхиальная астма, острые инфекции верхних и нижних дыхательных путей, ишемическая болезнь сердца и др.) могут происходить как от экологических, так и иных, не связанных с ними факторов. Нельзя исключать происхождение повреждения здоровья и от так называемого «накопленного» неблагоприятного влияния [\[15, с. 190; 16, с. 48; 17, п. 101\]](#), выражающегося не в конкретном нарушении природоохранных норм (превышении допустимых выбросов, неиспользовании или ненадлежащем использовании очистных сооружений и т.п.), но в постепенном ухудшении состояния экосистем, климата, отдельных природных ресурсов в условиях регулярного осуществления определенных видов хозяйственной деятельности. Такой вред не лишается качества возместимости, поскольку в силу п. 2 ст. 77 Закона об охране окружающей среды выплата компенсаций в пользу третьих лиц, во-первых, производится обособленно от применения мер специальной экологической ответственности, а, во-вторых, не исключается при получении положительного заключения государственной экологической экспертизы. Последнее позволяет предполагать, что соблюдение установленных нормативов воздействия на окружающую среду не является препятствием для возникновения деликтной возместительной обязанности.

На то чтобы разрешить проблему возмещения вреда потерпевшим, в принципе не прибегая к институту деликтных обязательств, на первый взгляд, направлены альтернативные компенсационные механизмы, основанные на соглашениях о распределении потерь или договорах о параметрическом страховании [\[18, п. 180; 19, п. 135\]](#). Показательным примером реализации таких механизмов являются так называемые «асбестовые схемы», распространяемые на заболевания, вызванные неблагоприятным

влиянием асбеста, не связанным с профессиональной деятельностью потерпевшего [\[20, p. 15\]](#). Такие схемы построены по принципу бесспорного осуществления выплат из специально созданного фонда или фонда страхования от несчастных случаев на производстве в пользу лиц, повреждение здоровья которых выражено в определенном заболевании, с характерными для воздействия асбеста проявлениями и необходимой степенью тяжестью симптомов (медицинский критерий), и, кроме того, может считаться причинно связанным с таким воздействием по данным эпидемиологического расследования (критерий воздействия, или юридический критерий).

Так, к примеру, в Японии и Корее медицинские критерии вводятся отдельно для таких диагнозов, как рак легких, асбестоз, плеврит (диагноз «мезотелиома» также упоминается, но не требует конкретизации, поскольку само это состояние свидетельствует о воздействии асбеста), и предусматривают различные требования к количеству определяемых асбестовых тел, визуальной характеристике плевральной бляшки и др. Примечательно при этом, что если в Корее факт заболевания с заданными характеристиками одновременно является подтверждением вредного воздействия, в Японии обязательным является соблюдение юридического критерия, предполагающего предоставление доказательств такового в виде данных о профессиональной деятельности и (или) месте жительства потерпевшего, а также интенсивности воздействия асбеста на определенных должностях или в заданных условиях. В отличие от такого подхода, в Бельгии отсутствуют специфические требования к медицинской картине заболевания, поскольку диагностирование заболевания из обязательного перечня является лишь первым шагом на пути к определению построенного на аналогичных принципах юридического критерия, а во Франции в принципе отсутствует перечень заболеваний, вызванных асбестом, т.е. любое повреждение здоровья может приниматься как основание для выплаты из специального фонда при соблюдении критериев влияния.

Японский опыт в экологической сфере заслуживает более подробного рассмотрения, поскольку развитие специальных компенсационных механизмов здесь не предполагает отказа от института деликтных обязательств, но обеспечивает сбалансированность модификации конструкции деликтной ответственности. Правовая основа для применения таких механизмов впервые была сформирована в 1973 г., когда специальным законом была учреждена система сертификации пострадавших от неблагоприятных экологических факторов. Выдачей особого документа (сертификата) подтверждался факт происхождения повреждения здоровья от неблагоприятного экологического влияния, при этом изначально для прохождения процедуры сертификации достаточно было подтвердить факт проживания на экологически неблагополучной территории, относящейся к I или II классу.

Класс I присваивался местам проживания по признаку значительного превышения средних показателей общей заболеваемости по стране (в части заболеваний, предположительно вызванных загрязнением атмосферного воздуха, - астмы, хронического бронхита и др.). Статусом территорий класса II наделялись участки местности в границах префектур, для которых в судебном порядке уже устанавливалась причинная связь между загрязнением и специфической заболеваемостью населения (включая случаи болезни Минамата, вызванной отравлением ртутью, болезни итай-итай, возникающей при отравлении солями кадмия, и т.п.) [\[21, p. 105\]](#).

В процессе практического применения схема претерпела существенные изменения, связанные как с корректировкой содержания медицинского критерия, так и с

определением правовых средств компенсации. В частности, с 1988 г. в Японии не осуществляется сертификация новых пострадавших по I классу экологически неблагоприятных территорий, поскольку считается нашедшим свое научное обоснование факт отсутствия причинной связи между загрязнением атмосферного воздуха и большинством общих заболеваний. Субъекты хозяйственной деятельности не производят выплат напрямую потерпевшим, но лишь участвуют в формировании специального фонда, уплачивая дополнительный сбор за неблагоприятное воздействие на окружающую среду (при условии осуществления ими потенциально опасной экологической деятельности – этот признак по-прежнему устанавливается по юридическому критерию) [\[22, p. 400\]](#).

Несмотря на эти изменения, опору используемой схемы по-прежнему составляет предположение об экологической опасности отдельных видов деятельности вкупе с неопровержимой презумпцией происхождения вреда здоровью от загрязнения, основывающейся на доступных знаниях о причинах возникновения и симптомах экологически обусловленных заболеваний (медицинский критерий), широком толкуемом свойстве преюдициальности решений по ранее рассмотренным экологическим спорам (юридический критерий). И здесь нельзя не заметить, что в отечественной доктрине обнаруживается точка зрения, согласно которой схожесть клинической картины течения и признаков заболеваний потерпевших, подвергшихся однородному экологическому воздействию (по сравнению с требованиями, ранее удовлетворявшимися в судах), считается поводом для упрощенного урегулирования новых претензий [\[23\]](#). В то же время, такое понимание преюдициальности явно противоречит действующему процессуальному законодательству (ст. 61 ГПК РФ), не предусматривающему освобождения от доказывания отдельных юридических значимых обстоятельств по признаку «схожести» или «однородности» описательной характеристики правовой ситуации и представленных доказательств [\[24, с. 84; 25, с. 38\]](#).

Представляется, что для определения специфики условий наступления деликтной ответственности за вред здоровью в экологической сфере целесообразно воспользоваться телеологическим методом определения пределов такой ответственности, позволяющим устранить характеристику «опосредованности» тех или иных потерь путем ценностно-ориентированного толкования конкретной защитной нормы, дачи комплексной характеристики данного института через совокупность прав и законных интересов субъекта, которые ею защищаются. С таких позиций экогенный вред здоровью следует считать прямым, если риск его причинения является характерным для определенного вида деятельности (экологически опасной деятельности), поскольку такой риск изначально принимается субъектом экономической деятельности «на себя», считается находящимся в зоне его непосредственного влияния.

Сказанное в свой совокупности позволяет заключить, что для обеспечения реальной компенсируемости вреда здоровью в экологической сфере презумпцию экологической опасности отдельных видов хозяйственной деятельности следует сопровождать правовым закреплением неопровержимой презумпции происхождения вреда здоровью от неблагоприятного экологического воздействия, основывающейся на доступных знаниях о причинах возникновения и симптомах экологически обусловленных заболеваний (медицинский критерий), принадлежности потерпевшего к группе риска по признаку проживания или работы на зараженной территории (юридический критерий). Внедрение дополнительной презумпции необходимо сопровождать установлением обязательства хозяйствующих субъектов по созданию условий для реализации внеделиктных форм компенсации, альтернативных страховому возмещению в рамках страхования

ответственности. В особенности, речь может идти о заключении соглашений о распределении рисков, условиями которых будет предусматриваться создание квазистрахового общественно-полезного фонда, выплатами из которого будут погашаться обязательства перед потерпевшими в объеме, позволяющем учесть утрату способности к оплачиваемому труду, потребности в постороннем уходе, оказании медицинской помощи и т.п., а также появление специфических нужд, обусловленных характером экологического воздействия (потребности в переезде в другую местность во избежание обострения симптомов, в освоении новой профессии, обусловленной наличием медицинских противопоказаний к работе с определенными веществами и субстанциями).

Библиография

1. Васильева М.И. Правовые проблемы возмещения вреда здоровью граждан, причиненного экологическими правонарушениями // Судья. 2017. № 9. С. 15-21.
2. Князькин А.Д. Определение объема и размера экогенного вреда причиненного здоровью гражданина в Российской Федерации // Казанская наука. 2011. № 1. С. 261-262.
3. Случевская Ю.А. Экологический вред: проблема определения и оценки // Общество и право. 2020. № 4 (74). С. 19-23.
4. Краснова С.А. Возмещение экологического вреда: взгляд сквозь призму деликтного права // Хозяйство и право. 2023. № 5. С. 97-109.
5. Позднякова П.В. Проблемные вопросы возмещения экологического вреда: замечания на полях Обзора судебной практики Верховного Суда РФ // Закон. 2023. № 10. С. 25-38.
6. Болтанова Е.С., Кратенко М.В. Экологический риск, экологический вред и страхование: гражданское и экологическое законодательство и правоприменение в Российской Федерации // Журнал российского права. 2022. № 12. С. 145-159.
7. Брославский Л.И. России нужен закон о возмещении экологического вреда // Экологическое право. 2020. № 3. С. 37-43.
8. Жулай Е.А., Черкашина Е.Г. Виды экологического вреда и способы его возмещения // Вестник Амурского государственного университета. Гуманитарные науки. 2008. № 42. С. 32-36.
9. Barbu F.O. The Objective Civil Liability for The Environmental Damage // Multidimensional Education and Professional Development: Ethical Values: collection of materials / ed. by A. Sandu, T. Ciulei, A. Frunza. Targoviste: Future Academy, 2017. Vol. 27. Pp. 53-57.
10. Данилова Н.В. Гражданско-правовая ответственность за экологический вред: проблемы теории и практики // Право и политика. 2014. № 12. С. 1931-1935.
11. Бабенко Л.Н. Возмещение вреда, причиненного земельными правонарушениями: проблемы применения // Право и политика. 2013. № 9. С. 1202-1209.
12. Князькин А.Д. О критериях определения размера компенсации морального вреда, причиненного вследствие экологических правонарушений // Право и политика. 2013. № 6. С. 813-821.
13. Негодаева Е.Г. Проблемы привлечения к гражданско-правовой ответственности за экологические правонарушения // Юрист-Правоведъ. 2020. № 2 (93). С. 7-11.
14. Барбашова Н.В. Нарушение благоприятного состояния окружающей среды как основание для компенсации морального вреда // Известия Юго-Западного государственного университета. 2017. № 1. С. 148-155.

15. Гафаров Н.Р. Выявление и критерии оценки объектов накопленного вреда окружающей среде // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 1 (134). С. 189-197.
16. Нигматуллина Э.Ф. Приемлемость рисков воздействия объектов накопленного экологического вреда и их оценка // Экологическое право. 2020. № 1. С. 48-50.
17. Liu D. Value evaluation system of ecological environment damage compensation caused by air pollution // Environmental Technology & Innovation. 2021. Vol. 22. Pp. 101-103.
18. Pillayre H. Compensation Funds, Trials and the Meaning of Claims: The Example of Asbestos-Related Illness Compensation in France // Social & Legal Studies. 2021. No. 30 (2). Pp. 180-202.
19. Onyeabor E. Practical Tips on Evaluation and Assessment of Environmental Pollution Damage in Environmental Litigation // Journal of Environmental Management and Safety. 2012. Vol. 3. No 2. Pp. 135-145.
20. Lee K.M., Godderis L., Furuya S. et al. Comparison of asbestos victim relief available outside of conventional occupational compensation schemes // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2021. Vol. 18. No 10. Pp. 1-21.
21. Barrett B.F., Therivel R. Environmental policy and impact assessment in Japan. London: Routledge, 2019. – 314 p.
22. Osaka E. Reevaluating the Role of the Tort Liability System in Japan // Arizona Journal of International and Comparative Law. 2009. Vol. 26. No. 2. Pp. 400-405.
23. Брославский Л. Экологические нарушения: компенсация вреда пострадавшим гражданам // Адвокатская газета. 2021. № 23. – URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/ekologicheskie-narusheniya-kompensatsiya-vreda-postradavshim-grazhdanam/> (дата обращения: 25.03.2024).
24. Рыженков А.Я. Правовое регулирование возмещения экологического вреда: проблемы теории и практики // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 3. С. 77-85.
25. Евтушенко В.И. Конституционно-правовое регулирование деятельности по возмещению вреда лицам, пострадавшим при чрезвычайных ситуациях экологического характера // Современное право. 2009. № 11. С. 38-41.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия

на статью «Вред здоровью, причиненный в результате неблагоприятного экологического воздействия: цивилистические механизмы компенсации»

Представленная на рецензирование работа посвящена исследованию проблемы касающейся причинения вреда здоровью, в результате неблагоприятного экологического воздействия и рассмотрению цивилистических механизмов его компенсации.

Актуальность избранной темы обусловлена рядом обстоятельств, касающихся рассмотрения случаев причинения вреда здоровью негативным воздействием окружающей среды в результате хозяйственной и иной деятельности при этом отношения по возмещению такого вреда действительно охватываются нормами деликтного права,

что следует из буквального толкования п. 1 ст. 1064 ГК Российской Федерации. В случаях, когда формируется устойчивая тенденция какой-либо специфической заболеваемости под влиянием определенных длительно воздействующих факторов, или возникло специфическое либо неспецифическое заболевание, иное расстройство здоровья, причинно связанное с каким-либо определенным моментом загрязнения окружающей среды, нормы § 2 гл. 59 ГК Российской Федерации являются основным источником регулирования отношений по возмещению экогенного вреда. В то же время экологообусловленный характер такого вреда влияет на условия гражданской ответственности, что требует специальных законодательных решений вопросов о стандартах и презумпциях доказывания причинной связи между ухудшением здоровья и экологическим правонарушением, преюдициальном характере судебных решений по искам потерпевших к ответчику.

Предметом исследования выступает рассмотрение автором теоретических и правовых предпосылок для определения специфики действующих в данной сфере гражданско-правовых компенсационных механизмов, модификации конструкции деликтной ответственности с учетом особенностей причиняемого вреда и обуславливающего его наступление противоправного поведения.

Методологической основой исследования послужили общенаучные методы исследования, такие как метод логической обработки материалов теории и практики, метод системно-структурного подхода, который нашел отражение в работе для выявления цивилистических механизмов компенсации, вследствие наступления вреда здоровью, причиненного в результате неблагоприятного экологического воздействия, системы, характера, направления, силы системообразующих связей, а также связи системы со средой функционирования, описания системно-формальным языком и создания логических предпосылок в сфере научного поиска выявления цивилистических механизмов компенсации, вследствие наступления вреда здоровью.

В работе автором используется анализ природоохранных норм на примере развитых стран Японии и Кореи, правоприменительная и судебная практика в Российской Федерации.

Автор аргументированно высказывает мнение, касающееся основной цели исследования, с учетом специфики условий наступления деликтной ответственности за вред здоровью в экологической сфере и высказывает предположение о необходимости целесообразно воспользоваться телеологическим методом определения пределов такой ответственности, позволяющим устранить характеристику «опосредованности» тех или иных потерь путем ценностно-ориентированного толкования конкретной защитной нормы, дачи комплексной характеристики данного института через совокупность прав и законных интересов субъекта, которые ею защищаются.

В работе автор использует порядка двадцати источников, обозначенных в библиографическом списке, а также в тексте исследования нормативные правовые акты, регламентирующие отдельные вопросы экологического права, что является достаточным для подготовки работ подобного рода.

Вместе с тем, на наш взгляд, для исследования цивилистических механизмов компенсации вреда здоровью, причиненного в результате неблагоприятного экологического воздействия необходимо рассматриваемый материал исследования, обогатить эмпирическими данными, показывающими масштабность проблемы исследования, усилить рассмотрение позиций в рамках действующих нормативных правовых актов, наряду с рассмотренными выше, а самое главное использовать труды ученых-цивилистов, которые ранее изучали экологические правоотношения.

В целом, исследование хорошо структурировано, написано понятным, живым русским языком, выводы автора логичны, хотя с определенной научной стороны носят

дискуссионный характер, от этого работа становится наиболее интересной, так как наводит читателя на продолжение дискуссии по рассматриваемой проблеме, вызывая читательский интерес.

На наш взгляд, данная работа имеет определенную научную значимость, может быть полезна студентам, слушателям, аспирантам изучающим проблемы экологического права. С учетом высказанных пожеланий может быть рекомендована к опубликованию, после устранения замечаний.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, гражданско-правовые механизмы компенсации вреда здоровью, причиненного в результате неблагоприятного экологического воздействия. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования не подлежит сомнению и обосновывается им достаточно подробно: "Стабильно высокий уровень требований о реализации социальных гарантий в связи с нарушением экологического законодательства (количество дел данной категории за 2013-2023 гг. по данным платформы "Судебные и нормативные акты РФ" сопоставимо с 32 % от общего числа дел о возмещении вреда здоровью) позволяет ставить вопрос о необходимости распространения на такие отношения гражданско-правовых возместительных механизмов. В целом сказанное подтверждает актуальность попыток обнаружения теоретических и правовых предпосылок для модификации конструкции деликтной ответственности с учетом особенностей причиняемого вреда и обуславливающего его наступление противоправного поведения, развития иных (альтернативных деликтной ответственности) гражданско-правовых средств компенсации в экологической сфере"; "Весьма показательно, что обращение к проблеме экологического (экогенного, экологически обусловленного и т.п.) вреда в гражданском праве так или иначе подчеркивает второстепенность защищаемого интереса частных лиц по отношению к публичному интересу, выраженному в обеспечении сохранности окружающей природной среды [10, с. 1931]. Область применения института гражданско-правовой ответственности предлагается определять посредством выделения из объема «публичного вреда» конкретных потерь природопользователя (частного лица), возникающих в результате неблагоприятного экологического воздействия [11, с. 1202]". Ученый определяет степень исследованности поднимаемых в статье проблем: "Относительно детально разработанными в доктрине гражданского права являются критерии оценки нравственных и физических страданий, причиняемых гражданам на фоне такого воздействия [12, с. 813; 13, с. 7; 14, с. 148]. Следует полагать, что в действительности речь идет о существовании смешанного режима ответственности в экологической сфере, в котором обособляются специальная экологическая ответственность и деликтная ответственность за неблагоприятные последствия экологических нарушений, которым подвержены частные лица (граждане и организации). Устанавливая специфику порядка наступления и условий деликтной ответственности за вред здоровью в данной сфере, нельзя обойти вниманием исследование конструкции специальной ответственности, поскольку в ее толковании заложен весьма специфичный подход к определению правовых последствий неблагоприятного экологического воздействия".

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений и предложений автора: "Нельзя исключать происхождение повреждения здоровья и от так называемого «накопленного» неблагоприятного влияния [15, с. 190; 16, с. 48; 17, р. 101], выражающегося не в конкретном нарушении природоохранных норм (превышении допустимых выбросов, неиспользовании или ненадлежащем использовании очистных сооружений и т.п.), но в постепенном ухудшении состояния экосистем, климата, отдельных природных ресурсов в условиях регулярного осуществления определенных видов хозяйственной деятельности. Такой вред не лишается качества возмestimости, поскольку в силу п. 2 ст. 77 Закона об охране окружающей среды выплата компенсаций в пользу третьих лиц, во-первых, производится обособленно от применения мер специальной экологической ответственности, а, во-вторых, не исключается при получении положительного заключения государственной экологической экспертизы. Последнее позволяет предполагать, что соблюдение установленных нормативов воздействия на окружающую среду не является препятствием для возникновения деликтной возмestimительной обязанности"; "Представляется, что для определения специфики условий наступления деликтной ответственности за вред здоровью в экологической сфере целесообразно воспользоваться телеологическим методом определения пределов такой ответственности, позволяющим устранить характеристику «опосредованности» тех или иных потерь путем ценностно-ориентированного толкования конкретной защитной нормы, дачи комплексной характеристики данного института через совокупность прав и законных интересов субъекта, которые ею защищаются. С таких позиций экогенный вред здоровью следует считать прямым, если риск его причинения является характерным для определенного вида деятельности (экологически опасной деятельности), поскольку такой риск изначально принимается субъектом экономической деятельности «на себя», считается находящимся в зоне его непосредственного влияния" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы вполне логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор на основании анализа действующего законодательства и теоретических источников, в том числе зарубежных, предлагает эффективные гражданско-правовые механизмы компенсации вреда здоровью, причиненного в результате неблагоприятного экологического воздействия. В заключительной части статьи содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию и не вызывает особых нареканий.

Библиография исследования представлена 25 источниками (монографией и научными статьями), в том числе на английском языке. С формальной и фактической точек зрения этого вполне достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (Л. Брославский), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно; положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Сказанное в своей совокупности позволяет заключить, что для обеспечения реальной компенсируемости вреда здоровью в экологической сфере презумпцию экологической опасности отдельных видов хозяйственной деятельности следует сопровождать правовым закреплением неопровержимой презумпции происхождения вреда здоровью от неблагоприятного экологического воздействия, основывающейся на доступных знаниях о причинах возникновения и симптомах экологически обусловленных заболеваний (медицинский

критерий), принадлежности потерпевшего к группе риска по признаку проживания или работы на зараженной территории (юридический критерий). Внедрение дополнительной презумпции необходимо сопровождать установлением обязательства хозяйствующих субъектов по созданию условий для реализации внеделиктных форм компенсации, альтернативных страховому возмещению в рамках страхования ответственности. В особенности, речь может идти о заключении соглашений о распределении рисков, условиями которых будет предусматриваться создание квазистрахового общественно-полезного фонда, выплатами из которого будут погашаться обязательства перед потерпевшими в объеме, позволяющем учесть утрату способности к оплачиваемому труду, потребности в постороннем уходе, оказании медицинской помощи и т.п., а также появление специфических нужд, обусловленных характером экологического воздействия (потребности в переезде в другую местность во избежание обострения симптомов, в освоении новой профессии, обусловленной наличием медицинских противопоказаний к работе с определенными веществами и субстанциями)), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, безусловно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере гражданского права, экологического права при условии ее небольшой доработки: раскрытии методологии исследования.

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Сухарева К.С. Актуальные вопросы досрочного прекращения полномочий депутатов представительных органов муниципальных образований за несоблюдение антикоррупционного законодательства // Юридические исследования. 2024. № 3. DOI: 10.25136/2409-7136.2024.3.70140 EDN: CHEYOY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70140

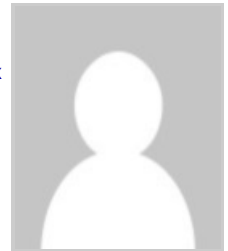
Актуальные вопросы досрочного прекращения полномочий депутатов представительных органов муниципальных образований за несоблюдение антикоррупционного законодательства

Сухарева Ксения Сергеевна

консультант Управления Губернатора Красноярского края по профилактике коррупционных и иных правонарушений; старший преподаватель кафедры деликтологии и криминологии юридического института Сибирского федерального университета

660075, Россия, Красноярский край, г. Красноярск, ул. Маерчака, 6, ауд. 1-20

✉ kseniyasukhareva2012@mail.ru

[Статья из рубрики "Юридический практикум"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2024.3.70140

EDN:

CHEYOY

Дата направления статьи в редакцию:

16-03-2024

Аннотация: Досрочное прекращение полномочий депутатов представительных органов муниципальных образований как мера антикоррупционной безопасности обладает высоким предупредительным потенциалом. Однако правоприменительная практика свидетельствует о том, что депутаты представительных органов муниципальных образований злоупотребляют своими правами, что выражается, в частности, в уклонении от применения меры досрочного прекращения полномочий в отношении депутатов, нарушивших антикоррупционное законодательство. Сложившаяся ситуация во многом детерминирована закреплением в законодательстве исключительной компетенции представительного органа муниципального образования по принятию решения о досрочном прекращении полномочий депутата. Нередки случаи, когда при наличии оснований для досрочного прекращения полномочий депутата ввиду явного нарушения положений антикоррупционного законодательства представительный орган

применяет менее тяжкую меру ответственности или вовсе не применяет никаких мер.

При проведении исследования автором применялся общенаучный метод диалектического познания, а также частно-научные методы: системно-структурный, формально-логический (дедукции, индукции) и др. По результатам проведенного исследования автор пришел к выводу, что одним из способов решения сложившейся ситуации является законодательное закрепление досрочного прекращения полномочий депутата представительного органа муниципального образования в судебном порядке. Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ в одном из своих определений указала на возможность досрочного прекращения полномочий депутата в судебном порядке. В тоже время открытым остается вопрос о необходимости последующего принятия решения о досрочном прекращении полномочий депутата представительным органом, в силу закрепленной за ним законом исключительной компетенции, в случае если полномочия депутата были досрочно прекращены судом. Законодательное закрепление рассматриваемой меры в судебном порядке позволит разрешить существующие вопросы о «судебном активизме» и повысить эффективность её применения.

Ключевые слова:

представительный орган, муниципальное образование, досрочное прекращение полномочий, антикоррупционная безопасность, антикоррупционные стандарты, злоупотребление правом, депутат, решение представительного органа, судебный порядок, муниципальная должность

Высокий уровень антикоррупционной безопасности деятельности органов местного самоуправления имеет принципиальное значение для повышения эффективности их работы и соблюдения интересов населения соответствующего муниципального образования. Распространение действия антикоррупционного законодательства на депутатов различных уровней как на лиц, замещающих муниципальные должности, является результатом его эволюции [\[1, с. 3\]](#). Следуя логике правовой позиции Конституционного Суда РФ, распространение на депутатов представительных органов муниципальных образований требований антикоррупционного законодательства является элементом эффективного правового механизма, способного охранять правовую демократию от злоупотреблений и криминализации публичной власти, легитимность которой во многом основывается на доверии общества. Обеспечение эффективности и достижения указанных целей обуславливается законодательно закрепленной возможностью досрочного прекращения полномочий депутатов представительных органов муниципальных образований в случае несоблюдения ограничений, запретов, неисполнения обязанностей, установленных антикоррупционным законодательством [Определение Конституционного Суда РФ от 26 января 2017 г. № 135-О // СПС «Консультант Плюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=490236#uJ8Ny1UBobqbJgW5> (дата обращения: 17.11.2023)].

Действующее законодательство предусматривает достаточно широкий перечень оснований для досрочного прекращения полномочий депутатов представительных органов муниципальных образований, которые закреплены в различных положениях статьи 40 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 131-ФЗ). Так, в соответствии с положениями части 10 статьи 40 Федерального

закона № 131-ФЗ полномочия депутата могут быть досрочно прекращены в следующих случаях: смерти; отставки по собственному желанию; признания судом недееспособным или ограниченно дееспособным; признания судом безвестно отсутствующим или объявления умершим; вступления в отношении депутата в законную силу обвинительного приговора суда, а также в иных случаях, установленных Федеральным законом № 131-ФЗ и другими законами.

Возможность досрочного прекращения полномочий депутата в случае несоблюдения ограничений, запретов, неисполнения обязанностей, установленных антикоррупционным законодательством, предусмотрена частью 7.1 статьи 40 Федерального закона № 131-ФЗ.

В данном контексте важно подчеркнуть, что «целью досрочного прекращения полномочий депутата является защита общественных отношений, складывающихся в процессе деятельности представительного органа муниципального образования, от вредоносных коррупционных посягательств» [\[2\]](#). В случае противоправного поведения депутата, в том числе в виде неисполнения или ненадлежащего исполнения требований антикоррупционного законодательства, досрочное прекращение полномочий выступает в качестве реакции на такое поведение, что подтверждает закономерность отнесения указанной меры к антикоррупционным мерам безопасности [\[3\]](#).

Активно меняющееся законодательство, регулирующее деятельность лиц, замещающих муниципальные должности (к которым относятся и депутаты), а также правовая неопределенность содержания антикоррупционных стандартов и порядка их соблюдения лицами, замещающими муниципальные должности, обусловили сложности в механизме реализации отдельных антикоррупционных процедур, предусмотренных законодательством. В результате сформировалась разрозненная правоприменительная практика по вопросам соблюдения указанными лицами антикоррупционных стандартов и применения меры досрочного прекращения полномочий в отношении депутатов в случае, если они не соблюдают ограничения, запреты и не исполняют обязанности, установленные в целях противодействия коррупции.

Формирование эффективной антикоррупционной политики, в том числе путем закрепления в отношении депутатов представительных органов муниципальных образований антикоррупционных стандартов, было обусловлено сложившейся в стране к концу XX века экономической, социальной и политической обстановкой. В своем первом Послании Федеральному Собранию РФ 8 июля 2000 г. Президент России подчеркивал, что «диктату теневой экономики и "серых" схем, разгулу коррупции и массовому оттоку капитала за рубеж во многом способствовало само государство. Способствовало нечеткостью правил и неоправданными ограничениями» [Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 8 июля 2000 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21480> (дата обращения: 15.11.2023)]. Именно поэтому, по мнению Т. Б. Басовой, противодействие коррупции на десятилетие стало одним из направлений трансформации административно-управленческой системы России...» [\[4, с. 6-7\]](#). Подтверждением начала антикоррупционной трансформации стало принятие Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее – Федеральный закон № 273-ФЗ) и дальнейшее поступательное закрепление в отношении различных представителей органов публичной власти антикоррупционных стандартов поведения.

Распространение на депутатов представительных органов муниципальных образований антикоррупционных стандартов стало важной вехой в формировании государственной

антикоррупционной политики. Их соблюдение сдерживает депутатов от совершения коррупционных правонарушений, в свою очередь, несоблюдение позволяет на законных основаниях ограничить потенциально опасную деятельность путем досрочного прекращения депутатских полномочий.

В научной литературе [\[3, 5-7\]](#) отмечается, что антикоррупционные стандарты как научная категория находятся на стадии научно-практического осмысления. Законодателем, в свою очередь, пунктом 5 статьи 7 Федерального закона № 273-ФЗ закреплено понятие «введение антикоррупционных стандартов», под которым понимается установление для соответствующей области деятельности единой системы запретов, ограничений и дозволений, обеспечивающих предупреждение коррупции в данной области.

Антикоррупционные стандарты, распространяющиеся на депутатов представительных органов муниципальных образований, можно разделить на общие и специальные (дополнительные) [\[8\]](#). Отнесение стандарта к тому или иному виду обусловлено основой замещения лицом муниципальной должности депутата представительного органа муниципального образования. В соответствии с положениями части 5 статьи 40 Федерального закона № 131-ФЗ депутаты могут осуществлять свои полномочия как на постоянной, так и на непостоянной основах.

Общие антикоррупционные стандарты распространяются на депутатов, замещающих свои должности и на постоянной, и на непостоянной основах. В соответствии с положениями статьи 12.1 Федерального закона № 273-ФЗ к ним относятся:

- запрет замещать государственные должности Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации, иные муниципальные должности, должности государственной или муниципальной службы, если иное не установлено федеральными законами;
- обязанность в установленном порядке и в случаях, предусмотренных законом представлять сведения о своих доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супругов (супругов) и несовершеннолетних детей;
- обязанность сообщать о возникновении личной заинтересованности при исполнении должностных обязанностей, которая приводит или может привести к конфликту интересов, а также принимать меры по предотвращению или урегулированию такого конфликта.

Специальные антикоррупционные стандарты распространяются на депутатов, замещающих свои должности на постоянной основе. Они частично закреплены частью 7 статьи 40 Федерального закона № 131-ФЗ, а более полный перечень предусмотрен положениями статьи 12.1 Федерального закона № 273-ФЗ. Так, лица, замещающие муниципальные должности и осуществляющие свои полномочия на постоянной основе, не вправе:

- заниматься предпринимательской деятельностью лично или через доверенных лиц;
- использовать в неслужебных целях информацию, средства материально-технического, финансового и информационного обеспечения, предназначенные только для служебной деятельности;
- получать в связи с выполнением служебных (должностных) обязанностей не

предусмотренные законодательством Российской Федерации вознаграждения (ссуды, денежное и иное вознаграждение, услуги, оплату развлечений, отдыха, транспортных расходов) и подарки от физических и юридических лиц и др.

Также к специальным стандартам следует отнести запрет открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами, предусмотренный пунктом 1.1 части 1 статьи 2 Федерального закона от 07.05.2013 № 79-ФЗ. Запрет действует в отношении депутатов представительных органов муниципальных районов, муниципальных округов и городских округов, осуществляющих свои полномочия на постоянной основе, депутатов, замещающих должности в представительных органах этих муниципалитетов, а также их супругов и несовершеннолетних детей.

Насущным для правоприменительной практики является предотвращение случаев злоупотребления правом муниципальными депутатами при принятии ими решений о досрочном прекращении полномочий. Как следует из положений части 7.1 статьи 40 Федерального закона № 131-ФЗ, полномочия депутатов представительных органов муниципальных образований прекращаются досрочно в случае несоблюдения ими требований антикоррупционного законодательства. Несмотря на закрепленные законодателем императивные положения, правоприменительная практика представительных органов не отличается их строгим соблюдением.

Основаниями для заседания представительного органа муниципального образования по вопросу о досрочном прекращении полномочий депутата являются, как правило, поступившие в указанный орган следующие документы:

- представление прокурора по результатам проведения проверочных мероприятий в порядке надзора. Установив факты несоблюдения антикоррупционных стандартов, прокурор вносит представление об устранении нарушений в представительный орган муниципального образования с различными требованиями, в том числе – досрочного прекращения полномочий депутата, допустившего нарушение;
- доклад уполномоченного органа субъекта РФ по профилактике коррупционных и иных правонарушений (далее – уполномоченный орган субъекта РФ) по результатам проведенной проверки достоверности и полноты сведений депутата о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера (далее – проверка сведений о доходах, проверка) и заявление высшего должностного лица субъекта РФ о применении к депутату меры ответственности за несоблюдение требований антикоррупционного законодательства, установленных в результате проверки;
- доклад уполномоченного органа субъекта РФ по результатам осуществления контроля за расходами и предложения лица, принявшего решение об осуществлении контроля за расходами, о применении к депутату мер юридической ответственности по результатам проведенного контроля;
- информация уполномоченного органа субъекта РФ о несоблюдении лицом требований антикоррупционного законодательства, ставшая известной при проведении анализа имеющихся и (или) поступающих сведений.

Рассматривая на заседании представительного органа муниципального образования вопрос о досрочном прекращении полномочий депутата в связи с неисполнением требований антикоррупционного законодательства, депутаты оценивают обстоятельства

совершенного деяния, опираясь на положения законодательства, собственный опыт и интуитивное мышление. Дополнительно на заседаниях представительных органов при обсуждении указанного вопроса могут быть заслушаны пояснения депутата, допустившего нарушение, а также иных лиц, например, мнение председателя представительного органа, прокурора.

В целях формирования единообразного подхода к рассмотрению нарушений требований антикоррупционного законодательства и привлечению к ответственности Министерство труда и социальной защиты РФ (далее – Минтруд РФ) по мере изменения правоприменительной практики готовит соответствующие обзоры практики привлечения к ответственности за несоблюдение ограничений и запретов, неисполнение обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции [<Письмо> Минтруда России от 15 апреля 2022 г. № 28-6/10/П-2479 <Об актуализации Обзора практики привлечения к ответственности государственных (муниципальных) служащих за несоблюдение ограничений и запретов, неисполнение обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции> // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_415140 (дата обращения: 25.11.2023)]. Несмотря на то, что в названии указанных обзоров акцент сделан на государственных (муниципальных) служащих в целях формирования единообразной практики применения антикоррупционного законодательства, в тексте документов указывается на возможность учета позиций, изложенных в обзорах, и при применении мер ответственности за несоблюдение требований законодательства о противодействии коррупции в отношении различных категорий лиц, в том числе и лиц, замещающих муниципальные должности [<Письмо> Минтруда России от 15 апреля 2022 г. № 28-6/10/П-2479 <Об актуализации Обзора практики привлечения к ответственности государственных (муниципальных) служащих за несоблюдение ограничений и запретов, неисполнение обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции> // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_415140 (дата обращения: 25.11.2023)].

Важно отметить и то обстоятельство, что при принятии решения о применении или неприменении меры ответственности Минтруд РФ обращает внимание уполномоченных должностных лиц на необходимость рассмотрения всех обстоятельств совершенного деяния, поскольку целью применения мер ответственности является предупреждение коррупционной преступности в целом. Однако, несмотря на имеющуюся методическую поддержку, представительные органы муниципального образования зачастую игнорируют рекомендации Минтруда РФ при принятии решения о привлечении к ответственности за несоблюдение депутатом антикоррупционного законодательства и определении ее меры.

Как следствие, в правоприменительной практике нередки случаи, когда представительный орган досрочно прекращает полномочия депутата, допустившего несущественные нарушения, как правило, по своей невнимательности (например, неуказание нулевого банковского счета и др.). И наоборот. В ситуации, когда депутатом были совершены значительные проступки, депутаты принимают решение о неприменении меры ответственности, либо создают ситуации, при которых подобное решение не будет принято, либо привлекают к наименее тяжелой мере ответственности, которая не соответствует содеянному. Причины подобного поведения кроются в следовании партийной конъюнктуре, обеспечении реализации личных интересов, интересов аффилированных лиц, в расчете на солидарное голосование по иным вопросам и т. д.

На сегодняшний день существует несколько вариантов принятия решения о досрочном

прекращении полномочий депутата. В первом случае такое решение принимается самим представительным органом муниципального образования. Во втором – судом, если такое решение не принято на заседании представительного органа. В третьем – представительный орган исполняет решение суда, обязывающее досрочно прекратить полномочия депутата путем принятия соответствующего решения.

Наибольшее количество судебных решений по вопросу о применении в отношении депутатов представительных органов муниципальных образований досрочного прекращения полномочий выносится в связи с неисполнением или недобросовестным исполнением депутатами обязанности по представлению сведений о доходах, а также в связи с неисполнением обязанности по сообщению о наличии личной заинтересованности и непринятии мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов.

Показателен следующий пример [Решение № 2А-216/2020 2А-216/2020~М-249/2020 М-249/2020 от 11 ноября 2020 г. по делу № 2А-216/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/I5wPnCwEt8NP> (дата обращения: 25.11.2023)] удовлетворения судом требования прокурора о признании незаконным решения Совета депутатов о досрочном прекращении полномочий депутата (по собственному желанию) и обязании Совета депутатов досрочно прекратить полномочия депутата в связи с утратой доверия за неисполнение обязанности по сообщению о возникшем у нее конфликте интересов и по принятию мер по его предотвращению или урегулированию. На основании заявления депутата между администрацией муниципального образования в лице главы и депутатом, являющимся главой крестьянского (фермерского) хозяйства, заключен договор аренды земельного участка из земель сельскохозяйственного назначения на определенный срок. К тому же данный депутат является супругой главы муниципального образования. При заключении договора глава муниципального образования не сообщил о наличии личной заинтересованности и не принял мер по предотвращению или урегулированию конфликта интересов. По требованию прокурора на заседании Совета депутатов был рассмотрен вопрос об удалении главы муниципального образования в отставку, однако принято решение о неприменении каких-либо мер ответственности в отношении главы. За решение голосовала и являющаяся супругой главы муниципального образования депутат, которая не сообщила о наличии личной заинтересованности и не приняла мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов при голосовании о неприменении мер ответственности в отношении своего супруга. По результатам рассмотрения представления Совет депутатов решил не привлекать депутата к ответственности, полагая, что анализируемое деяние является проступком впервые совершенным, без отягчающих обстоятельств. Позднее полномочия депутата все же были досрочно прекращены решением Совета депутатов в связи с отставкой по собственному желанию. Не согласившись с таким решением, прокурор обратился в суд [Решение № 2А-216/2020 2А-216/2020~М-249/2020 М-249/2020 от 11 ноября 2020 г. по делу № 2А-216/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/I5wPnCwEt8NP> (дата обращения: 25.11.2023)].

Аналогичным образом складывается ситуация в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанности по представлению сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера. Так, депутат представительного органа муниципального образования в установленный нормативными правовыми актами срок не исполнил обязанность по представлению сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера. Указанное деяние,

как следует из положений части 7.1. статьи 40 Федерального закона № 131-ФЗ и статьи 13.1 Федерального закона № 273-ФЗ, является основанием для досрочного прекращения полномочий или досрочного прекращения полномочий в связи с утратой доверия. Представление прокурора о досрочном прекращении полномочий депутата было рассмотрено на очередном заседании представительного органа, но при голосовании по вопросу о досрочном прекращении полномочий депутата необходимое количество голосов не набралось, в связи с чем принято решение об оставлении представления без удовлетворения [Решение № 2А-299/2021 2А-299/2021~М-63/2021 М-63/2021 от 11 марта 2021 г. по делу № 2А-299/2021 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: [//sudact.ru/regular/doc/j2jctH9jq4x8](https://sudact.ru/regular/doc/j2jctH9jq4x8) (дата обращения: 25.11.2023)].

Также распространенным в подобных ситуациях является вынесение представительным органом муниципального образования предупреждения с указанием на недопустимость подобных нарушений впредь [Дело № 2а-1011/2021 24RS0004-01-2021-000453-45 // Берёзовский районный суд Красноярского края: офиц. сайт. URL: https://berez--krk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=392743433&case_uid=dda7180d-1bb2-4007-9b01-e3090f5932cb&delo_id=41 (дата обращения: 26.11.2023)] вместо

применения меры досрочного прекращения полномочий депутата. В названных случаях представители прокуратуры обращаются в суд с требованием признать незаконным бездействие представительного органа муниципального образования, выразившееся в непринятии решения о досрочном прекращении полномочий депутата, и возложить на административного ответчика обязанность устранить допущенные нарушения и принять решение о досрочном прекращении полномочий депутата на ближайшем заседании со дня вступления решения суда в законную силу.

В судебной практике прослеживается тенденция формирования правовой позиции, исходя из которой суды полагают, что «для принятия решения о досрочном прекращении полномочий депутата достаточно лишь факта представления им неполных или недостоверных сведений, при этом направленность целей такого непредставления, отсутствие корыстной заинтересованности в этом, иные факторы, правового значения не имеют» [Решение № 2А-299/2021 2А-299/2021~М-63/2021 М-63/2021 от 11 марта 2021 г. по делу № 2А-299/2021 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: [//sudact.ru/regular/doc/j2jctH9jq4x8](https://sudact.ru/regular/doc/j2jctH9jq4x8) (дата обращения: 25.11.2023)].

В подтверждение данного тезиса приведем следующий пример. По результатам проведенной уполномоченным органом субъекта РФ проверки достоверности и полноты сведений о доходах депутата сельского Совета депутатов представленные им сведения о доходах были признаны недостоверными и неполными. В соответствии с положениями статьи 12.1 Федерального закона № 273-ФЗ в Совет депутатов было направлено заявление уполномоченного лица (на период отсутствия высшего должностного лица субъекта РФ) о применении к депутату меры ответственности в связи с несоблюдением обязанности, установленной Федеральным законом № 273-ФЗ. Постоянной депутатской комиссией Совета депутатов по финансам, бюджету и налоговой политике принято решение о применении в отношении депутата меры ответственности в виде предупреждения. Прокурор района обратился в суд с административным иском с требованием признать незаконным бездействие сельского Совета депутатов в части непринятия мер, направленных на прекращение полномочий депутата, а также досрочно прекратить полномочия депутата, не исполнившего установленную законом обязанность. Суд требования прокурора удовлетворил [Дело № 33а-13268/2023 УИД 24RS0013-01-2022-002833-10 // Красноярский краевой суд : офиц. сайт. URL:

[https://kraevoy--krk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=66361475&delo_id=42&new=0&text_nu\(дата обращения: 27.11.2023\)\]](https://kraevoy--krk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=66361475&delo_id=42&new=0&text_nu(дата обращения: 27.11.2023)]).

До 2019 года требования прокурора в административных исковых заявлениях, направляемых в суд, отличались вариативностью. В некоторых заявлениях прокурор просил суд досрочно прекратить полномочия депутата, в других же просил обязать представительный орган муниципального образования (как орган, имеющий исключительную компетенцию по данному вопросу, закрепленную законом) досрочно прекратить полномочия депутата. В обоих случаях требования прокуроров признавались обоснованными, вместе с тем последствия исполнения таких требований были разными.

В кассационном определении от 12.07.2019 № 53-КА19-6 Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ указала, что «у суда апелляционной инстанции отсутствовали правовые основания для прекращения полномочий депутата, поскольку решение о досрочном прекращении полномочий депутата представительного органа муниципального образования может быть принято только представительным органом муниципального образования» [Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 12 июля 2019 г. № 53-КА19-6 // СПС «Консультант Плюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=591693#qvpAz1UT4WUi0LhN> (дата обращения: 27.11.2023)].

Указанные положения из кассационного определения Верховного Суда РФ стали основанием для формирования судебной практики нижестоящими судами общей юрисдикции. В своих решениях суды обязывали представительные органы муниципальных образований принять решение о досрочном прекращении полномочий депутата, допустившего нарушение требований антикоррупционного законодательства. Однако по различным причинам представительный орган не принимал соответствующего решения. Чаще всего при рассмотрении на заседании представительного органа вопроса о досрочном прекращении полномочий депутата и вынесении его на голосование не набиралось необходимого количества голосов. Фактически депутат продолжал осуществлять свои полномочия, несмотря на то, что факт нарушения им требований антикоррупционного законодательства был установлен и подтвержден судом. Очевидно, что в сложившейся ситуации депутаты представительных органов злоупотребляли своим правом и умышленно принимали подобные решения.

Ситуация начала меняться после трансформации правовой позиции Верховного Суда РФ. Так, несмотря на отсутствие законодательного закрепления возможности прекращения полномочий депутата вследствие установления судом нарушения требований антикоррупционного законодательства, в кассационном определении от 09.11.2022 № 46-КАД22-14-К6 Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ указала, что «принятие решения о прекращении полномочий такого лица будет находиться в компетенции суда независимо от принятых представительным органом местного самоуправления решений об отказе в прекращении его полномочий» [Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 46-КАД22-14-К6 // СПС «Консультант Плюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=737233#ta9Bz1U0gvsrXYF7> (дата обращения: 27.11.2023)]. Как следствие, в резолютивных частях судебных решений нижестоящих судов общей юрисдикции стали появляться формулировки «прекратить досрочно полномочия депутата ...» [Дело № 2а-653/2023 УИД 24RS0055-01-2023-000877-79 // Уярский районный суд

Красноярского края : офиц. сайт. URL: https://uyar--krk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=401168375&delo_id=41&new=0&text_n (дата обращения: 27.11.2023); Дело № 2а-1675/2023 24RS0004-01-2023-000826-25 // Берёзовский районный суд Красноярского края : офиц. сайт. URL: https://berez--krk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=365862608&delo_id=41&new=0&text_n (дата обращения: 27.11.2023)].

В специальной литературе отмечается, что «вопрос о “судебном активизме” и недопустимости подмены судебным актом существа решения органа публичной власти является дискуссионным не только для рассматриваемой сферы отношений, но и в целом всей системы судебного нормоконтроля» [9, с. 152]. С одной стороны, обязывание депутатов голосовать определенным образом противоречит природе представительного органа и идеям представительства в целом. С другой – досрочное прекращение полномочий депутата представительного органа муниципального образования судом в результате установления факта совершения депутатом коррупционного правонарушения ограничивает возможность дальнейшего злоупотребления им своими правами и статусом и повышает эффективность применения досрочного прекращения полномочий в целях обеспечения антикоррупционной безопасности организации и деятельности представительного органа.

Важно отметить, что «самостоятельность и независимость органов местного самоуправления не означает невозможность применения к ним мер государственного принуждения за незаконные действия и решения» [10]. В ситуациях, явно указывающих на злоупотребление представительными органами муниципальных образований своим исключительным правом на принятие решений о досрочном прекращении полномочий депутата, полагаем, что прекращение полномочий депутата в судебном порядке представляется справедливым и правомерным в целях обеспечения интересов населения и эффективного решения вопросов местного значения.

В некоторых случаях депутаты могут умышленно не исполнять требования антикоррупционного законодательства или исполнять их ненадлежащим образом, понимая, что негативные последствия подобных действий не наступят, что подчеркивает пренебрежительное отношение таких депутатов к соблюдению антикоррупционных стандартов поведения. Зачастую это происходит в ситуации приближающегося срока окончания работы очередного созыва представительного органа. Реакцией на подобное поведение со стороны представителей прокуратуры, в случае установления последними коррупционного правонарушения, будет подача искового заявления в суд. Однако, учитывая временной период, необходимый на проведение мероприятий, предшествующих назначению судебного разбирательства по делу, как правило, рассмотрение дела в суде проходит уже в период работы нового созыва депутатов.

Например, по результатам проверки представителями прокуратуры сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера (далее – сведения о доходах) районного Совета депутатов за отчетный период 2019 года было установлено, что один из депутатов отразил неполную информацию о своих доходах, а также не представил сведения о расходах. В судебном решении указывается, что депутат также допускал нарушения при представлении сведений о доходах за отчетный период 2016, 2017, 2018 годов. В указанных случаях по результатам рассмотрения представления прокурора Советом депутатов муниципального образования депутату предлагалось принять информацию к сведению, устранить выявленные нарушения, не допускать

подобные нарушения впредь или принималось решение о вынесении депутату предупреждения. По факту установленных нарушений при проверке сведений о доходах депутата за отчетный период 2019 года прокурор 11.09.2020 направил в Совет депутатов представление с требованием «принять дополнительные незамедлительные и действенные меры к устранению выявленных нарушений и недопущению подобных нарушений впредь, устранить причины и условия, им способствовавшие, решить вопрос об ответственности виновных лиц» [Решение Боготольского районного суда от 19 января 2021 г. Дело № 2а-40/2021 (2а-758/2020) УИД № 24RS0006-01-2020-000984-76 // Боготольский районный суд Красноярского края :офиц. сайт. URL: https://bogotol--krk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=143924622&delo_id=41&new=0&text_n (дата обращения: 27.11.2023)].

Выборы депутатов районного Совета депутатов следующего созыва состоялись 13.09.2020, и депутат, допустивший указанные нарушения, был избран вновь. Представление прокурора было рассмотрено на первой сессии районного Совета депутатов нового созыва 30.09.2020, по результатам которой к депутату была применена мера ответственности в виде предупреждения. Не согласившись с указанным решением районного Совета депутатов нового созыва, прокурор обратился с административным иском в суд. В решении суд отметил, что «правовой статус лица как депутата районного Совета депутатов 5-го созыва обусловлен его избранием на выборах 14.09.2015, со дня начала работы выборного органа местного самоуправления нового (6-го созыва) созыва 30.09.2020 его полномочия прекращены, в связи с чем к нему не могла быть применена за несоблюдение требований антикоррупционного законодательства мера ответственности в виде досрочного прекращения полномочий» [Решение Боготольского районного суда от 19 января 2021 г. Дело № 2а-40/2021 (2а-758/2020) УИД № 24RS0006-01-2020-000984-76 // Боготольский районный суд Красноярского края :офиц. сайт. URL: https://bogotol--krk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=143924622&delo_id=41&new=0&text_n (дата обращения: 27.11.2023)]. Соответственно, привлечение к ответственности депутата при избрании его в следующий созыв не представляется возможным, так как правонарушение им было допущено, когда он являлся депутатом предыдущего созыва.

На сегодняшний день несоблюдение антикоррупционных стандартов поведения депутатами представительных органов муниципальных образований представляет собой достаточно распространенное на практике явление. Учитывая вред, который причиняется общественным отношениям в результате совершения коррупционных правонарушений, введение ответственности таких должностных лиц в виде досрочного прекращения их полномочий выступает важным шагом на пути обеспечения антикоррупционной безопасности местного самоуправления. Вместе с тем несовершенство законодательных положений, регулирующих процедуру привлечения депутатов к ответственности за несоблюдение антикоррупционных стандартов поведения, существенно снижает предупредительный потенциал данной меры и зачастую создает условия для возможных злоупотреблений со стороны представительных органов муниципальных образований. Народный избранник, уличенный в нарушении антикоррупционных стандартов поведения, фактически может быть лишен полномочий под влиянием заинтересованности политических оппонентов, а не в результате объективной оценки всех юридически значимых обстоятельств допущенного правонарушения и его последствий. И наоборот, депутат, допустивший значительные проступки, может избежать ответственности до окончания срока полномочий. В сложившейся ситуации в целях обеспечения антикоррупционной безопасности

деятельности представительных органов муниципальных образований представляется целесообразным закрепить в законодательстве случаи, когда полномочия депутата подлежат досрочному прекращению в судебном порядке.

Библиография

1. Андреечев И. С. Предотвращение и урегулирование конфликта интересов в деятельности депутатов представительных органов муниципальных образований: проблемы правового регулирования и практики применения // Местное право. 2021. № 3. С. 3–30.
2. Сухарева К. С. Досрочное прекращение полномочий депутатов представительных органов муниципальных образований как антикоррупционная мера безопасности // Енисейские политико-правовые чтения : сборник научных статей по материалам XV Всероссийской научно-практической конференции (29–30 сентября 2023 г.) [Электронный ресурс] / отв. ред. Г. Л. Москалев. Красноярск : Общественный комитет по защите прав человека, 2023. URL: [https://law.sfu-kras.ru/attachments/article/7008/Sbornik%20EPPCh-2023%20\(30.11.2023\).pdf](https://law.sfu-kras.ru/attachments/article/7008/Sbornik%20EPPCh-2023%20(30.11.2023).pdf) (дата обращения: 18.11.2023).
3. Антикоррупционные меры безопасности : монография / под ред. Н. В. Щедрина, И. А. Дамм. М. : Проспект, 2020. 496 с.
4. Басова Т. Б. Противодействие коррупции в фокусе административной реформы России // Криминологический журнал. 2012. № 4. С. 6–12.
5. Костенников М. В., Куракин А. В. Антикоррупционные стандарты служебного поведения государственных гражданских служащих // Мониторинг правоприменения. 2014. № 4 (13). С. 26–33.
6. Коррупция: природа, проявления, противодействие : монография / отв. ред. акад. РАН Т. Я. Хабриева. М. : ИД «Юриспруденция», 2012. 688 с.
7. Противодействие коррупции в федеральных органах исполнительной власти : науч.-практ. пособие / Т. А. Едкова, Н. В. Кичигин, А. Ф. Ноздрачев [и др.] ; отв. ред. А. Ф. Ноздрачев. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИНФРА-М, 2016. 184 с.
8. Дамм И. А. Антикоррупционные стандарты поведения лиц, осуществляющих управленческие функции в образовательной организации // Право и политика. 2017. № 12. С. 14–26.
9. Роньжина О. В. Особенности привлечения депутатов представительных органов муниципального образования к конституционной ответственности за коррупционные правонарушения // Роль юридического сообщества в противодействии коррупции : сборник научных статей по итогам VI Сибирского антикоррупционного форума. Красноярск, 15–16 декабря 2022 г. / отв. ред. И. А. Дамм, Е. А. Акунченко. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2023. С. 148–153.
10. Заболотских Е. М. Ответственность должностных лиц и органов местного самоуправления : науч.-практ. пособие // СПС «Консультант Плюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=8140#fGIYw5UeczSB0Thq> (дата обращения: 28.11.2023).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье являются, как это следует из ее наименования, актуальные вопросы досрочного прекращения полномочий депутатов представительных органов муниципальных образований за несоблюдение антикоррупционного законодательства. Заявленные границы исследования соблюдены автором.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования не подлежит сомнению и обосновывается им следующим образом: "Высокий уровень антикоррупционной безопасности деятельности органов местного самоуправления имеет принципиальное значение для повышения эффективности их работы и соблюдения интересов населения соответствующего муниципального образования. Распространение действия антикоррупционного законодательства на депутатов различных уровней как на лиц, замещающих муниципальные должности, является результатом его эволюции [1, с. 3]. Следуя логике правовой позиции Конституционного Суда РФ, распространение на депутатов представительных органов муниципальных образований требований антикоррупционного законодательства является элементом эффективного правового механизма, способного охранять правовую демократию от злоупотреблений и криминализации публичной власти, легитимность которой во многом основывается на доверии общества. Обеспечение эффективности и достижения указанных целей обуславливается законодательно закрепленной возможностью досрочного прекращения полномочий депутатов представительных органов муниципальных образований в случае несоблюдения ограничений, запретов, неисполнения обязанностей, установленных антикоррупционным законодательством [Определение Конституционного Суда РФ от 26 января 2017 г. № 135-О // СПС «Консультант Плюс». URL: [https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?](https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=490236#uJ8Ny1UBobqbJgW5)

[req=doc&base=ARB&n=490236#uJ8Ny1UBobqbJgW5](https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=490236#uJ8Ny1UBobqbJgW5) (дата обращения: 17.11.2023)]"; "Активно меняющееся законодательство, регулирующее деятельность лиц, замещающих муниципальные должности (к которым относятся и депутаты), а также правовая неопределенность содержания антикоррупционных стандартов и порядка их соблюдения лицами, замещающими муниципальные должности, обусловили сложности в механизме реализации отдельных антикоррупционных процедур, предусмотренных законодательством. В результате сформировалась разрозненная правоприменительная практика по вопросам соблюдения указанными лицами антикоррупционных стандартов и применения меры досрочного прекращения полномочий в отношении депутатов в случае, если они не соблюдают ограничения, запреты и не исполняют обязанности, установленные в целях противодействия коррупции". Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "Насущным для правоприменительной практики является предотвращение случаев злоупотребления правом муниципальными депутатами при принятии ими решений о досрочном прекращении полномочий. Как следует из положений части 7.1 статьи 40 Федерального закона № 131-ФЗ, полномочия депутатов представительных органов муниципальных образований прекращаются досрочно в случае несоблюдения ими требований антикоррупционного законодательства. Несмотря на закрепленные законодателем императивные положения, правоприменительная практика представительных органов не отличается их строгим соблюдением"; "Важно отметить и то обстоятельство, что при принятии решения о применении или неприменении меры ответственности Минтруд РФ обращает внимание уполномоченных должностных лиц на необходимость рассмотрения всех обстоятельств совершенного деяния, поскольку целью применения мер

ответственности является предупреждение коррупционной преступности в целом. Однако, несмотря на имеющуюся методическую поддержку, представительные органы муниципального образования зачастую игнорируют рекомендации Минтруда РФ при принятии решения о привлечении к ответственности за несоблюдение депутатом антикоррупционного законодательства и определении ее меры"; "Наибольшее количество судебных решений по вопросу о применении в отношении депутатов представительных органов муниципальных образований досрочного прекращения полномочий выносится в связи с неисполнением или недобросовестным исполнением депутатами обязанности по представлению сведений о доходах, а также в связи с неисполнением обязанности по сообщению о наличии личной заинтересованности и непринятии мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы вполне логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор рассматривает сущность понятия "антикоррупционные стандарты", перечисляет общие и специальные антикоррупционные стандарты, исследует процедуру досрочного прекращения полномочий депутатов представительных органов муниципальных образований за несоблюдение антикоррупционных стандартов, выявляет соответствующие пробелы действующего законодательства, проблемы правоприменительной практики и предлагает пути их решения. В заключительной части статьи содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию и не вызывает особых нареканий.

Библиография исследования представлена 10 источниками (монографиями, научными статьями, научно-практическим пособием). С формальной и фактической точек зрения этого вполне достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой глубиной и полнотой.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (О. В. Роньжина), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно; положения работы аргументированы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("На сегодняшний день несоблюдение антикоррупционных стандартов поведения депутатами представительных органов муниципальных образований представляет собой достаточно распространенное на практике явление. Учитывая вред, который причиняется общественным отношениям в результате совершения коррупционных правонарушений, введение ответственности таких должностных лиц в виде досрочного прекращения их полномочий выступает важным шагом на пути обеспечения антикоррупционной безопасности местного самоуправления. Вместе с тем несовершенство законодательных положений, регулирующих процедуру привлечения депутатов к ответственности за несоблюдение антикоррупционных стандартов поведения, существенно снижает предупредительный потенциал данной меры и зачастую создает условия для возможных злоупотреблений со стороны представительных органов муниципальных образований. Народный избранник, уличенный в нарушении антикоррупционных стандартов поведения, фактически может быть лишен полномочий под влиянием заинтересованности политических оппонентов, а не в результате объективной оценки всех юридически значимых обстоятельств допущенного правонарушения и его последствий. И наоборот, депутат, допустивший значительные проступки, может избежать ответственности до окончания срока полномочий. В сложившейся ситуации в целях обеспечения антикоррупционной безопасности деятельности представительных органов муниципальных образований

представляется целесообразным закрепление в законодательстве случаев, когда полномочия депутата подлежат досрочному прекращению в судебном порядке"), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере конституционного права, муниципального права при условии ее небольшой доработки: раскрытии методологии исследования и дополнительном обосновании актуальности его темы.

Англоязычные метаданные

The Construction and Definition Problems Surrounding the Political and Legal Ideal

Lykov Andrey Yurievich

Postgraduate student at Department of Theory and History of State and Law, Siberian Federal University

6 Maerchaka str., Krasnoyarsk Territory, 660065, Russia

✉ lykov.science@gmail.com

Abstract. The subject of this study is the concept of “political and legal ideal.” Guided by current statistical data and international research results, it is substantiated that the models of state development used in the world have turned out to be untenable. The consequence of this circumstance is the need for legal science to develop new approaches to improving social relations. A political and legal ideal can serve this purpose. Based on the study of legal doctrine and modern scientific works, the author has attempted to analyze the concept of the “political and legal ideal” and propose a possible way to construct it.

The methodological basis of the work consists of a systematic approach, analysis, synthesis, dialectical method, eclectic method, formal legal method, and the method of state-legal modeling. Statistical and sociological methods are also applied to use factual data about society.

The author’s unique contribution to the study of the topic is forming a new approach to understanding the political and legal ideal and its construction. When forming theoretical provisions that make up the content of the political and legal ideal, it is proposed to consider three groups of mandatory consistent patterns. The first and foremost group is characteristic of any state, the second is only for a group of states united by a common goal, and the third is patterns that are exclusive to a specific state. In addition, the content of the created model must reflect the immanence of contradictions in society and form a mechanism for their resolution. The approach presented by the author can serve as the basis for further improvement of the theory of the political and legal ideal, as well as contribute to the development of the most necessary effective legal solutions on the part of the state.

Keywords: law, social ideal, state progress, development consistent patterns, universal norms, contradictions, legal ideal, political-legal ideal, model, society

References (transliterated)

1. Global Risks Report 2023 // World Economic Forum. 11.01.2023. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_Risks_Report_2023.pdf (data obrashcheniya: 19.01.2024).
2. The world’s most, and least, democratic countries in 2022 // The Economist. 01.02.2023. URL: <https://www.economist.com/graphic-detail/2023/02/01/the-worlds-most-and-least-democratic-countries-in-2022> (data obrashcheniya: 24.01.2024).
3. The Global State of Democracy 2023. The New Checks and Balances // International Institute for Democracy and Electoral Assistance. 02.11.2023. URL: <https://www.idea.int/gsod/2023> (data obrashcheniya: 19.01.2024).
4. Fabiani, M. Unraveling the Roots of Income Polarization in Europe: A Divided Continent

- // Economies. 2023. № 8. Article 217.
5. Rising Economic Polarization in the United States: Truth and Facts // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 24.02.2023. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/wjbxw/202302/t20230224_11030978.html (data obrashcheniya: 24.01.2024).
  6. Gonzalez M. Case Study: United States of America. Global State of Democracy 2023 Report // International Institute for Democracy and Electoral Assistance. 02.11.2023. URL: <https://www.idea.int/sites/default/files/2023-11/case-study-usa-gsod-2023-report.pdf> (data obrashcheniya: 01.02.2024).
  7. Fundamental Rights Report – 2023 // European Union Agency for Fundamental Rights, Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2023. URL: https://fra.europa.eu/sites/default/files/fra_uploads/fra-2023-fundamental-rights-report-2023_en_1.pdf (data obrashcheniya: 01.02.2024).
  8. Macy M.W., Ma M., Tabin D.R., Gao J., Szymanski B.K. Polarization and tipping points // Proceedings of the National Academy Sciences. 2021. № 50. URL: <https://www.pnas.org/doi/full/10.1073/pnas.2102144118> (data obrashcheniya: 01.02.2024).
  9. Ludwinek A., Anderson R., Ahrendt D., Jungblut J-M., Leoncikis T. Social mobility in the EU // Publications Office of the European Union, Eurofound, Luxembourg. 2017. URL: <https://www.eurofound.europa.eu/system/files/2017-04/ef1664en.pdf> (data obrashcheniya: 01.02.2024).
  10. Baburin, S. N. Soyuznoe Gosudarstvo kak politiko-pravovoi ideal russkoi natsii // Obrazovanie i pravo. 2017. № 2. S. 29-36.
  11. Glushkova S.I. Problema pravovogo ideala v russkom liberalizme: avtoref. dis. ... dokt. polit. nauk. Ekaterenburg, 2002. 66 c.
  12. Shaveko N.A. Neokantianskii podkhod k probleme pravovogo ideala (Rudolf Shtammmler) // Sotsial'no-ekonomicheskie issledovaniya, gumanitarnye nauki i yurisprudentsiya: teoriya i praktika. 2016. № 5. S. 141-149.
  13. Bondarenko N.G., Vasil'eva I.A., Kryukova L.V., Bondarenko S.I. Pravovoi ideal v istoriko-pravovom diskurse // Kontseptsiya ustoychivogo razvitiya nauki v sovremennykh usloviyakh. Sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. V 2-kh chastyakh. Ufa, 2022. С. 42-45.
  14. Bagryantseva V.Yu. Stremlenie k pravovym idealam // Nauchnoe obespechenie agropromyshlennogo kompleksa. Sbornik statei po materialam 78-i nauchno-prakticheskoi konferentsii studentov po itogam NIR za 2022 god. Krasnodar, 2023. S. 30-33.
  15. Kivilev, P. S. Gosudarstvenno-pravovoi ideal v predstavleniyakh sovremennoi rossiiskoi molodezhi // Pravo i gosudarstvo: problemy metodologii, teorii i istorii: Materialy XI Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Krasnodar, 2022. S. 121-125.
  16. Sizemskaya I.N. Mesto obshchestvennogo ideala v sisteme nelineinykh kontseptsii istorii // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2006. № 3. S. 93-101.
  17. Ronzhina N.V. Gosudarstvennoe upravlenie protsessami poiskov obshchestvennogo ideala: sluchainost' ili zakonomernost'? // Rossiiskii chelovek i vlast' v kontekste radikal'nykh izmenenii v sovremennom mire: materialy XXI rossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem). Ekaterinburg, 2019. S. 70-74.
  18. Nenina I.M. Sotsial'nyi ideal i utopiya v kul'turno-istoricheskikh situatsiyakh obshchestvennogo razvitiya: dis. ... kand. filos. nauk. Krasnoyarsk, 2004. 150 c.

19. Kalney M. S. Social Ideal and Social Reality Contradiction as Basic Feature of Utopian Projects // Scientific Research and Development. Socio-Humanitarian Research and Technology. 2023. № 1. P. 26-31.
20. Drobyshevskii, S. A. Idealy politicheskii organizovannogo obshchestva: nekotorye spornye voprosy // Nauchnye trudy. Rossiiskaya akademiya yuridicheskikh nauk. 2017. № 17. С. 40-42.
21. Karanina, N. S. Teorii ideal'nogo gosudarstva: prakticheskoe primeneniye teoreticheskikh razrabotok pri postroenii sovremennykh gosudarstv // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. 2010. № 1. S. 7-11.
22. Kontarev A.A. Ideal pravdy v aksiosfere Rossiiskoi pravovoi kul'tury // Filosofiya prava. 2022. № 4. S. 7-12.
23. Budagova A.Sh. K voprosu o funktsiyakh konstitutsionnogo ideala // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). 2022. № 6. S. 70-79.
24. Karnaushenko L.V. Pravovoi ideal v protsesse formirovaniya pravovoi kul'tury rossiiskogo obshchestva XXI veka // Obshchestvo i pravo. 2021. № 3. S. 108-111.
25. Yashchuk T.F. Forma gosudarstva v istoriko-pravovykh issledovaniyakh sovetskogo perioda // Pravoprimerenie. 2021. № 3. S. 22-33.
26. Shtammler R. Khozyaistvo i pravo: s tochki zreniya materialisticheskogo ponimaniya istorii. V 2 t. T.1. SPb.: Nachalo, 1907. 408 s.
27. Iering R. Tsel' v prave. T. 1. SPb.: Izd. N.V. Murav'va, 1881. 412 s.
28. Gessen I.V. Iskaniya obshchestvennogo ideala. Berlin: Slovo, 1922. 60 s.
29. Finnis Dzh. Estestvennoe pravo i estestvennye prava. M.: Mysl', 2012. 554 s.
30. Novgorodtsev P.I. Ob obshchestvennom ideale. M.: Pressa, 1991. 640 s.
31. Pristenskii V.N. Pravo i obshchestvennyi ideal: filosofskii aspekt problemy // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2015. № 1. S. 229-237.
32. Alekseev N.N. Osnovy filosofii prava. SPb.: Izd-vo S, 1998. 216 c.
33. Problemy teorii gosudarstva i prava. Uchebnoe posobie. M.: «PROSPEKT», 1999. 504 s.
34. Ol' P.A. K voprosu o ponyatii gosudarstvenno-pravovogo ideala // Vestnik Nizhegorodskogo gos. un-ta im. Lobachevskogo. Ser. Pravo. 2001. № 1. S. 158-160.
35. Velichko A.V. Gosudarstvenno-pravovye idealy Rossii i Zapada: sootnosheniye pravovykh kul'tur: dis. ... dokt. yurid. nauk. SPb., 2000. 355 s.
36. Taimaskhanov U.Sh. Gosudarstvenno-pravovoi ideal: teoretiko-pravovoi analiz: diss. ... kand. yurid. nauk. Rostov-n/D., 2014. 197 s.
37. Frolova E.A. Pravovoi ideal // Filosofiya prava. Kurs lektsii: ucheb. posobie v 2 t. T.1. M.: Prospekt, 2011. 512 c.
38. Shapsugov. D.Yu. Politiko-pravovoi ideal v sovremennom rossiiskom zakonodatel'stve. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii. Sochi-Rostov-na-Donu, 2005. 239 c.
39. Pratsko G.S. Pravovoi ideal kak tsennostnaya kategoriya // Filosofiya prava. 2020. № 1. S. 49-53.
40. Lazareva L.N., Yatsenko O.Yu., Bespyatova E.B. Transformatsiya obshchestvennogo ideala v istoricheskoi retrospektive // Priroda. Chelovek. Kul'tura. Materialy Tret'ego Mezhdunarodnogo nauchno-prosvetitel'skogo foruma. Khabarovsk, 2022. S. 64-68.
41. Nersesyants B.C. Filosofiya prava Gegelya. M.: Yurist", 1998. 352 s.
42. Popov D.I. Politicheskii ideal pravovogo populizma na Zapade v nachale XXI veka // Omskie sotsial'no-gumanitarnye chteniya. Materialy XV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Omsk, 2022. С. 124-129.

43. Biglova N.Kh. Kontseptsiya ideal'nogo gosudarstva i ee realizatsiya: istoriko-teoreticheskii aspekt: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2006. 18 s.
44. Osipova E.V. Mirovozzrenie i obshchestvennyi ideal. M.: RITs ISPI RAN, 2002. 61 s.
45. Campanella T. Gorod Solntsa. URL: <http://lib.ru/INOOLD/KAMPANELLA/suntown.txt> (data obrashcheniya: 21.02.2024).
46. Mor T. Utopiya. M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1953. 302 s.
47. Platon. Gosudarstvo. Sochineniya: v 3 t. T. 3. Ch. 1. M., 1971. URL: <https://grani.roerich.com/plato/txt/republic03.htm> (data obrashcheniya: 21.02.2024).
48. Fikhte I.G. Zamknutoe trgovoe gosudarstvo. Sochineniya: v 2 t. T. 2. SPb.: Mifril, 1993. S. 225-358.
49. Levitas R. The concept of Utopia. London: Philip Allan, 1990. 224 p.
50. Zanin S.V. «Utopiya» ili «Obshchestvennyi ideal»? // Dialog so vremenem. 2009. № 28. S. 81-88.
51. Spenser G. Sochineniya. T. 1. Osnovaniya sotsiologii. SPb.: Tip. A. Porokhovshchikova, 1898. 432 s.
52. Ellinek G. Obshchee uchenie o gosudarstve. SPb.: Izd. N.K. Martynova, 1908. 600 s.
53. Veber M. Izbrannoe. Obraz obshchestva. M.: Yurist, 1994. 702 s.
54. Gobbs T. Sochineniya: v 2 t. T. 1. M.: Mysl', 1989. 621 s.
55. Lokk D. Sochineniya: v 3 t. T. 3. M.: Mysl', 1988. 668 s.
56. Russo Zh-Zh. Ob obshchestvennom dogovore: Traktaty. M.: Kanon-Press-Ts: Kuchkovo pole, 1998. 416 s.
57. Uskova E.V. O ratsional'nosti chelovecheskogo myshleniya // Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya. 2017. № 1. C. 57-61.
58. Pound R. Ideal Element in Law. Indianapolis: Liberty Fund, 2002. 326 p.
59. Prigozhin A.I. Kachestvo tselei // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2010. № 1. S. 114 - 125.
60. Rachkov P.A. Slovo ob obshchestvennom ideale, ego ponyatii i tsennosti // Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. Filosofiya. 1995. № 2. S. 19-36.
61. Bulgakov S. Ot Marksizma k idealizmu: sb. statei (1896–1903). SPb.: Izd. tov-vo «Obshchestvennaya pol'za», 1903. 347 s.
62. Butakov A.V. Ot sotsial'nogo protivorechiya k sotsial'noi konkurentsii – bazovomu pravovomu rezhimu (sposobu) zhiznedeystel'nosti gosudarstva (Chast' I) // Pravoprimenenie. 2023. № 2. S. 5-15.
63. Murasheva S.V. Sotsial'nye konflikty kak prichiny i sledstviya protivorechii v rossiiskom obshchestve // Society and Security Insights. 2021. № 2. C. 151-163.
64. Easton D. Categories for the Systems Analysis of Politics // Varieties of Political Theory. N.J.: Englewood Cliffs, 1966. P. 143-154.
65. Austin J. Lectures on Jurisprudence or, The Philosophy of Positive Law. London: J. Murray, 1869. 504 p.
66. Drobyshevskii S.A. Politicheskaya organizatsiya obshchestva i pravo kak yavleniya sotsial'noi evolyutsii. Krasnoyarsk: KrasGU, 1995. 296 c.
67. Drobyshevskii S.A. Funktsional'naya i geneticheskaya svyaz' gosudarstva i prava. Krasnoyarsk: KrasGU, 1982. 103 c.
68. Treushnikov I. A., Gryaznova E. V. K voprosu o strukture pravovogo ideala v sovremennykh usloviyakh // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii. 2021. № 3. S. 33-38.

69. Rybakov V.A. Pravosoznanie – istochnik prava: kriticheskie zamechaniya // Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2023. № 8. С. 4-6.
70. Household real consumption per capita decreases in both euro area and EU // Eurostat. 27.10.2023 (121/2023). URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/17753796/2-27102023-AP-EN.pdf> (data obrashcheniya: 25.01.2024).
71. Evstratov A.E. Guchenkov I.Yu. Natsionalizatsiya (ekspropriatsiya) sobstvennosti inostrannykh investorov: aktual'nye problemy // Pravoprimenenie. 2022. № 2. С. 147-158.

Forms of organization of people as a primary stage in relations with the state

Kitaeva Viktoriia

Lecturer, Department of Constitutional and Municipal Law, Voronezh State University

10A Lenin Square, Voronezh, Voronezh region, 394018, Russia

✉ kitaevave@mail.ru

Abstract. The article analyzes the legal and organizational foundations of interaction between public authorities and people. Local self-government is considered as a modern and most important form of organizing the activities of people, since it is the type of public authority closest to the population and is designed to solve issues of local importance in a particular territory. The subject of the study is the problems of interaction between public authorities and people due to the fact that at the present stage in our country there is an urgent demand for direct participation of people in solving issues of local importance, since active participation of people in the field is necessary to solve national issues. The methodological basis was general scientific and special research methods: formal legal, systemic, comparative legal analysis. For example, the formal legal method made it possible to analyze the main forms of local self-government, and the comparative legal method helped to conduct a comparative analysis of the forms of direct implementation of local self-government and forms of public participation in the implementation of local self-government. The purpose of the work is achieved by identifying and analyzing current problems of interaction between public authorities and people. Result of the research that not all forms of interaction between public authorities and people are equally effective. Some of them are outdated. The article concludes that there is a need for priority interaction of public authorities with people to resolve issues of local importance, as well as that it is the forms of organization of people that are the primary link in relations with the state. The authorities need to involve people in the development of territories and solving problems, interacting in various forms and implementing the most successful practices of the regions everywhere.

Keywords: regional practice, e-government, state, unified system authority, direct forms, interaction, forms of organization of people, public authorities, state authorities, local self-government

References (transliterated)

1. Bagdasaryan S.D., Grishina T.M. Istoricheskie korni mestnogo samoupravleniya v Rossii // Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2022. № 1. 94 s.

2. Byalkina T.M. O printsipakh mestnogo samoupravleniya v edinoi sisteme publichnoi vlasti // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2023. No 3(54). S. 8-17.
3. Bondar' N. S. Konstitutsionnaya model' organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossii: problemy i perspektivy tridtsat' let spustya // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=JOYXVDm7VsM>.
4. Narutto S.V., Nikitina A.V. Konstitutsionnyi printsip doveriya v sovremennom rossiiskom obshchestve // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. 2022. № 7. S. 13-18.
5. Avak'yan S.A. Modernizatsiya publichno-politicheskikh otnoshenii i konstitutsionnoe reformirovanie: problemy i perspektivy // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. 2019. № 9. S. 3-6.
6. Avak'yan S.A. Proekty zakonov o popravkakh k Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii: gryadet raund chetvertyi? // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. 2020. № 1. S. 31-44.
7. Otuzyan D.A. Sovremennye tendentsii vzaimodeistviya organov gosudarstvennoi vlasti sub'ektov Rossiiskoi Federatsii i organov mestnogo samoupravleniya s naseleniem // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. 2021. № 8. S. 28-31.
8. Narutto S.V., Shugrina E.S. Munitsipal'naya demokratiya: ot teorii k praktike. M.: Yurлитinform, 2020. 216 s.
9. Reuf V.M., Paulov P.A., Smirnov D.S. Aktual'nye problemy i perspektivy razvitiya instituta territorial'nogo obshchestvennogo samoupravleniya v Rossii kak osoboi formy sotsial'noi organizatsii mestnogo naseleniya // Yuridicheskaya nauka. 2019. № 4. 29 s.
10. Kolyushin E.I. Munitsipal'noe pravo Rossii. M.: Norma, 2008. 112 s.
11. Lolaeva A.S. Pravovye osnovy informatsionnogo vzaimodeistviya organov publichnoi vlasti s naseleniem v elektronnoi forme // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. 2022. № 7. S. 24-28.
12. Zamaratskii L.A. Uchastie grazhdan v byudzhетnom protsesse: opyt samooblozheniya i initsiativnogo byudzhетirovaniya // Finansovoe pravo. 2023. № 12. S. 17-21.
13. Boltinova O.V. Printsip uchastiya grazhdan v byudzhетnom protsesse // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. 2023. № 7. S. 54-61.

On the need to use baby boxes in Russia and other countries

Purge Anna Rolandovna

PhD in Law

Associate Professor at the Department of Private Law of Vladivostok State University

690014, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Gogol str., 41, office 5502

✉ a.purge@mail.ru

Abstract. The subject of this study is the normative legal provisions of the application and functioning of baby boxes on the territory of various states. The object is the social and legal justification of the need in the modern world for the use of baby boxes in the context of the implementation of the constitutional principle of the child's right to life. Article 3 of the Universal Declaration of Human Rights enshrines the inalienable and inalienable right of every human being to life, and, of course, this requirement fully applies to every child. Moreover, the principle has been proclaimed at the international legal level, according to which the child is

the exclusive object of protection by any state in the world and society: for example, in part 2 of Article 25 of the Universal Declaration of Human Rights it is enshrined that infancy and childhood give the right to special care and care. The methodological basis of this study is represented by a set of such methods of scientific cognition of objective legal reality, applied during preparation and writing, as: comparative analysis, as well as the formal legal method. In addition, the methods of scientific cognition of objective legal reality used by the author also include the logical method, system-structural analysis, and the method of legal modeling. The author analyzes the main social and legal reasons for the emergence and spread of the practice of using baby boxes in a number of foreign countries and in certain regions of Russia. Ambiguous points of view on the need for legal regulation and practice of using baby boxes in Russia are also presented today at the doctrinal level: some authors talk about the expediency and effectiveness of their use, others note their uselessness and insecurity, pointing to the existence of other mechanisms for voluntary parental abandonment of newborn children established by law. In the course of the analysis, the author presents the reasons for the need to introduce the practice of using baby boxes both in the Russian Federation and in other countries, and as a result, this entails the need for legislative regulation of the relations in question.

Keywords: the object of protection, state, protection of rights, the adoptive parent, foster family, orphaned children, baby box, the right to life, parents, kid

References (transliterated)

1. Kak OON rekomenduet Rossii otkazat'sya ot bebi-boksov // LiveJornal: [sait]. – URL: <https://roman-n.livejournal.com/8939166.html?ysclid=ls9j38y2c3758676168> (data obrashcheniya: 07.12.2023).
2. OON osudila cheshskie «bebi boksy» v kotorye možno anonimno sdāt' rebenka // Pravo.Ru. Informatsionno-pravovoi portal: [sait]. URL: <https://pravo.ru/interpravo/news/view/56254/?ysclid=ls9kxl7t2r854636933> (data obrashcheniya: 07.12.2023).
3. Evans S. The 'aby box returns to Europe // BBC News Magazine. 2012. № 6. R. 1-3.
4. Elina E.A. Soblyudenie prav rebenka v kontekste funktsionirovaniya instituta «bebi-boksov» // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. 2016. № 1 (19). S. 134-137.
5. Kovalevskii V.I. «Yashchik dlya rebenka», ili Nekotorye aspekty realizatsii v Rossii proekta «bebi-boks» // Sovremennoe pravo. 2015. № 12. S. 1-7.
6. Varaksina N.V. Yashchik dlya rebenka, ili nekotorye aspekty realizatsii v Rossii proekta «bebi-boks» // Dnevnik nauk. 2020. № 11. S. 1-8.
7. Ustinova N.V. Mezhdunarodnyi opyt profilaktiki zhestokogo obrashcheniya s novorozhdennymi det'mi // Rossiiskii pediatricheskii zhurnal. 2019. № 1. S. 55-60.
8. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 16 iyunya 2015 g. № 15-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti polozhenii stat'i 139 Semeinogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii i stat'i 47 Federal'nogo zakona «Ob aktakh grazhdanskogo sostoyaniya» v svyazi s zhaloboi grazhdan G.F. Grubich i T.G. Gushchinois» // SPS «Konsul'tantPlyus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181188/?ysclid=ls9nawuef431129848 (data obrashcheniya: 07.12.2023).
9. Opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 23 avgusta 2018 g. po delu № 48-KG18-16 // Verkhovnyi Sud Rossiiskoi Federatsii: [sait]. URL: https://vsrf.ru/stor_pdf_ec.php?id=1692276&ysclid=ls9nv5opxb117800770 (data obrashcheniya: 07.12.2023).
10. Korobka v zhizn'. V Rossii ustanovlen pervyi bebi-boks // Kommersant". Periodicheskoe

- izdanie: [sait]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1807532?ysclid=ls9oul8zmo489563808> (data obrashcheniya: 07.12.2023).
11. Sostoyanie prestupnosti-yanvar'-dekabr' 2010 god // Ministerstvo vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii: [sait]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/209732/> (data obrashcheniya: 07.12.2023).
  12. Sostoyanie prestupnosti-yanvar'-dekabr' 2011 goda // Ministerstvo vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii: [sait]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/209743/> (data obrashcheniya: 07.12.2023).
  13. Poyasnitel'naya zapiska k Zakonoproektu № 345593-7 «O vnesenii izmenenii stat'yu 10 Federal'nogo zakona «Ob osnovnykh garantiyakh prav rebenka Rossiiskoi Federatsii» i v stat'yu 19 Federal'nogo zakona «Ob aktakh grazhdanskogo sostoyaniya // Sistema obespecheniya zakonodatel'noi deyatelnosti: [sait]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/345593-7?ysclid=ls9qitiyry124744936> (data obrashcheniya: 07.12.2023).
  14. Ubiistva detei v Chekhii stanovyatsya vse bolee zhestokimi // Prazhskii ekspress. Periodicheskoe izdanie: [sait]. URL: <https://www.prague-express.cz/society/39-accident/10081-murder-of-children-in-the-czech-republic-are-becoming-more-violent> (data obrashcheniya: 07.12.2023).
  15. Oksana Pushkina rasskazala, skol'ko detei byli spaseny blagodarya bebi-boksam // Ria.Novosti: [sait]. URL: <https://ria.ru/20191107/1560683927.html?ysclid=ls8bt4rno342038665> (data obrashcheniya: 07.12.2023).
  16. Chekhiya: uzhe 260-i rebenok pomeshchen v bebi-boksy dlya nezhelannykh detei // Voice of Europe. Periodicheskoe izdanie: [sait]. URL: <https://www.voiceofeurope.com/ru/%D1%87%D0%B5%> (data obrashcheniya: 23.12.2023).
  17. Dannye o naznachennom nakazanii za sovershenie prestuplenii, predusmotrennykh razlichnymi stat'yami Ugolovnogo kodeksa RF // Sudebnaya statistika RF: [sait]. URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17?ysclid=ls8bay9dnl739469512> (data obrashcheniya: 07.12.2023).
  18. Prigovor Luzskogo raionnogo suda Kirovskoi oblasti № 1-49/2020 ot 17 iyulya 2020 g. po delu № 1-49/2020 // Sudebnye i normativnye akty RF: [sait]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/uHwS38USxdZm/?regular-txt=&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo= (data obrashcheniya: 23.12.2023).
  19. Prigovor Essentukskogo gorodskogo suda Stavropol'skogo kraja № 1-125/2020 ot 15 iyulya 2020 g. po delu № 1-125/2020 // Sudebnye i normativnye akty RF: [sait]. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/DtJpF6mV5IX/?regular-txt=&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo= (data obrashcheniya: 23.12.2023).
  20. Predsedatel' Sledstvennogo komiteta Rossii poruchil dolozhit' o khode rassledovaniya ugolovnogo dela ob ubiistve mater'yu novorozhdenного rebenka v Krasnoyarskom krae // Sledstvennyi komitet Rossiiskoi Federatsii: [sait]. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1830533/> (data obrashcheniya: 23.12.2023).
  21. Sledstvennyi komitet Rossii opublikoval video doprosa materi, brosishei mladentsa na ulitse v Moskve // Televizionnyi kanal «NTV»: [sait]. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2692259/?ysclid=ls9szgyiow20643410> (data obrashcheniya: 23.12.2023).
  22. Brosila u pod'ezda: kak mat'-kukushka izbavilas' ot syna // Gazeta. Ru. Periodicheskoe izdanie: [sait]. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2019/06/28/12460615.shtml?ysclid=ls9t5zoaje558684370> (data obrashcheniya: 23.12.2023).

23. Politsiya v Chekhii obnaruzhila novorozhdenno rebenka v musornom konteinere // 420on. Informatsionno-novostnoi portal: [sait]. URL: <https://420on.cz/news/people/61948-politsiya-v-chehii-obnaruzhila-novorozhdenno-rebenka-v-musornom-konteynere?ysclid=ls9tx8gbhq143492296> (data obrashcheniya: 23.12.2023).
24. O polozhenii del v mire v sfere profilaktiki nasiliya v otnoshenii detei za 2020 god: doklad Komiteta OON po pravam rebenka ot 25.06.2020 // World Health Organization: [sait]. URL: <https://www.who.int/teams/social-determinants-of-health/violence-prevention/global-status-report-on-violence-against-children-2020> (data obrashcheniya: 23.12.2023).
25. Sledstvennyi komitet RF: v Rossii vyroslo chislo prestuplenii protiv detei // Rossiiskaya gazeta: [sait]. URL: <https://rg.ru/2022/12/07/opasnaia-rodnia.html?ysclid=ls9uhtia2c3389276> (data obrashcheniya: 23.12.2023).
26. Izbila nasmert' posle goda izdevatel'stv: mat' raskvitalas' s godovalym synom vtaine oto vsekh v Khabarovskom krae // Komsomol'skaya pravda. Periodicheskoe izdanie: [sait]. URL: <https://www.hab.kp.ru/daily/27480/4736315/?ysclid=ls9vlu6qly315314057> (data obrashcheniya: 23.12.2023).
27. V Altaiskom krae 24-letnyaya mat' izbila svoyu novorozhdennoyu doch' – ei grozit do desyati let lisheniya svobody // SB. News. Informatsionno-novostnoi portal: [sait]. URL: <https://www.sb.by/articles/v-altae-24-letnyaya-mat-izbila-svoyu-novorozhdennoyu-doch-ey-grozit-do-desyati-let-lisheniya-svobody.html?ysclid=ls9u2p6kxm568687471> (data obrashcheniya: 06.05.2024).
28. Mat' iz Avstrii, muchavshuyu syna, obvinyayut v pokushenii na ubiistvo – rebenok vpal v komu iz-za istyazanii // Sreda. Informatsionno-novostnoi portal: [sait]. URL: <https://kurer-sreda.ru/2023/06/25/mat-iz-avstrii-muchavshuiu-12-letnego-syna-obviniaut-v-pokushenii-na-ubiistvo-rebenok-vpal-v-komu-iz-za-istiazanii?ysclid=ls9w0yq4zn114915992> (data obrashcheniya: 06.02.2024)

The specifics of the subjects of crimes with administrative prejudice in the field of road safety

Erte Daria

Graduate student, Department of criminal law, Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia

198206, Russia, Saint Petersburg, Pilyutov Pilot str., 1

 ertedaria@yandex.ru

Abstract. The subject of this study is the key features of the perpetrators of crimes against road safety, the legal construct of which is made using administrative law. The special status of persons committing crimes of this kind is emphasized by gross disregard for the rules established by law, disregard for the regulations in force against them. Based on the analysis of statistical indicators of road traffic accidents caused by drivers of vehicles, the public danger of committing such criminal acts is justified. These acts imply the onset of criminal consequences only if the person who committed them has special features. The emphasis in this case is on the increased danger of the subjects themselves committing intentional violations of traffic rules, referring them to the malicious type of violators with legal nihilism. To define the concepts of this study, a dialectical methodology was used; in order to comprehensively understand the key features of subjects of crimes with administrative prejudice in the field of road safety, elements of sociological methodology were used. In the

study of individual issues, private scientific methods were used, such as formal legal and comparative legal. The results of the conducted research are presented by the classification of signs possessed by the subjects of crimes with administrative prejudice in the field of road safety, their characteristics are given. The connection between the administrative prejudice and the subject as an element of the corpus delicti is substantiated, which, first of all, is justified by the assessment of the social danger of the offender and the choice of a preventive measure commensurate with the social danger of the offender. An important role in assessing public danger is played by determining the psychological portrait of the person who committed the crime, which covers the chronology of his administrative offenses and the frequency of violations of the same prescription. Based on the data obtained about the subject of the crime, the principles of proportionality of punishment and personal responsibility are implemented. In this case, these principles imply the influence of administrative prejudice on the fair distribution of sanctions, and previous administrative offenses aggravate the responsibility of the person.

Keywords: criminal record, administrative prejudice, public danger, road safety, driving a vehicle, driver, the subject of the crime, the composition of the crime, crime, criminal law

References (transliterated)

1. Korobeev A.I. Kriminalizatsiya upravleniem transportnym sredstvom v sostoyanii op'yaneniya: nazad v budushchee // Sovremennye problemy ugolovnoi politiki: materialy VI mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Krasnodar, 2015. Tom 1. S. 51-52.
2. Laktyukhin A. O. Sushchnost' administrativnoi preyditsii kak pravovogo yavleniya // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. 2023. №11 (156). C.135-145.
3. Gruntov I.O. Ugolovno-pravovye normy s administrativnoi preyditsiei: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Minsk, 1985. S. 12.
4. Yakovlev A.N. Bor'ba s retsidivnoi prestupnost'yu. M., 1964. S. 32.
5. Malkov V.P. Sovokupnost' prestuplenii[~] (voprosy kvalifikatsii i naznacheniya nakazaniya). Kazan', 1974. S. 123.
6. Galakhov A. V. Voprosy kvalifikatsii prestuplenii i ego tolkovanie v sudebnoi praktike // Rossiiskaya yustitsiya. 2008. № 2. S. 38-42.
7. Morozova N. A. Sostoyanie administrativnoi nakazannosti // Lex russica. 2021. T. 74, № 9. C. 44-53.
8. Bogdanov A. V. Osobennosti sub"ekta prestuplenii, soderzhashchikh administrativnuyu preyditsiyu, v deistvuyushchem ugolovnom zakone Rossii // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. 2018. №4. C. 484.
9. Chuchayev A. I. Formirovanie norm ob obespechenii uslovii bezopasnosti avtotransporta // Ugolovnoe pravo. 2022. № 11. C. 58-66.
10. Kravtsov A.Yu. Kriminologicheskaya kharakteristika i preduprezhdenie dorozhno-transportnoi prestupnosti v usloviyakh krupnogo goroda: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2014. S.8.

Self-interest as a qualifying sign of crimes in the field of entrepreneurial activity

Abstract. Entrepreneurship in the general consciousness can be represented as the most ancient and natural institution of society for humanity. Legislative regulation of such a significant social institution was only a matter of time. Rapidly changing historical conditions radically changed both society and the state; legislation, as a superstructure, underwent modernization in accordance with changing realities, which led to the formation of some legal rudiments that migrated from earlier norms of law.

This article examines the criminal law norms of Russian law that establish responsibility for committing crimes in the field of business activity, the main or qualified elements of which include such a sign of the subjective side as "selfish interest". In the context of this study, selfish interest is analyzed as one of the main crime-forming factors of some articles of the Criminal Code, while in other norms of law the attribute in question is only implied in absentia when qualifying unlawful acts committed.

The author used both theoretical and empirical methods of cognition when considering existing criminal law norms and their practical use in modern realities.

Based on the results of the analysis, the author comes to his own conclusion that the appropriateness of the presence of the above feature in the criminal law in the form in which it currently exists should be questioned. The author provides arguments and evidence of reasons to doubt the generally accepted point of view based on the very nature of entrepreneurial activity and its correlation with self-interest. Based on the collected data presented in this article, the author has identified and discussed possible shortcomings of the current criminal law, expressed in the presence of a designated sign of the subjective side of crimes enshrined in many articles of the criminal code.

Keywords: qualification of crimes, the distinction between crimes, business crimes, entrepreneurship, sign of the subjective side, selfish goal, selfish motive, selfish criminals, selfish interest, self-interest

References (transliterated)

1. Gorshenkov G.N., Kabanov P.A., Kastorskii G.L., Kolesnikov V.V. Prestupnost' sredi sotsial'nykh podsystem. Novaya kontseptsiya i otrasli kriminologii. Pod red. Shestakova D. A. SPb.: Yurid. tsentr "Press", 2003. S. 227.
2. Dal' V. I. Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: V 4 tomakh; M.: RIPOL klassik, 2006. Tom 2. S. 784.
3. Tyutyunnik I. G. Sootnoshenie ponyatii "korystnogo pobuzhdeniya" i "korystnogo motiva" v Ugolovnom kodekse Rossiiskoi Federatsii // Bezopasnost' biznesa. 2015. №4. S. 36-38.
4. Turyshev A. A. Korystnyi motiv prestupleniya // Nauchnyi Vestnik Omskoi Akademii MVD Rossii. 2020. № 4. S. 21.
5. Vishnevetskii K. V. Viktimologicheskoe modelirovanie korystnoi prestupnosti // Yuridicheskie nauki. 2019. № 2. S. 90.
6. Petrochenkov S. D. Korystnaya zainteresovannost' kak kvalifitsiruyushchii priznak prestupleniya, predusmotrennogo st. 183 UK RF // Ugolovnoe pravo. 2017. № 1. S. 78.
7. Smolitskii G. R. Dolzhnostnye prestupleniya; M.: Yurizdat. 1947. 69 s.

8. Dokhod predprinimatel'ya v Rossii 75–100 tysyach rublei v mesyats // beeline.ru: bilain biznes. 2023. URL: <https://beeline.ru/articles/bilain-biznes-dokhod-predprinimatel'ya-v-rossii-75-100-tysyach-rublei-v-mesyats> (data obrashcheniya 01.02.2023).
9. Simonenko A. A. Ugolovno-pravovaya norma ob otvetstvennosti za nezakonnnoe vzbuzhdenie ugolovnogo dela (ch. 3 st. 299 UK RF) // Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii. 2018. № 4. S. 30.
10. Zhilkin M. G. Prestupleniya v sfere predprinimatel'skoi deyatel'nosti: problemy klassifikatsii i differentsiatsii otvetstvennosti; M.: Yurisprudentsiya, 2019. S. 83.
11. Shesler A. V. Sootnoshenie tseli i motiva soversheniya prestupleniya // Vestnik yugorskogo gosudarstvennogo universiteta. 2023. № 4. S. 34.

The personality of the offender who commits crimes against people with disabilities and the victimological characteristics of the disabled victim

Chakiev Murat Akhmedovich

Senior Lecturer at the Criminology Department of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

198096, Russia, Saint Petersburg, Pilyutov Pilot str., 1

✉ murat.chakiev.76@mail.ru

Abstract. One of the vulnerable and unprotected groups of the population are persons with health problems with persistent disorders of body functions, leading to limitations in life activity and necessitating their social and legal protection. Often such persons are chosen by criminals as victims due to their defenseless or helpless state, which does not allow them to resist or makes their property accessible to third parties. The analysis of criminal cases revealed some personality traits of the criminal who chooses disabled people as victims, and also identified three groups of crimes, the commission of which has the specificity of choosing a victim with physical or mental disabilities. These are crimes of violence, crimes against property and corruption. The personality characteristics of the criminal have common characteristics in the case of crimes committed against such a category of victims in everyday life, or who chose the victim immediately before committing the crime, realizing the impossibility of proper resistance or protection of their property. A thorough analysis of each category will allow us to develop appropriate individual preventive measures. Considering the importance of protecting people with disabilities, the peculiarities of their legal status and health status, we consider it important to develop a separate interdisciplinary area of criminology - victimology of the disabled.

Keywords: crime prevention, preventive measures, focus of crimes, prevention, victimological characteristics, victim, criminal, disability, victimology, latency

References (transliterated)

1. Gos'kova D.Zh. Bespomoshchnost' poterpevshego: teoreticheskie vozzreniya i pravoprimenitel'naya praktika // Pravovedenie. 2023. T. 7, № 2. S. 130.
2. Kabanov P.A. Sovremennaya kriminologicheskaya viktimologiya: tendentsii i nekotorye perspektivy napravleniya razvitiya // Viktimologiya. 2017. № 3 (13). S. 5-15.
3. Kabanov P.A. Kriminal'naya viktimnost' lits s ogranichennymi fizicheskimi

- vozmozhnostyami (invalidov pervoi i vtoroi gruppy): statisticheskoe izmerenie 2014-2015 gg. // Yuridicheskie issledovaniya. 2016. № 6. S. 1-11. DOI: 10.7256/2409-7136.2016.6.19421 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=19421
4. Kochin A.A., Kharlamov V.S. Sovremenniy viktimologicheskii portret fizicheskogo litsa, postradavshogo ot prestupleniya // Rossiiskii sledovatel'. 2021. № 12. S. 68-72.
  5. Mikhailovskaya O.V. Ugolovno-pravovaya okhrana litsa, nakhodyashchegosya v bespomoshchnom sostoyanii. Moskva: OOO «Izdatel'stvo Yuniti-Dana», 2021.-207 s.
  6. Mullakhmetova N.E. Zhertvy prestuplenii s psikhicheskimi rasstroistvami: viktimologicheskii i ugolovno-protsessual'nyi aspekty // Viktimologiya. 2017. № 2(12). S. 46-50.
  7. Chakiev M.A. Analiz zarubezhnogo opyta po preduprezhdeniyu prestupnosti v otnoshenii invalidov // Nauchnoe obespechenie raskrytiya, rassledovaniya i preduprezhdeniya prestuplenii : Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii k yubileyu doktora yuridicheskikh nauk, professora, zasluzhennogo yurista Rossiiskoi Federatsii Aleksandra Alekseevicha Protasevicha, Irkutsk, 15 dekabrya 2022 goda. Irkutsk: Baikal'skii gosudarstvennyi universitet. 2023. S. 221-226.
  8. Chakiev M.A. Sravnitel'no-pravovoi analiz zarubezhnogo opyta po preduprezhdeniyu prestupnosti v otnoshenii lits s invalidnost'yu // Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I.D. Putilina. 2023. № 4. S. 100-106.
  9. Chakiev M.A. Invalidnost', kak predposylka soversheniya prestuplenii korruptsionnoi napravlenosti // Organy vnutrennikh del v sisteme protivodeistviya korruptsionnoi prestupnosti: Materialy vnutrivedomstvennogo kruglogo stola, Sankt-Peterburg, 08 dekabrya 2023 goda. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskii universitet MVD Rossii, 2023. S. 286-292.
  10. Shestakov D.A. Vvedenie v kriminologiyu zakona. Sankt-Peterburg: Yuridicheskii tsentr Press. 2011. S. 75.
  11. Shikula I.R. Problemnye voprosy otvetstvennosti za nasil'stvennye prestupnye posyagatel'stva protiv lits, nakhodyashchikhsya v bespomoshchnom sostoyanii, v ugolovnom zakonodatel'stve zarubezhnykh stran // Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya. 2017. № 2. S. 22-25.
  12. Shikula I. R. Teoreticheskie i prakticheskie problemy opredeleniya ponyatiya «bespomoshchnoe sostoyanie» v ugolovnom prave Rossii / I. R. Shikula // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2016. – № 3(25). – S. 78-81.
  13. Scott S. D., Hirschinger L. E., Cox K. R., et al. (2009). The natural history of recovery for the health care provider «second victim» after adverse patient events. Qual Saf Health Care. 18. P. 325 – 330.
  14. Seeley K., Tombari M.L., Bennett L.J., & Dunkle J.B. (2009). Peer Victimization in Schools: A Set of Quantitative and Qualitative Studies of the Connections Among Peer Victimization, School Engagement, Truancy, School Achievement, and Other Outcomes. National Center for School Engagement. 1. P. 13 – 46.

Criminal liability for sexual offences against minors in the United States, Canada and the United Kingdom

Ostroushko Aleksandr Vladimirovich

PhD in Law

Associate Professor, Department of International and Public Law, Financial University under the Government of the Russian Federation

38 Shcherbakovskaya Lane, office 805, Moscow, 109542, Russia

✉ ostroushko@mail.ru

Chukreev Vadim Andreevich

PhD in Law

Deputy Prosecutor, Prosecutor's Office of the Sverdlovsk Region

21 Moskovskaya str., Yekaterinburg, Sverdlovsk region, 620014, Russia

✉ chukreeva@mail.ru

Bukalero Sergei Aleksandrovich

Postgraduate student, Department of Criminal Law and Criminology, Law Academy of the Ministry for Justice of the Russian Federation

10a Bolshoy Karetny str., Moscow, 127051, Russia

✉ sergbukalero@yandex.ru

Abstract. The subject of the study is the types and forms of criminally punishable sexual violence against children available in the legislation of the United States of America, Canada and the United Kingdom. The author examines in detail the descriptions of the circle of persons who may be subjects of sexual acts with minors, enshrined in various legal norms of these countries. Their comparative characteristics are carried out, positive trends that can be implemented in the criminal legislation of the Russian Federation are identified. The concepts of "statutory rape" and "age of sexual consent", unknown to the Russian legal doctrine, are considered. The issues of compensation for harm caused to minors who suffered from sexual acts are investigated. Based on the dialectical method of cognition of the surrounding reality, the study is based on a comparative analysis of the provisions of US criminal law on the example of legislative acts of various states, Canada and the United Kingdom on combating child sexual abuse. The main conclusions of the study are: the legislation of the Anglo-Saxon countries recognizes various types of sexual violence against minors as acts of special public danger: the severity and effectiveness of punishment for these acts are quite high; The degree of elaboration of definitions concerning sexual crimes is more extensive and detailed, fixed in the norms of criminal legislation. Legally, the concepts are given and the measure of responsibility for such actions with minors as incest, sodomy, pederasty, oral copulation is defined, the pitchforks of obscene or lascivious actions and a number of others are described in detail. The additional civil liability of an adult who has had sexual intercourse with a minor in the form of monetary compensation deserves attention. The legislation of foreign countries is able to enrich the domestic norms of the criminal code in the case of the implementation of certain substantive provisions.

Keywords: implementention, criminal liability, crime counteraction, incest, sexual offences, minors, criminal law, Unated Kingdom, Canada, Unated States

References (transliterated)

1. Avdalyan, A.Ya. Protivodeistvie seksual'nym prestupleniyam, sovershaemym v Soedinennykh Shtatakh Ameriki // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2014. № 5. S. 85-90.
2. Donchenko, A. G., Tokareva, A. A. Otvetstvennost' za prestupleniya, svyazannye s seksual'noi ekspluatatsiei i seksual'nymi zloupotrebleniyami nesovershennoletnikh, v sovremennykh pravovykh sistemakh // Lex Russia. 2018. № 6 (139). S. 54-62.

3. Bimbinov, A. A. Nenasil'stvennyye posyagatel'stva na polovuyu neprikosновенnost' nesovershennoletnikh po ugovnomu pravu zarubezhnykh stran // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). 2015. № 7. S. 147-161.
4. Maslov, A. V. Zarubezhnyi opyt bor'by s prestupleniyami protiv polovoi svobody i polovoi neprikosновенnosti, sovershaemykh v otnoshenii nesovershennoletnikh // Zametki uchenogo. 2020. № 5. S. 139-144.
5. Stal'bovskii, V. V. O vozraste polovogo soglasiya / V. V. Stal'bovskii // Vestnik Akademii MVD Respubliki Belarus'. 2021. № 2(42). S. 142-150.
6. Bercheneva, M. V. Institut oboyudnogo soglasiya: aktualen li on dlya ugovnogo prava Rossii? / M. V. Bercheneva // Publichnoe pravo segodnya. 2022. № 3(13). S. 118-126.
7. Nikolenko, A. A. Khimicheskaya i khirurgicheskaya kastratsiya kak sredstvo preduprezhdeniya polovykh prestuplenii / A. A. Nikolenko // Yuridicheskii fakt. 2022. № 161. S. 30-32.
8. Kameneva A.N. Intsest: ugovno-pravovoi aspekt // Rossiiskii sledovatel'. 2016. № 15. S. 16-19.
9. Andrew, R. Child Sexual Abuse and the State // UC Davis Law Review. 2006. Vol. 39.
10. Foster, J., Carson, D. Child Sexual Abuse in the United States: Perspectives on Assessment and Intervention // American Journal of Humanities and Social Sciences. 2013. Vol. 1. No. pp. 97-108.
11. Kirci, G.S. Retrospective comparison of extrafamilial and intrafamilial incest abuse // Med Palliat Care. 2023. №4(3). R. 201-206.
12. Russell, D. The incidence and prevalence of intrafamilial and extrafamilial sexual abuse of female children // Child Abuse Neglect. 1984. Vol. 7. P. 133-146.
13. Finkelhor, D. Child sexual abuse: New theory and research // Child Abuse Neglect. 1984. Vol. 7. P. 22-33.
14. Meisselman, K. S. Incest-A Psychological Study of Causes and Effects with Treatment Recommendations. – San Francisco, 1978. 380 p.
15. Incest Under the Law. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.justia.com/criminal/offenses/other-crimes/incest/> (data obrashcheniya: 20.02.2024).
16. Sex Offender Management Assessment and Planning Initiative [Elektronnyi resurs]. URL: <https://smart.ojp.gov/somapi/chapter-8-sex-offender-management-strategies> (data obrashcheniya: 20.02.2024).
17. Mascolo, J. Statutory Rape [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.findlaw.com/criminal/criminal-charges/statutory-rape.html> (data obrashcheniya: 20.02.2024).
18. Klasfeld A. Half-Blood' Uncle-Niece Couples Endorsed in NY [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.courthousenews.com/half-blood-uncle-niece-couples-endorsed-in-ny> (data obrashcheniya: 14.10.2021). (data obrashcheniya: 20.02.2024).
19. General Laws of Rhode Island Section 15-1 [Elektronnyi resurs]. URL: <http://webserver.rilin.state.ri.us/Statutes/TITLE15/INDEX.HTM> (data obrashcheniya: 20.02.2024).
20. North Carolina General Statutes. [Elektronnyi resurs]. URL: [Justiahttps://law.justia.com/codes/north-carolina/2005/chapter_14/ga_14-27.1.html](https://law.justia.com/codes/north-carolina/2005/chapter_14/ga_14-27.1.html) (data obrashcheniya: 20.02.2024).
21. O sudebnoi praktike po delam o prestupleniyakh protiv polovoi neprikosновенnosti i polovoi svobody lichnosti: Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 04.12.2014

- N 16 // Byulleten' Verkhovnogo Suda RF. 2015. N 2.
22. The Penal Code of California. [Elektronnyi resurs]. URL: https://leginfo.ca.gov/faces/codes_displayText.xhtml?lawCode=PEN&division=&title=9.&part=1.&chapter=5.&article= (data obrashcheniya: 20.02.2024).
23. Sexual Offences Act 2003 [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2003/42/part/1/crossheading/familial-child-sex-offences> (data obrashcheniya: 20.02.2024).
24. Chukreev, V.A. Obespechenie ugovorno-pravovoi i kriminologicheskoi bezopasnosti biosotsial'noi sushchnosti cheloveka. Monografiya. M.: YuNITI. 191 s.
25. Criminal Code R.S.C. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://laws.justice.gc.ca/eng/acts/C-46/page-24.html#h-118142> (data obrashcheniya: 20.02.2024)

Health damage caused as a result of adverse environmental impacts: civil compensation mechanisms

Kolesnichenko Olga Viktorovna

PhD in Law

Associate Professor at Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot,
Associate Professor at Tyumen State University

390043, Russia, Ryazan region, Ryazan, 1st Krasnaya str., 18, room 508

 olja_korn@mail.ru

Abstract. The subject of research in this article is the regulations and theoretical ideas about compensation for harm caused to a citizen's health as a result of adverse environmental impacts. The purpose of the study is to create doctrinal conditions and develop proposals for the development of civil legislation aimed at ensuring compensation for harm caused by damage to health in the environmental sphere. As a result of the study, it was proved that in order to ensure real compensability of harm to health in the environmental sphere, the presumption of environmental danger of certain types of economic activity should be accompanied by the legal establishment of an irrefutable presumption of the origin of physical harm from adverse environmental impacts, based on available knowledge about the causes and symptoms of environmentally caused diseases (medical criterion), whether the victim belongs to a risk group based on living or working in the contaminated area (legal criterion). However, the author does not limit himself to justifying the need to introduce this presumption, but proposes a set of measures for the accompanying development of legislation. It is noted that the irrefutable presumption of the origin of physical harm from adverse environmental impacts must be accompanied by the establishment of an obligation of business entities to create conditions for the implementation of non-tort forms of compensation, alternative to insurance compensation within the framework of liability insurance. In this capacity, agreements on the distribution of risks can act, the terms of which provide for the creation of a quasi-insurance public benefit fund, payments from which will repay obligations to victims in an amount that allows taking into account the loss of ability to do paid work, the need for outside care, etc.

Keywords: tortious obligations, compensation mechanism, risk sharing, compensation for harm, adverse environmental impact, environmental damage, tortious liability, harm to health, alternative compensation mechanisms, victim

References (transliterated)

1. Vasil'eva M.I. Pravovye problemy vozmeshcheniya vreda zdorov'yu grazhdan, prichinennogo ekologicheskimi pravonarusheniyami // Sud'ya. 2017. № 9. S. 15-21.
2. Knyaz'kin A.D. Opredelenie ob"ema i razmera ekologicheskogo vreda prichinennogo zdorov'yu grazhdanina v Rossiiskoi Federatsii // Kazanskaya nauka. 2011. № 1. S. 261-262.
3. Sluchevskaya Yu.A. Ekologicheskii vred: problema opredeleniya i otsenki // Obshchestvo i pravo. 2020. № 4 (74). S. 19-23.
4. Krasnova S.A. Vozmeshchenie ekologicheskogo vreda: vzglyad skvoz' prizmu deliktного права // Khozyaistvo i pravo. 2023. № 5. S. 97-109.
5. Pozdnyakova P.V. Problemnye voprosy vozmeshcheniya ekologicheskogo vreda: zamechaniya na polyakh Obzora sudebnoi praktiki Verkhovnogo Suda RF // Zakon. 2023. № 10. S. 25-38.
6. Boltanova E.S., Kratenko M.V. Ekologicheskii risk, ekologicheskii vred i strakhovanie: grazhdanskoe i ekologicheskoe zakonodatel'stvo i pravoprimerenie v Rossiiskoi Federatsii // Zhurnal rossiiskogo prava. 2022. № 12. S. 145-159.
7. Broslavskii L.I. Rossii nuzhen zakon o vozmeshchenii ekologicheskogo vreda // Ekologicheskoe pravo. 2020. № 3. S. 37-43.
8. Zhulai E.A., Cherkashina E.G. Vidy ekologicheskogo vreda i sposoby ego vozmeshcheniya // Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2008. № 42. S. 32-36.
9. Barbu F.O. The Objective Civil Liability for The Environmental Damage // Multidimensional Education and Professional Development: Ethical Values: collection of materials / ed. by A. Sandu, T. Ciulei, A. Frunza. Targoviste: Future Academy, 2017. Vol. 27. Rr. 53-57.
10. Danilova N.V. Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost' za ekologicheskii vred: problemy teorii i praktiki // Pravo i politika. 2014. № 12. S. 1931-1935.
11. Babenko L.N. Vozmeshchenie vreda, prichinennogo zemel'nymi pravonarusheniyami: problemy primeneniya // Pravo i politika. 2013. № 9. S. 1202-1209.
12. Knyaz'kin A.D. O kriteriyakh opredeleniya razmera kompensatsii moral'nogo vreda, prichinennogo vsledstvie ekologicheskikh pravonarushenii // Pravo i politika. 2013. № 6. S. 813-821.
13. Negodaeva E.G. Problemy privlecheniya k grazhdansko-pravovoi otvetstvennosti za ekologicheskie pravonarusheniya // Yurist"-Pravoved". 2020. № 2 (93). S. 7-11.
14. Barbashova N.V. Narushenie blagopriyatnogo sostoyaniya okruzhayushchei sredy kak osnovanie dlya kompensatsii moral'nogo vreda // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 1. S. 148-155.
15. Gafarov N.R. Vyyavlenie i kriterii otsenki ob"ektov nakoplenno vreda okruzhayushchei sredy // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. 2022. № 1 (134). S. 189-197.
16. Nigmatullina E.F. Priemlemost' riskov vozdeistviya ob"ektov nakoplenno vreda i ikh otsenka // Ekologicheskoe pravo. 2020. № 1. S. 48-50.
17. Liu D. Value evaluation system of ecological environment damage compensation caused by air pollution // Environmental Technology & Innovation. 2021. Vol. 22. Pr. 101-103.
18. Pillayre H. Compensation Funds, Trials and the Meaning of Claims: The Example of Asbestos-Related Illness Compensation in France // Social & Legal Studies. 2021. No.

30 (2). Rr. 180-202.

19. Onyeabor E. Practical Tips on Evaluation and Assessment of Environmental Pollution Damage in Environmental Litigation // Journal of Environmental Management and Safety. 2012. Vol. 3. No 2. Rr. 135-145.
20. Lee K.M., Godderis L., Furuya S. et al. Comparison of asbestos victim relief available outside of conventional occupational compensation schemes // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2021. Vol. 18. No 10. Pr. 1-21.
21. Barrett B.F., Therivel R. Environmental policy and impact assessment in Japan. London: Routledge, 2019. – 314 r.
22. Osaka E. Reevaluating the Role of the Tort Liability System in Japan // Arizona Journal of International and Comparative Law. 2009. Vol. 26. No. 2. Rr. 400-405.
23. Broslavskii L. Ekologicheskie narusheniya: kompensatsiya vreda postradavshim grazhdanam // Advokatskaya gazeta. 2021. № 23. – URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/ekologicheskie-narusheniya-kompensatsiya-vreda-postradavshim-grazhdanam/> (data obrashcheniya: 25.03.2024).
24. Ryzhenkov A.Ya. Pravovoe regulirovanie vozmeshcheniya ekologicheskogo vreda: problemy teorii i praktiki // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). 2020. № 3. S. 77-85.
25. Evtushenko V.I. Konstitutsionno-pravovoe regulirovanie deyatel'nosti po vozmeshchenie vreda litsam, postradavshim pri chrezvychaynykh situatsiyakh ekologicheskogo kharaktera // Sovremennoe pravo. 2009. № 11. S. 38-41.

Topical issues of early termination of powers of deputies of representative bodies of municipalities for non-compliance with anti-corruption legislation

Sukhareva Kseniia Sergeevna

Consultant of the Department of the Governor of the Krasnoyarsk Territory for the prevention of corruption and other offenses; Senior Lecturer of the Department of delictology and criminology at Law Institute of the Siberian Federal University

6 Maerchaka str., 6, room 1-20, Krasnoyarsk Territory, 660075, Russia

✉ kseniyasukhareva2012@mail.ru

Abstract. The early termination of the powers of deputies of representative bodies of municipalities as a measure of anti-corruption security has a high preventive potential. However, law enforcement practice indicates that deputies of representative bodies of municipalities abuse their rights, which is expressed, in particular, in avoiding the application of a measure of early termination of powers in relation to deputies who violated anti-corruption legislation. The current situation is largely determined by the consolidation in legislation of the exclusive competence of the representative body of the municipality to make a decision on the early termination of the powers of a deputy. There are often cases when, if there are grounds for early termination of the powers of a deputy due to a clear violation of the provisions of anti-corruption legislation, a representative body applies a less severe measure of responsibility or does not apply any measures at all. During the research, the author used the general scientific method of dialectical cognition, as well as private scientific methods: system-structural, formal-logical (deduction, induction), etc. According to the results of the study, the author came to the conclusion that one of the ways to solve the current situation is the legislative consolidation of the early termination of powers of a deputy of a representative body of a municipal formation in court. The Judicial Board for Administrative

Cases of the Supreme Court of the Russian Federation in one of its rulings pointed to the possibility of early termination of the deputy's powers in court. At the same time, the question remains open about the need for a subsequent decision on the early termination of the powers of a deputy by a representative body, by virtue of the exclusive competence assigned to it by law, if the powers of a deputy were terminated prematurely by a court. The legislative consolidation of the measure in question in court will resolve existing issues about "judicial activism" and increase the effectiveness of its application.

Keywords: decision of the representative body, deputy, abuse of the right, anti-corruption standards, anti-corruption security, early termination of powers, municipality, representative body, judicial procedure, municipal position

References (transliterated)

1. Andreechev I. S. Predotvrashchenie i uregulirovanie konflikta interesov v deyatel'nosti deputatov predstavitel'nykh organov munitsipal'nykh obrazovaniy: problemy pravovogo regulirovaniya i praktiki primeneniya // Mestnoe pravo. 2021. № 3. S. 3–30.
2. Sukhareva K. S. Dosrochnoe prekrashchenie polnomochii deputatov predstavitel'nykh organov munitsipal'nykh obrazovaniy kak antikorrupcionnaya mera bezopasnosti // Eniseiskie politiko-pravovye chteniya : sbornik nauchnykh statei po materialam XV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (29–30 sentyabrya 2023 g.) [Elektronnyi resurs] / otv. red. G. L. Moskaev. Krasnoyarsk : Obshchestvennyi komitet po zashchite prav cheloveka, 2023. URL: [https://law.sfu-kras.ru/attachments/article/7008/Sbornik%20EPPCh-2023%20\(30.11.2023\).pdf](https://law.sfu-kras.ru/attachments/article/7008/Sbornik%20EPPCh-2023%20(30.11.2023).pdf) (data obrashcheniya: 18.11.2023).
3. Antikorrupcionnye mery bezopasnosti : monografiya / pod red. N. V. Shchedrina, I. A. Damm. M. : Prospekt, 2020. 496 s.
4. Basova T. B. Protivodeistvie korruptsii v fokuse administrativnoi reformy Rossii // Kriminologicheskii zhurnal. 2012. № 4. S. 6–12.
5. Kostennikov M. V., Kurakin A. V. Antikorrupcionnye standarty sluzhebnogo povedeniya gosudarstvennykh grazhdanskikh sluzhashchikh // Monitoring pravoprimeneniya. 2014. № 4 (13). S. 26–33.
6. Korruptsiya: priroda, proyavleniya, protivodeistvie : monografiya / otv. red. akad. RAN T. Ya. Khabrieva. M. : ID «Yurisprudentsiya», 2012. 688 s.
7. Protivodeistvie korruptsii v federal'nykh organakh ispolnitel'noi vlasti : nauch.-prakt. posobie / T. A. Edkova, N. V. Kichigin, A. F. Nozdrachev [i dr.] ; otv. red. A. F. Nozdrachev. M. : Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii; INFRA-M, 2016. 184 s.
8. Damm I. A. Antikorrupcionnye standarty povedeniya lits, osushchestvlyayushchikh upravlencheskie funktsii v obrazovatel'noi organizatsii // Pravo i politika. 2017. № 12. S. 14–26.
9. Ron'zhina O. V. Osobennosti privlecheniya deputatov predstavitel'nykh organov munitsipal'nogo obrazovaniya k konstitutsionnoi otvetstvennosti za korruptsionnye pravonarusheniya // Rol' yuridicheskogo soobshchestva v protivodeistvii korruptsii : sbornik nauchnykh statei po itogam VI Sibirskogo antikorrupcionnogo foruma. Krasnoyarsk, 15–16 dekabrya 2022 g. / otv. red. I. A. Damm, E. A. Akunchenko. Krasnoyarsk : Sib. feder. un-t, 2023. S. 148–153.
10. Zabolotskikh E. M. Otvetstvennost' dolzhnostnykh lits i organov mestnogo samoupravleniya : nauch.-prakt. posobie // SPS «Konsul'tant Plyus». URL:

<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?>

req=doc&base=CMB&n=8140#fGIYw5UeczSB0Thq (data obrashcheniya: 28.11.2023).